Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

С.А. Сафронов

«ПЬЯНЫЙ ВОПРОС» В РОССИИ И «СУХОЙ ЗАКОН» 1914–1925 годов

Монография

В двух томах

Том 2. ОТ КАЗЕННОЙ ВИННОЙ МОНОПОЛИИ С.Ю. ВИТТЕ ДО «СУХОГО ЗАКОНА»

Красноярск
СФУ
2017

УДК 9С
ББК 63.3(2)533
С218

Рецензенты:

М.Д. Северьянов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Сибирского федерального университета;

А.И. Бакшеев, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук Красноярского государственного медицинского университета

Сафронов, С.А.

С218 «Пьяный вопрос» в России и «сухой закон» 1914–1925 годов : монография : в 2 т. Т. 2. От казенной винной монополии С.Ю. Витте до «сухого закона» / С.А. Сафронов. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. – 546 с.

ISBN 978-5-7638-3601-1 (т. 2)
ISBN 978-5-7638-3600-4

Во втором томе монографии рассматривается следующий период питейной политики Российского государства: от казенной винной монополии до «сухого закона» 1914–1925 гг.; уделяется внимание становлению и деятельности казенной винной монополии министра финансов С.Ю. Витте; освещается деятельность правящего класса в России в деле борьбы с пьянством; исследуется формирование идеологии введения «сухого закона» в России и его действие в период Первой мировой и Гражданской войн, а также во времена НЭПа; исследуются причины отмены «сухого закона».

Предназначена для аспирантов, преподавателей и научных работников.

Электронный вариант издания см.:
http://catalog.sfu-kras.ru

УДК 9С
ББК 63.3(2)533

ISBN 978-5-7638-3601-1 (т. 2)
ISBN 978-5-7638-3600-4

© Сибирский федеральный университет, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Подготовка казенной винной монополии 4
1.1. Александр III – царь-националист. Завершение эпохи винного акциза 4
1.2. Николай II – «маленький царь большой империи». Причины трагедии на Ходынском поле во время коронационных торжеств – водка или случайность? 60
1.3. С.Ю. Витте – архитектор новой винной политики 101
2. Действие казенной винной монополии – удачи и просчеты ... 133
2.1. Введение винной монополии 133
2.2. Монополия и трактирный промысел 167
2.3. «Банкетная кампания» 1904 г., пьянство на русско-японской войне 1904–1905 годов 230
3. Предпосылки «сухого закона» – трезвенническое движение в России 253
3.1. Общества трезвости в России и за границей – попытка остановить алкоголизацию населения 253
3.2. «Пьяные камеры» и приюты для опьяненных – от аскетизма к комфорту 286
3.3. Съезды по борьбе с пьянством – на пике политических разногласий 307
3.4. Разработка «сухого закона» – шаг в «бюджетную пропасть» 320
4. Действие «сухого закона» (1914–1925 годы) 378
4.1. Борьба с «зеленым змием» в годы Первой мировой войны на территории Европейской России и в Сибири 378
4.2. Февральская революция 1917 года – курс на продолжение «сухого закона». Начало погромов винных складов 419
4.3. Октябрьская революция 1917 года – «Допьем романовские остатки!». Апогей винных погромов 451
4.4. Окончание «сухого закона» – стране нужны доходы 495
Заключение 541

дилось только геометрическое и без составления протокола. Измерение же квасильных чанов производилось геометрически и водою с составлением протокола. Работы по измерению заводской посуды производились рабочими завода и за счет заводчика[1].

Рост ставки акцизного сбора сопровождался одновременным увеличением объема поступлений акцизных налогов в бюджет и ростом контрабанды спирта из-за границы. Контрабандный спирт был в два или даже в три раза дешевле российского. В условиях множественной частной торговли государству было сложно бороться с контрабандой спирта, и она приняла огромные размеры. По оценке комиссии, рассматривающей вопрос о мерах борьбы с контрабандой спирта, ввозимого из Пруссии и Австрии, убытки казны от нее достигли в 1882 г. 19 млн руб. Водочные напитки (наливки и настойки), сделанные из уже оплаченного акцизом спирта, сначала не подлежали вторичному обложению. Водочные заводы, имея патент, могли выпускать напитки любой крепости и самого разного качества. Акцизный надзор только пресекал производство напитков, выделанных из нелегального (корчемного) спирта. Отсутствие контроля за качеством водочных напитков, привело к заполнению рынка низкокачественными водочными изделиями. Зачастую это был просто разбавленный или разбавленный и подкрашенный спирт. Часто эти напитки не проходили дополнительной очистки и имели произвольную крепость, от 18 до 30°. Торговля так называемыми «специальными водками», которая не подвергалась акцизному надзору, позволяла обходить закон об обязательной крепости простого хлебного вина, и была настолько выгодной, что совершенно вытеснила его из продажи. На этой почве появились заводы, которые не имели ничего кроме печати, они фактически продавали свои этикетки и право накладывать печать на посуду со спиртом, разбавленным водой. Это привело к уменьшению количества потребляемого спирта, а следовательно, и к снижению доходов казны[2].

Э.Ф. Нольде писал о таких «заведениях»: «Существуют… оптовые склады, специально устраиваемые для снабжения законными паспортами самого незаконного спирта, мнимо передвигающегося из одних концов империи в другие. Иногда вы приезжаете в склад, вечно состоящий из двух-трех бочек спирта, а между тем книги этого склада

[1] Засорин А. Спутник акцизного чиновника. Сумы: Типолитография К.М. Пашкова, 1911. С. 5–6.

[2] Артемьева Л.В. Этапы и механизм введения в России акцизной системы на алкоголь во второй половине XIX в. // Транспортное дело России. 2011. № 5. С. 122–125.

с помощью их чеков, свидетельств и пр. служат передаточными пунктами для большого передвижения спирта. Склады для такой передачи устраиваются преимущественно в городах при размерах торговли столь значительной и быстрой, что даже опытный акцизный чиновник чуть ли не даже в момент присутствия его в складе не уследит и не поймет в чем дело. Иногда же такие склады устраиваются в глуши, где частые ревизии невозможны». При этом он предполагал, что ежегодно от недобора акцизного сбора государство теряло ежегодно до 200 млн руб. «Самые распространенные и самые большие по размерам злоупотреблений, – по его мнению, – совершаются в Царстве Польском, в северо-западных, юго-западных, юго-центральных и южных губерниях, несколько умереннее они в некоторых северных и северо-центральных губерниях»[1].

В.П. Смирнов вспоминал: «У знаменитого поэта Некрасова был брат Федор Алексеевич. Заводчик, водочник, богач. В своей Карабихе Ярославской губернии он производил разнообразные напитки, в том числе и ром. Откуда там было взяться рому? Как и винам бордоским, бургундским, хересу? Про него написал Салтыков-Щедрин, а поскольку передо мною нет той его статьи, попробую восстановить ее по памяти. Процесс выделки у Некрасова был очень простой. Он брал подлинную бочку из-под подлинного вина и наливал в нее в определенной пропорции астраханский чихирь, т. е. кизлярскую дешевую водку, и воду. На бочку вливалось ведро спирта, а потом, смотря по свойству выделываемого вина: мадера, малага, рейнвейн, – шло столько-то патоки, столько-то дегтя и столько-то сахарного свинца. Затем эту смесь мешали, пока она не сделается однородной, а после бочки закупоривали. И вот по прошествии времени, когда вино отстоится, приходил хозяин или главный приказчик, и начиналась так называемая сортировка... Плюнет в бочку один раз – выйдет просто мадера по цене 40 копеек. Плюнет два раза – выйдет цвеймадера, цена от 40 копеек до руб. А если плюнет три раза – выйдет дреймадера (цена от 1 руб. 50 копеек и выше, ежели, например, мадера "столетняя"). Потом все это лилось в бутылки, забивалось пробками и поставлялось на стол губернатора. Тот свидетельствовал, "что лучше он ничего не пивал", и товар шел прямиком сперва на Нижегородскую ярмарку, а оттуда уже – по всей России»[2].

[1] Нольде Э.Ф. Питейное дело и акцизная система. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. С. 10, 25.

[2] Смирнов В.П. Смирновы. Водочный бизнес русских купцов. М.: Изд-во «Генеральный директор», 2011. С. 149–150.

са и моего брата Леонтия: ведь эта этикетка означала, что вину по крайней мере десять, а то и больше лет… Под вечер, после того, как все вино было разлито, являлся сам мосье Бокильон и, попробовав от каждого вина по рюмочке, с авторитетом произносил: "Отлично!" – после чего оставалось разместить бутылки по разным, специально для того устроенным в стенах квартиры и в погребе помещениям… Именно дважды во время этих разливов я испытал опьянение до полного одурения. Пользуясь тем, что бонна и мама оставили меня в чертежной любоваться работой разливщика, я стал подставлять ему, после наполнения каждой бутылки, свою игрушечную рюмку с тем, чтобы излишек попадал не в специальную посуду, а, в мою рюмку, и хоть это и замедляло работу, однако разливщик благодушно потворствовал мне. Рюмочка была крошечная, с наперсток, однако, выпивая одну за другой, я стал пьянеть, а на двадцатой или тридцатой рюмке мною уже овладевало то чудесное чувство потусторонности, для получения которого люди часто и предаются культу Бахуса. Увы, за этим чувством следовало другое – весьма неприятное: все начинало быстро вертеться вокруг, а сам я оказался уже лежащим на полу»[1].

С воцарением же на русском престоле императора Александра III началась новая эпоха, в которой некоторые видели «здоровую национальную политику». Генерал-лейтенант А.А. Мосолов впоследствии писал: «При Александре II все подаваемые вина были иностранного происхождения. Александр III создал для русского виноделия новую эпоху: он приказал подавать иностранные вина только в тех случаях, когда на обед были приглашены иностранные монархи или дипломаты. Иначе надо было довольствоваться винами русскими. Полковые собрания последовали примеру, данному свыше. Я помню, что многие офицеры находили неуместным винный национализм: вместо собраний они стали обедать в ресторанах, не обязанных считаться с волей монарха. Признаюсь, что в те времена надо было иметь много национального мужества, чтобы довольствоваться крымской кислятиной. Но это продолжалось недолго. Под искусным руководством князя Кочубея уделы быстро довели свои вина до высокой степени совершенства. Весьма скоро потребление иностранных вин сделалось признаком просто снобизма. Главным вдохновителем русского виноделия был князь Лев Голицын. Считалось, что он умеет "пробовать" вино не хуже заправских дегустаторов. Его виноградники находились в 30 верстах от

[1] Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 106.

Ялты. Имение называлось "Новый мир". Александр III заинтересовался этим грандиозным предприятием и предложил Голицыну пост главного администратора Массандры. Князь долго упирался и даже поставил условия: никогда не надевать никакого мундира; никогда не получать никаких званий и никаких отличий; делать в Массандре все, что заблагорассудится. Царь удивился, но дал свое согласие. В течение некоторого времени Голицын управлял не без успеха Массандрой. Но потом у него начались счеты с главноуправляющим уделами. Он был призван к царю, но оказался настолько несговорчивым, что ему пришлось подать в отставку. Голицын после этого посвятил себя всецело своему имению. В последние годы царствования Николая II Голицын предложил "Новый мир" в подарок государю. Зная князя как человека эксцентричного, государь предложил ему изложить письменно условия этого дарения. Оказалось, что условий этих немало, и притом они не так-то просты. Государство обязывалось создать в "Новом мире" целую академию виноделия. Голицын должен был быть ее пожизненным президентом с правом проживать в имении до самой своей смерти. По произведенным подсчетам, академия должна была вскочить уделам в крупную копейку. Царь, однако, заинтересовался планами князя и приказал не считаться с расходами. Я помню посещение их величествами "Нового мира". Подвалы имели 3 версты в длину. На перекрестках галерей устроены были круглые комнаты для "пробования" вина. Одна из этих зал называлась "винной библиотекой": в ней находилась специальная коллекция старинных стаканов и кубков, подобранных по сортам вина. Раскупоривая знаменитые "годы", князь болтал без остановки... "Хотела бы я знать, – сказала на возвратном пути государыня, – сколько часов может он говорить без остановки"»[1].

Продолжало существовать астраханское виноделие. А. Дюма побывал в Астрахани в 1858 г. и оставил о местном вине следующие впечатления: «Меня уверяли, будто в Астрахани насчитывается сорок два сорта винограда... Несмотря на то, что в Астрахани собирают великолепный виноград, ягоды которого, благодаря искусственному орошению, величиной со сливу, вино, из него изготовляемое, весьма посредственного качества. Поэтому мы нашли на столе три сорта вина, выше всего ценящиеся в южной России – бордо, кизлярское и кахетинское. Последнее я сначала не оценил вполне по достоинству. Его вывозят в бурдюках, и оно приобретает козлиный запах и привкус, который

[1] Мосолов А.А. При дворе императора. Рига: Филин, 1938. С. 57.

особенно нравится астраханским жителям, но, судя по моему опыту, доставляет мало удовольствия иностранцам»[1].

Развивалось виноделие и на территории Северного Кавказа. Царское удельное имение «Абрау-Дюрсо» – одно из старейших предприятий в винодельческой промышленности нашей страны. Оно размещается на территории Приморского района г. Новороссийска с центральной конторой в поселке Абрау, расположенном на берегу озера Абрау, в 20 км к западу от г. Новороссийска, и в 170 км от краевого центра г. Краснодара. Абрау-Дюрсо было основано в 1871 г. графом Л.С. Голицыным. Он организовал подписание указа, где предписывалось учредить у горного озера поселение, которое насаждало бы культуру сельского хозяйства на юге России. Опытные агрономы считали этот проект пустой тратой денег и жульничеством. Но через два года чешский энтузиаст виноградарства Ф.И. Гейдук привез сюда из Германии 20 тыс. лоз винограда сорта «рислинг». Имение «Абрау-Дюрсо» имело 7 230 десятин земли, из них под фруктовым садом было занято 12 десятин, под питомниками 1 десятин 1 620 квадратных саженей, остальное пространство было занято лесами, сенокосами и пастбищами. Виноградники в имении расположились на 3 отдельных кусках по склонам гор, соединенным в узкие ущелья. В имении «Абрау-Дюрсо» приготавливали 4 сорта вин: красное – бургундское, бордо, белое – сотерн и рислинг. 1884 г. был счастливым годом для удельного имения «Абрау-Дюрсо». На выставке вин в Ялте абраусскому вину – белому и красному – была присуждена золотая медаль. В 1885 г. удельное имение «Абрау-Дюрсо» уже стало получать приличные доходы от продажи натуральных и петиотизированных (приготовленные прессованием выжимок, облитых предварительно сахарной водой) вин. Но в 1888 г. от них оказались, винные отходы стали уничтожать, чтобы сохранить репутацию абраусских вин. К 1886 г. виноградники «Абрау-Дюрсо» достигали солидных размеров. Площадь виноградников была доведена до 25 десятин исключительно посадкою лоз бургундских и рислинга. Эти сорта винограда оказались вполне соответствующими почве и климату. Вина из этих сортов были признаны первоклассными. В 1887 г. на Всероссийской выставке в Харькове вин было отмечено высокое качество абраусских вин. И удельное имение «Абрау-Дюрсо» за достигнутые успехи в виноградарстве было награждено малой золотой медалью и грамотой Императорского высшего экономического общества. Абраусские вина экспонировались в 1888 г. на

[1] Дюма А. Путевые впечатления о России… Т. 3. С. 238.

Всемирной выставке в Брюсселе. В следующем году вина были представлены на выставку в Тифлис. С 1891 г. на новых плантациях вводились новые ранние сорта винограда: пино-фран, совиньон, траминер, пино-блан, пино-гри, мускат белый. В 1893 г. в удельном имении под виноградники уже было отведено 100 десятин земли. В основном, разводили 4 сорта винограда: 2 белых (рислинг и сотерн), 2 красных (каберне и совиньон), бургундский и шаслу белую, но ее разводили в ограниченном количестве. В последующие годы в удельном имении продолжала проводиться работа по увеличению площадей виноградников[1].

Известна была также колония Шабо, основанная в 1822 г. вблизи г. Аккермана швейцарцами из франкоязычного кантона Во. Переселение длилось долгих 24 года, а в 1860–1870-е гг. к франко-швейцарцам присоединились переселенцы из немецкоязычных кантонов этой страны. К началу XX в. в колонии проживало свыше 1 тыс. человек. Занимались швейцарцы, как можно предположить, виноградарством, виноделием и садоводством. Одним из первых колонистов был ботаник и виноградарь, член Общества сельского хозяйства Южной России Луи-Винсент Тардан, отец Карла Тардана, автора книги «Виноградарство и виноделие». Известным специалистом по игристым винам стал другой поселенец – Давид Доньи. Колония Шабо просуществовала до 1940 г.

В экономической жизни Российской империи значительное место занимало виноградарство и виноделие Южного Кавказа, которое развивалось в Грузии, Армении и Азербайджане. Будучи чрезвычайно распространенной и занимая по удельному весу третье место в сельском хозяйстве края, эта отрасль в то же время была одной из наиболее товарных. На Южном Кавказе главным винодельческим районом была Грузия. На ее долю приходилось около 2/3 всего изготовляемого в крае вина. Главными районами виноградарства в Грузии были Кахетия и Имеретия. В 1874 г. В Тифлисской губернии было заготовлено 1 676 200 пудов вина, стоимость которого равнялась 3 352 400 руб.

Для реализации вина крупными предпринимателями в 1870–1880 гг. в Тифлисе учреждались торговые дома. Так, например, в 1885 г. начал свое действие торговый дом «Князя Н.М. Абамеликова и Г.М. Мамулова» с основным капиталом в 40 000 руб. Значительное место в сельском хозяйстве Азербайджана также занимало виноградарство. Районами, где выращивался виноград, были: Кубинский, Нухинский, Арешский, Шемахинский, Бакинский, Нахичеванский и Геокчайский.

[1] Титов Ю.Б. Тайны Абрау-Дюрсо. Путеводитель. М.: Открытая книга, 2010. 192 с.

К 1887 г. под виноградниками в Азербайджане было занято всего около 3,3 тыс. десятин. В 1894 г. площадь виноградников стала быстро увеличиваться и дошла до 22,3 тыс. десятин, в 1900 – до 24 тыс. и в 1914 г. – до 34,6 тыс., т. е. увеличилось почти в 10 раз. Причем наибольший рост площади виноградников приходился на середину 1880–1890 гг. (19 тыс. дес.) и начало XX в. (12 тыс. дес.). К 1903 г. площади виноградников по всему Азербайджану увеличились на 670 дес. Ежегодно здесь выращивались миллионы пудов винограда. Ежегодный валовый доход от виноградарства составлял здесь 7,5 млн руб.[1]

Относительно высокое развитие получила в Азербайджане и другая отрасль производства – виноделие. В Бакинской губернии в 1893 г. был 1 водочный завод, с годовым производством в 120 тыс. руб. В 1885 г. из Елизаветпольской губернии было вывезено 173,7 тыс. ведер вина, а в 1894 г. – 480 тыс. ведер, т. е. в 2,8 раза больше. В середине 189-х гг. в Азербайджане было налажено также производство коньяка. Широкое производство коньяка здесь начинается в основном после пуска в 1901 г. коньячных заводов в Гейчае. Азербайджан в начале XX в. имел высокий удельный показатель в виноделии. Одна треть вина, произведенного на Южном Кавказе, почти вся водка, выработанная из тута, одна пятая коньяка, изготовленного в России, приходилась на его долю. В 1901 г. в Азербайджане действовало 1 171 винодельческое и винокуренное заведение с 3 765 рабочими, в 1903 г. – 939 заведений с 2 972 рабочими, а уже в 1904 г. – 1 242 заведений с 4 712 рабочими.

После присоединения Восточной Армении к Российской империи (в 1828 г.) армянское виноделие начало постепенно переходить от традиционного домашнего производства к товарному, которое возникло в 1880-х гг., после того, как появились промышленное виноделие и коньячное производство. Развитию виноделия в Армении способствовали благоприятные природные условия, наличие технологичных аборигенных сортов винограда и тысячелетний опыт виноделов. Сыграло также свою роль строительство железной дороги в 1902 г. Благодаря железнодорожному сообщению армянские вина быстро, беспрепятственно и в большом количестве стали доставляться в Россию, а оттуда – в страны Западной Европы. В 1913 г. все армянские винокурни производили около 12,5 тыс. ведер коньяка в год. Значительное развитие получило

[1] Исмаилова А.М. Развитие виноградарства и виноделия на Южном Кавказе во второй половине XIX –начале XX вв. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 116–118.

также вино-коньячное производство. Крупными предприятиями этой отрасли являлись ереванские заводы Шустова и Сараджева. В Эриванской губернии стоимость продукции спирто-коньячного производства в 1901 г. составляла 90 тыс., а в 1908 г. – 595 тыс. руб. В 1913 г. в Армении было произведено 188 тыс. декал. вина и 48 тыс. л. коньяка. Около 80 % производимых в Армении коньяка, спирта и вин вывозились в Россию, а также поступали на международный рынок. В конце 1890-х гг. снова повысился спрос на винные изделия. За десятилетний период 1890–1900 гг. производство вин в Эриванской губернии увеличилось в 6,4 раза. Представление о развитии этой отрасли можно получить из следующих цифровых данных: в Эриванской губернии площадь виноградников в 1901 г. составляла 9 465 десятин, на которых получалось: винограда – 1 128 тыс. пудов, вина – 611 тыс. ведер, спирта – 5 336 тыс. градусов; в 1903 г.: садов – 9 804 десятины, винограда – 2 917 тыс. пудов, вина – 1 753 тыс. ведер, спирта – 5 821 тыс. градусов[1].

На рубеже XIX–XX вв. в российской столице вином торговали Я.И. Фохт, П.А. Смирнов, К.О. Шитт, Ф. Рауль, братья Елисеевы, Л. Бауэр и К°, Фейк и К°, К.Ф. Депре и др. Многие из этих торговых фирм были известны в столице издавна. Так, дело К.О. Шитта было основано в 1818 г., с 1820-х гг. существовала английская компания «Л. Бауэр». Винная торговля Елисеевых вела дело с 1824 г., причем собственные погреба фирмы были во всех крупных винодельческих регионах Европы, а усовершенствованные в конце 1860-х гг. елисеевские погреба на Васильевском острове по праву считались одними из лучших по условиям погребами Старого Света. Обычно виноторговцы продавали как заграничные, так и отечественные вина. К примеру, торговый дом «Егор Леве» так и рекламировал свою деятельность: «Торговый дом "Егор Леве" – заграничные и русские вина». Однако существовала и специализация. Так, Рауль, Депре и Бауэр торговали лучшими иностранными винами, а отдельные виноторговцы – исключительно крымскими или кавказскими напитками. Многие из них имели свои виноградники в Крыму или на Кавказе, как, например, чайные торговцы Токмаков и Молотков, в 1889 г. купившие виноградники в районе Алушты, а в 1895 г. получившие за собственные вина Большую серебряную медаль на Всемирной выставке виноделия в Бордо и наводнившие своей продукцией обе столицы. Торговый дом братьев Штраль продавал соб-

[1] Исмаилова А.М. Развитие виноградарства и виноделия на Южном Кавказе во второй половине XIX –начале XX вв. ... 2014. № 4. С. 116–118.

ственные крымские портвейн, мадеру и токай, Шеффер и Фосс – бессарабские вина. В 1900-е гг. широко рекламировались вина Кио д'Аше из имения «Аше» возле Туапсе (главный склад располагался на площади Александринского театра). Русское виноделие, испытывавшее множество проблем, стремительно набирало темпы и пыталось освоить весь традиционный европейский ассортимент не только вин, но и других алкогольных напитков. По данным исследователя виноделия князя В. Массальского в Бессарабском районе под виноградниками к 1890 г. находилось 65 935 десятин и выделывалось примерно 12 100 000 ведер вина, в Крымском – соответственно – 7134 и 1 360 450, Донском – 2 440 и 375 000, Астраханско-Уральском – 420 и 10 000, Кавказском – 91 796 и 13 415 000, Туркестанском – 13 292 и 30 000, всего по Российской империи – 181 017 десятин и 27 290 450 ведер вина[1].

Произошли некоторые изменения и в курении табаку. При российском императорском дворе открыто курить начали при Александре II. В его правление не считалось дурным тоном во время церковной службы великим князьям выскочить на пять минут перекурить на церковной лестнице. В результате в 1860 г. разрешили продажу раскурочного табака, папирос и сигар. 4 июля 1865 г. официально легализовано курение на улицах Санкт-Петербурга. Запрет сохранился только для солдат и матросов. Кроме этого, запрещалось курение табака «на тротуаре, облегающем Зимний дворец». Александр III унаследовал привычку своего отца и также предпочитал сигары и папиросы. Иногда он пользовался мундштуком. Рабочий кабинет Александра III находился на втором этаже Аничкова дворца на углу здания так, что окна кабинета выходили в сад и на Невский проспект: «тут же лежали папиросы, которыми они угощали…». В рабочем кабинете Аничкового дворца на письменном столе у Александра III стояла «фигура пожарного, держащего факел, об этот факел зажигал он свою папироску. Курил он большею частью папиросы, которые впоследствии стал ему доставлять султан. Курил иногда и сигары, но был бережлив и почти никогда сигарами не угощал». «Коллективно» курить после семейных завтраков великие князья начали при Александре III. Эту традицию в семье ввел великий князь Владимир Александрович. Именно в его дворце мужчины, позавтракав, немедленно доставали портсигары по пути в библиотеку великого князя, где, собственно, и проходило священнодействие курения сигар и папирос.

[1] Массальский В. Виноделие в России. СПб.: Тип. В. Демакова, 1890. 42 с.

С введением акцизной системы опять остро встал вопрос борьбы с корчемством. 16 октября 1862 г. была создана новая государственная служба – особое подразделение Акцизного управления – корчемная стража, которая являлась силовым подразделением Министерства финансов и размещалась в пограничных районах «позади таможенной линии». Она контролировала территорию, простиравшуюся вглубь Российской империи на расстояние не менее двадцати одной и не более пятидесяти верст от черты границы. Корчемная стража создавалась для перекрытия «возможных поставок из-за границы контрабандных питей» и дублировала таможенные посты с той лишь разницей, что таможенные службы контролировали весь товарооборот, а корчемная стража только возможные поставки контрабандного алкоголя. Эти подразделения действовали при Окружных Акцизных управлениях в Курляндской, Ковенской, Сувалской, Ломжинской, Плоцкой, Варшавской, Калишской, Петроковской, Келецкой, Радомской, Люблинской, Волынской, Подольской и Бессарабской губерниях и в уездах пограничных с иностранными государствами.

Состояла корчемная стража из стражников, младших и старших объездчиков, и, кроме этого, в ряде регионов на усмотрение местного должностного лица вводилась должность «особого смотрителя корчемной стражи». Стать сотрудником корчемной стражи могли лица «всех сословий с назначением в оную преимущественно людей крепкого сложения, не престарелых, сметливых, грамотных и добропорядочного поведения». Представители корчемной стражи обеспечивались особой униформой, у них также было право на ношение холодного и огнестрельного оружия и нагрудного медного знака с надписью «Корчемная стража». Они имели на вооружении шашку артиллерийского образца, револьвер системы «Наган» и трехлинейную винтовку драгунского образца. Чинов корчемной стражи приводили к присяге. Основная задача корчемной стражи состояла в патрулировании отведенной территории с целью «открытия и поимки контрабандных питей». Для выполнения своих обязанностей во вверенных им районах чины корчемной стражи имели право досматривать «как проходящие обозы и транспорты, так и всех проезжающих и проходящих», а возы с фуражом и другими громоздкими предметами испытывать железными щупами, если это не было сопряжено с порчей клади. Они имели право производить обыски в местах продажи спиртного, а также обыски в частных домах, если корчемник скрывался туда на виду у стражи[1].

[1] Кисловский Ю.Г. Контрабанда. История и современность. М. 1996. С. 91.

При обнаружении факта провоза на территорию России «контрабандных питей» должностные лица корчемной стражи обязаны были задержать и доставить контрабандистов в ближайший город или селение. В случае оказания сопротивления или нападения чины корчемной стражи имели право применять холодное, а, в крайнем случае и огнестрельное оружие, но запрещалось применять оружие при бегстве корчемников. Задержанных перевозчиков контрабандных питей, которые при задержании не оказали сопротивления, отпускали, если у них были деньги для оплаты штрафа. Конфискованные напитки оценивали и продавали с аукциона. Средства, получаемые от реализации этой продукции, поступали в распоряжение Министерства финансов. При этом половину суммы выделяли для выплат чинам таможни или полиции, а также чиновникам Главного управления неокладных сборов. Имущество задержанных контрабандистов, как-то: «лошади, упряжь, повозки, и пр.» оценивалось и хранилось до решения дела. В случае невозможности «тайных провозителей питей» выплатить штраф имущество подлежало реализации для компенсации начисленного взыскания. Присужденные штрафы полностью выплачивались «доностителям, открывателям и поимщикам тайно провозимых питей и изделий из вина и спирта, кто бы они ни были (т. е. лица корчемной и пограничной стражи, Акцизного управления или посторонние)». При этом доноситель получал половину начисленного штрафа, а вторая половина делилась поровну между всеми участниками задержания.

Дублирование функций таможни постоянно приводило к возникновению «недоразумений и пререканий между чинами корчемной и пограничной стражи» и даже к прямым столкновениям. В связи с этим в июле 1887 г. были изданы два Циркуляра: № 2020 по Департаменту неокладных сборов и № 233 по Департаменту таможни. В них объяснялись обязанности корчемной стражи и отношения между службами. В частности в Циркуляре № 2020 Департамента налоговых сборов от 9 июля 1887 г. говорилось: «Назначение пограничной стражи заключается в отвращении тайного провоза и проноса всякого рода товаров через границу и тайного перехода границы людьми. Корчемная стража учреждена в местностях пограничных для предотвращения водворения из–за границ контрабандных питей. Но на основании общих правил о предупреждении и пресечении преступлений, корчемная стража не освобождается от обязанности преследования злоумышленников и задержании всякого рода, кроме спирта, контрабандных товаров». О вза-

имоотношениях пограничной и корчемной стражи в этом же Циркуляре сказано, что пограничная стража выполняет свои функции в «двухверстовом расстоянии от границы», для чего имеет исключительное право назначать и расставлять часовых по границе, устраивать секреты и засады. Если чины корчемной стражи узнавали о тайном ввозе или наличии склада контрабандных питей в пределах зоны ответственности пограничной стражи, они обязаны были сообщить об этом на ближайший пограничный кордон, не приступая к самостоятельному задержанию. В недвухверстовой территории «корчемная стража непосредственно и самостоятельно принимает все меры к предупреждению и задержанию» контрабандистов[1].

Что касается бытовавших конфликтов между корчемной и пограничной стражами в Циркуляре от 9 июля 1887 г. было сказано, что существовавший антагонизм между чинами, «призванными к совместному наблюдению за нарушителями, а не для надзора друг за другом влекут за собой только вредные для общего дела последствия». Чиновники, виновные в возникновении конфликтов, подвергались жестким дисциплинарным взысканиям. В случае столкновений между корчемной и пограничной стражами для выяснения причин Акцизное управление назначало «особо уполномоченных лиц».

На Дальнем Востоке также существовала контрабанда спиртом. Она была наиболее прибыльной для местных приграничных жителей – русских казаков и китайцев. Китайская водка – ханшин, производилась из китайской пшеницы. Она вытесняла российскую своей дешевизной (контрабандный спирт поступал на рынки Дальнего Востока по цене 3 руб. 20 коп. – 6 руб. за ведро, в то время как легальный стоил 15–17 руб.) и крепостью (60°)[2]. 2 апреля 1862 г. последовало решение Государственного совета в отношении китайской водки, запрещавшее ее ввоз и производство. Арестованный напиток должен был уничтожаться. Однако в законе ничего не говорилось об уголовной ответственности контрабандистов. Это облегчало контрабанду. Угроза лишь конфискации задержанной продукции способствовали росту контрабанды дешевого

[1] Циркуляр от Департамента неокладных сборов от 9 июля 1887 г. № 2020 «Об обязанностях корчемной стражи» // Контрабанда и корчемная стража. Сборник узаконений и распоряжений Министерства финансов / сост. А.А. Евреинов. М.: Тип. Общества полезных книг, арендованная И.Н. Солнцевым, 1900. С. 34–35.

[2] Алепко А.В. Китайцы в Амурской тайге. Отходничество в золотопромышленности Приамурья в конце XIX – начале XX вв. // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион. 1996. №1. С. 81.

китайского спирта, которая приносила огромные доходы. Китайские общины строили заводики даже российской территории, производя алкогольную продукцию. В 1878 г. в Южно-Уссурийском крае существовало 126 китайских винокуренных заводов. Они производили 63 320 л. китайской водки в год. Китайцы изготовляли ханшин для собственного потребления (25 %) и продажи русскому, а также инородческому населению. В 1887 г. в крае действовало уже 143 завода, выпускавших 75 790 л. спирта, а в 1906 г. – уже 204 завода с объемом производства в 107 120 л. Это составляло на душу населения 16 бутылок в год[1].

В окрестности села Никольского китайцы организовали с десяток подпольных заводов по производству ханшина. На заводах работали корейцы, а потребляли дешевую водку россияне, зачастую женщины и дети. Стремясь хоть как-то бороться с массовой контрабандой водки и табака китайских торговцев, сибирские власти до 1882 г. высылали правонарушителей из России, хотя согласно законам Российской империи они (помимо уничтожения товара) должны были лишь платить небольшой штраф за продажу безакцизной марки. В 1887 г. в нарушение юридических норм (уничтожение безакцизного товара) генерал-губернатор Приамурского края С.М. Духовский продал конфискованную водку с аукциона вместе с лодками и лошадьми, на которых она перевозилась. Эта инициатива была одобрена задним числом, и 1 ноября 1889 г. Министерство финансов даже предложило организовать корчемную стражу на Дальнем Востоке. Проект организации кормчей стражи, однако, пропал в бюрократических коридорах, а китайцы в 1890-х гг. перешли к массовому производству водки для российского населения. В последнее десятилетие XIX в. в Манчжурии появилось 18 заводов по производству спирта, в появлении которых приняли деятельное участие капиталы подданных России[2].

В целом в последний период существования винного акциза, введенного в период правления Александра II, было явственно заметно, что он не оправдал возложенных на него задач. Винзаводчики находили различные способы обходить многочисленные новшества, появившиеся в результате либеральных реформ и прекрасно адаптировались к новой системе. Коррупция опять начала проникать в органы власти и достигла

[1] Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока. Конец XIX в. – 1917 гг. М.: Наука, 1989.С. 86–93.

[2] Синиченко В.В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Иркутск, 2003. С. 20.

2. ДЕЙСТВИЕ КАЗЕННОЙ ВИННОЙ МОНОПОЛИИ – УДАЧИ И ПРОСЧЕТЫ

2.1. Введение винной монополии

Питейная реформа 1894 г. была утверждена на следующих основных принципах: 1) пьянство, помимо неисчислимого вреда нравственным интересам страны, наносит наименьший вред ее экономическому благосостоянию, а вместе с тем делает шатким государственный бюджет; поэтому, независимо от общих государственных целей, в интересах самого финансового ведомства необходимо стремиться к возможному – при наличных культурных условиях – сокращению и даже уничтожению пьянства, от чего можно только ожидать увеличения общей суммы государственных доходов; 2) для уничтожения или сокращения пьянства признано необходимым изъять питейную торговлю из рук частных лиц, извлекающих из пьянства огромные – прямые и косвенные – выгоды и потому поощряющих к нему население; 3) распивочные заведения, торгующие исключительно водкой, должны быть совершенно уничтожены по той причине, что эти заведения располагают посетителей к чрезмерному потреблению спиртных напитков и что домашнее распитие вина, происходящее под надзором семьи, поведет к ослаблению пьянства и к уменьшению вредных его последствий; 4) для отвлечения народа от пьянства и для разумного препровождения им свободного времени признано необходимым создать особые органы (Попечительства о народной трезвости), на которые возложена обязанность устраивать всякого рода сценические зрелища, чайные, столовые, народные чтения, певческие хоры, библиотеки, читальни и т. п.; 5) для устранения искусственных и естественных примесей к этиловому спирту признано необходимым обещаемое в народное потребление вино приготовлять исключительно из ректификованного спирта, а приготовленное из этого спирта вина производить исключительно средствами казны; 6) в предотвращение злоупотреблений торговлею теми напитками, которые оставлены в руках частных лиц (пиво, виноградные вина и т. п.), а также для того, чтобы заведения трактирного промысла в точности соответствовали своему назначению, признано необходимым изменить и дополнить действующее в этом отношении законодательство в том смысле, чтобы

все частные заведения, торгующие спиртными напитками, ни в каком случае не могли сделаться сосредоточием пьянства[1].

Однако многие считали, что одной из причин введения винной монополии послужили стачки виноторговцев и заводчиков в восточных губерниях, где виноторговцы устраивали правильные съезды и устанавливали цены на вино. Они скупали разрешительные свидетельства сельских обществ (сельские общества имели право разрешать и запрещать винную торговлю в своей черте) и закрепляли за собой монополию продажи вина. В городах виноторговцы также закрепляли за собой торговлю алкоголем, располагая городские управления в свою пользу путем внесения крупных сумм «на благотворительные цели». Таким образом, хозяевами положения и в городе и в деревне стали виноторговцы, и они имели полную возможность повышать цены на вино и его фальсифицировать. Для казны же возникала большая опасность, что потребление, благодаря дороговизне вина, сократится, и вследствие этого уменьшатся поступления от акциза[2].

Другой причиной питейной реформы была поддержка сельскохозяйственного (дворянского) винокурения. Так, согласно правилам 1904 г. заготовка всего необходимого для казны спирта производилась путем распределения этого количества между винокуренными заводами для поставки в казну по заранее определенным ценам. Цены спирта, приобретаемого по разверстке, были непомерно высоки. В то время, как цена на спирт, приобретаемый с торгов, составляла около 40 коп. за ведро с доставкой, цены на спирт, приобретаемый по разверстке, достигали 57 коп. без доставки. Министерство финансов имело полную возможность, устанавливая тот или другой размер цен, оказывать в скрытой форме субсидии сельскохозяйственному винокурению.

Третьей причиной введения винной монополии было то, что акцизная система все же не оправдала тех надежд, которые на нее возлагали. От действовавшей ранее государственной монополии, осуществляемой путем сдачи на откуп, и от проекта оптовой продажи отказались, рассчитывая, что при свободной продаже и интерес государственной казны будет лучше соблюден при помощи установления акциза, и пьянство если не исчезнет, то должно будет принять другие формы. Но ока-

[1] Зайцева Л.И. С.Ю. Витте и Россия Ч. 1. Казенная винная монополия (1894–1914). По научным публикациям и архивным материалам конца XIX – начала XX в. М., 2000. С. 34.

[2] Канель В.Я. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1914. С. 468–469.

залось, что свобода в этой сфере дает весьма печальные результаты. Вместо того, чтобы, имея под рукой дешевое вино, привыкнуть к нему и потреблять его в умеренном количестве, как того ожидали, население продолжало потреблять спиртные напитки, пользуясь большим количеством мест их продажи. Следовательно, откуп как бы воскрес вновь в смысле бесконтрольного и монопольного хозяйничания людей и организаций, сильных своим богатством и влиянием. К тому же поступления от акциза при повышении ставки налога не давали желаемых результатов. По-видимому, наступало либо «налоговое переутомление», при котором повышение сбора приводит к сокращению потребления, либо тайная выкурка и тайный привоз при высокой цене, которые становились особо выгодными и заменяли легальный сбыт[1].

«За первые семь лет акциза со спирта, – писал Государственный контролер П.Х. Шванебах, – поступало в среднем по 116 млн в год. Тридцать лет позже, непосредственно перед введением монополии, в 1893 г. и 1894 г., акциза получено 231,7 и 264,9 млн руб. … За эти тридцать лет население империи увеличилось на 50 с лишком процентов… Если бы акцизный налог возрастал в уровень умножения населения…, то к 1893 г… мы должны были получить 350–360 млн руб. … Но дело в том, что по мере повышения обложения акцизная пружина утрачивала свою упругость… Становилось ясным, – что предел доходности водочного налога в границах акцизного обложения достигнут; что для извлечения большего дохода надо прибегнуть к более совершенному фискальному снаряду – такой снаряд есть монополия. Ни наука, ни практика не изобрели пока для косвенного обложения более совершенного аппарата»[2].

С.Ю. Витте считал, что при жизни императора Александра III он «имел счастье провести все основы питейной монополии. Она при нем только начала вводиться, а затем ввелась в следующее царствование… главное затруднение при введении питейной монополии встретилось тогда, когда мне пришлось ввести ее в Петербурге. Все поднялось на ноги. Насели на прекрасного, благородного великого князя Владимира Александровича. Говорили, что, если я введу питейную монополию в Петербурге, то явится чуть ли не восстание. Влияние это на великого князя было оказано теми лицами, которые были заинтересованы в питейных доходах.

[1] Игнатенко Д.И. Государственно-правовое регулирование финансовой деятельности в России в XVIII – начале XX в.: Историко-правовой анализ : дисс. ... д-ра юрид. наук. С. 131.

[2] Шванебах П.Х. Наше податное дело. СПб., 1903. С. 51–53.

Этот благородный великий князь, очень мало еще тогда меня знавший, вместо того, чтобы поговорить со мною, так воздействовал на императора Николая II, что император Николай II за несколько дней до введения питейной монополии, вдруг усомнился, боясь, что не будет ли каких-нибудь затруднений и смут по случаю введения монополии. Мне пришлось объяснить это его величеству только в нескольких словах… молодой император Николай II в первые годы своего царствования во всем мне вполне доверял, и у меня не было в этом отношении никаких затруднений со стороны его величества, вероятно, потому, что он почитал заветы своего отца… я не встречал никаких затруднений со стороны императора Николая II во всем, касающемся непосредственно ведомства финансов»[1].

Положение о казенной продаже питей от 6 июня 1894 г. гласило: «Продажа спирта, вина и водочных изделий на местное потребление составляет исключительное право казны… Ввоз в район казенной продажи питей частными лицами для собственного употребления спирта, вина и водочных изделий в количестве свыше 1/10 ведра воспрещается… Очистка спирта перегонкой, а равно выделка водочных изделий производится на частных и казенных заводах… Условия производства очистки перегонкой и выделки водочных изделий по заказам казны определяются министром финансов… Частные водочные заводы приобретают спирт для выделки из него водочных изделий исключительно от казны, по ценам, назначаемым министром финансов… Приготовление вина из очищенного перегонкой спирта и разлив его в стеклянную посуду для снабжения им мест продажи производятся в казенных складах… В случае надобности для разлива вина в посуду открываются тем же порядком особые разливные пункты… Продажа означенных продуктов производится из принадлежащих казне заведений, а также из заведений, содержимых частными лицами, которым эта продажа будет поручена казной… Вино и спирт поступают в продажу не иначе, как в очищенном перегонкой виде и крепостью не ниже 40 градусов… Низший и высший размеры цен вина, спирта и водочных изделий определяются законодательным порядком. В пределах этих размеров продажные цены назначаются министром финансов, причем цена части ведра должна быть пропорциональна цене целого ведра, с округлением долей коп.… Две трети потребности спирта для казенной продажи приобретается у винокуренных заводчиков района казенной продажи по ценам, ежегодно определяемым министром финансов и соответствующим местным условиям

[1] Витте С.Ю. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 1. С. 346–348

винокуренного производства… Остальная треть нужного казне спирта, не распределенная между заводчиками, а так же тот спирт, от поставки которого откажутся означенные заводчики, приобретается с торгов… Если торги не состоятся или если заявленные на них цены окажутся чрезмерно высокими, министру финансов предоставляется право заготовить необходимое количество спирта хозяйственным способом»[1].

На территории Европейской России с 1 января 1895 г. казенная винная монополия вводилась в Восточном районе в 4 губерниях: Самарской, Оренбургской, Уфимской и Пермской; с 1 июля 1896 г. – в Юго-Западном районе в 9 губерниях: Бессарабской, Волынской, Екатеринославской, Киевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской и Черниговской; с 1 июля 1897 г. – в Северо-Западном районе в 6 губерниях: Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской, а также в Смоленской губернии; с 1 января 1898 г. – в Северном районе в 4 губерниях: Олонецкой, Новгородской, Псковской, Санктпетербургской, а также в Харьковской губернии и в Привислинском районе в 10 губерниях: Варшавской, Калишской, Келецкой, Ломжинской, Люблинской, Петроковской, Плоцкой, Радомской, Сувалкской, Седлецкой; с 1 июля 1900 г. в 7 губерниях: Курляндской, Лифляндской, Эстляндской, Воронежской, Курской, Ставропольской, Черноморской, а также в областях Войска Донского; с июля 1901 г. в 19 губерниях: Архангельской, Астраханской, Владимирской, Вологодской, Вятской, Казанской, Калужской, Костромской, Московской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тверской, Тульской и Ярославской, а также в двух областях – Уральской и Тургайской[2].

В Западной Сибири, в губерниях Тобольской и Томской, областях Акмолинской и Семипалатинской казенная продажа питей учреждалась с 1 июля 1902 г. на основании высочайше утвержденных 4 июня 1899 г. и 20 мая 1902 г. мнений Государственного совета. Из этого постановления были исключены лишь Березовский и Сургутский уезды, Нарымский край, а также прилегавшие к ним другие местности Тобольской и Томской губерний, в которых торговля крепкими спиртными напитками производилась по прежним правилам Устава об акцизных сборах. Винная монополия распространялась по регионам постепенно, по мере

[1] Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами. СПб., 1913. С. 115.

[2] Норов В. Казенная винная монополия при свете статистики. СПб.: Тип. Н.Н. Клобукова, 1904. С. 2.

их подготовленности. «Положение о казенной продаже питей» начало действовать на указанных территориях с 1 июля 1904 г. согласно закону от 22 декабря 1903 г. и соответственно по всей Западной Сибири[1]. На Восточную Сибирь винная монополия распространилась также с июля 1904 г. Таким образом, казенная реализация спиртосодержащей продукции была учреждена в 75 губерниях и областях страны, за исключением Закавказья, Среднеазиатских владений, Амурской, Приморской, Камчатской и Сахалинской областей. На этих территориях сохранялось действие Устава об акцизных сборах. В самой системе распространения монополии четко прослеживается намерение правительства поддержать сокращающийся питейный сбор. Казенную продажу начали вводить именно в тех восточных губерниях страны, где было наименьшее потребление вина – 0,35 ведра на человека. Затем монополия вводилась в тех юго-западных и малороссийских губерниях, где наблюдалось особенно быстрое падение спроса, и, в последнюю очередь, в регионах с устойчивым уровнем потребления.

Приступая к введению в России казенной продажи питей, Министерство финансов не только пообещало дать народу очищенное вино (свободное от примесей, особенно вредных для здоровья потребителей), но одновременно и приняло к осуществлению этого обещания соответствующие меры. Главные из них сводились к следующему: 1) весь сырой спирт, нужный для казенной винной операции, подвергался на частных и казенных заводах очистке ректификацией (один из способов разделения жидких смесей, основанный на различном распределении компонентов смеси между жидкой и паровой фазами) под непосредственным наблюдением чиновников акцизного надзора, система ректификационного аппарата для каждого завода и весь порядок работ на казны представлялся на утверждение казенного управления; 2) спирт-сырец, поступавший в казну, должен удовлетворять следующим требованиям: а) быть выкурен исключительно из хлебных «припасов» или картофеля, что удостоверялось окружным акцизным управлением по месту производства спирта; б) крепость спирта должна была быть не ниже 80°; в) содержание сивушных масел в спирте-сырце не должно было превышать 0,8 % по весу на абсолютный алкоголь; г) спирт не должен был иметь несвойственных спирту-сырцу запаха, вкуса и посторонних примесей; д) сырой паточный спирт не принимался в казну.

[1] Андрющенко Б.К. Винная монополия в Западной Сибири и организация казенной торговли // Вестн. Том. гос. ун-та. 2003. № 276. С. 167–170.

Он мог приобретаться только в ректифицированном виде и в местностях, население которых привыкло к такому спирту. Паточный спирт сравнительно труднее очищался из-за сложного состава заключающихся в нем примесей ректификацией[1].

Еще с 1888 г. предпринимались различные меры к тому, чтобы создать в России ректификационное дело, однако оно двигалось медленно, и весь ректифицированный спирт или вывозился за границу, или потреблялся состоятельными классами; среди простого народа распространялась водка «холодной» очистки (методом фильтрации), причем уже в раздробительной продаже она еще более ухудшалась вследствие добавления острых и почти всегда вредных искусственных примесей, имевших целью или устранить неприятный вкус естественных примесей, или замаскировать «слабость» спиртового раствора. Поэтому признано было необходимым взять в руки казны не только раздробительную торговлю водкой, но также и ректификацию спирта и очистку водки, причем последняя операция должна производиться исключительно на казенных складах, ректификация же спирта осуществлялась частью на казенных заводах, но преимущественно на частных – под непосредственным наблюдением лиц казенная управления.

В период казенной винной монополии широкое распространение приобрели вновь строившиеся государственные заводы. Эти казенные водочные заводы назывались «винные склады». Слово «склад» в названиях таких учреждений возникло в определенном смысле случайно. Еще до введения государственной винной монополии, в 1888 г. Министерство финансов разработало Положение о казенных винных складах. Согласно первоначальной редакции этого документа предполагалось, что склады будут распределять алкогольные напитки по казенным винным лавкам. Впоследствии же функции складов были существенно расширены, при них открылись очистные отделения и готовились сами спиртные напитки. Положение это действовало до 1915 г., когда в связи с начавшейся Первой мировой войной ректификация спирта в спиртоочистительных отделениях при казенных винных складах была приостановлена, а в 1916–1917 гг. полностью прекращена.

Ректифицированный спирт доставлялся на казенные очистные склады для приготовления водки. После приемки и проверки спирта он

[1] Кршижановский В.Ю. Чистота казенных питей, приемы их изготовления и качество основных материалов (сырые и ректификованные спирты, древесный уголь и прочее), при этом применяющихся. Тверь: Типолитография Н.М. Родионова, 1906. С. 11–12.

по трубам переливался в цистерны, откуда также по трубам поступал в сортировочные чаны. Здесь спирт разбавляли водой в определенной пропорции, и из чанов он при помощи насосов перетекал в так называемые напорные чаны. Из них разбавленный спирт проходил последовательно через несколько фильтров, наполненных чистым древесным углем (березовым и липовым), а затем через песочник, наполненный песком, битым, промытым стеклом и ватой, марлей или холстом. После такой очистки спирт поступал в сборные чаны, где он или разбавлялся водой, или смешивался со спиртом до необходимой крепости. Для приготовления столовой водки испытанный на чистоту ректифицированный спирт подвергался вторичной ректификации, для чего он «рассиропливался» до 40° и пропускался через уголь в количестве 1 фунта угля на 1 ведро в 40°. Через сутки водка собиралась и подвергалась ректификации, причем от ректификата отделялась «серединная» часть, в количестве не более 60 % от всего взятого спирта и затем подвергалась окончательной очистке и осветлению углем[1].

Очищенный и разбавленный спирт, т. е. уже водка, поступала по трубам в разливное отделение, где она разливалась в стеклянную посуду. Для розлива использовались особые разливные машинки, который автоматически отмеривали и наливали определенное количество вина. Для каждого размера бутылок имелись отдельные разливные машинки (стеклянная посуда приобреталась 5 размеров: в 1/4, 1/20, 1/40, 1/100, и 1/200 части ведра). На наполненные водкой бутылки накладывался пергамент, и бутылка закупоривалась пробкой. После осмотра бутылки с водкой браковщиком она осмаливалась, опечатывалась и на нее наклеивалась этикетка, а затем бутылка вновь осматривалась другим браковщиком. Если в водке были замечены соринки, то она снова передавалась в очистку; бутылки же с чистой водкой, целой посудой и с правильно наклеенными этикетками транспортировались в подвал склада, откуда и рассылались в места продажи.

Склады изготавливали следующие напитки: водка обыкновенная в 40°, водка столовая (двойной очистки) в 40°, в Южных, Юго-Западных, Северо-Западных и Привислинских губерниях – водка в 57°. Во всех складах также производили спирт в 90 и 95°. Водка в 40 и 57° разливалась в посуду размером в 1/4, 1/20, 1/40, 1/100 и 1/200 части ведра,

[1] Казенная продажа вина (Издание Управления неокладных сборов и казенной продажи питей). СПб.: Тип. Санкт-Петербург. акционерного общ-ва печатного дела в России Е. Евдокимова, 1900. С. 35.

спирт в 90° в посуду 1/4, 1/20, 1/40, 1/100; спирт в 95° – 1/4, 1/20, 1/40. Отпуск питей со складов производится в приписанные к складу казенные винные лавки, в частные места продажи казенных питей и частным покупателям в приносимую ими собственную посуду; в последнем случае объемом не менее одного ведра. С разрешения министра финансов казенные склады отпускали по пониженной цене как ректифицированный, так и сырой спирт на химические и технические надобности заводских предприятий, для ученых и учебных целей и в некоторые аптеки.

Расчеты Министерства финансов предусматривали следующие цены на водку: вино низшей очистки (обыкновенное) 40° – 7 руб. за ведро в Санкт-Петербургской, Оренбургской и Олонецкой губерниях, в части Пермской, Уфимской и Самарской губерниях – 8 руб. за ведро; вино высшей очистки (столовое) 40° – по 10 руб. за ведро. Вино обыкновенной очистки 57° продавалось в губерниях Привисленского края, в северо-западных, юго-западных и части южных губерний по 10 руб. за ведро. Притом что средняя себестоимость одного ведра монопольного вина в 40° составляла 2 руб. 24 коп., акциз – 4 руб., а средняя продажная цена – 7 руб. 75 коп., средняя чистая прибыль на одно ведро выходила в сумму не менее 1 руб.

В Циркуляре от 28 ноября 1896 г. министра финансов С.Ю. Витте говорилось: «Казенное вино по своим качествам удовлетворяет самым строгим санитарным требованиям, что на подбор продавцов в винных лавках... обращено серьезное внимание... что случаи пьяного разгула, сопровождавшие обыкновенно всякие деревенские торжества, отходят понемногу в область прошедшего и вместе с тем в семьях водворяется тишина и согласие... Что в южных и юго-западных губерниях уже высказывались похвалы доброкачественности казенного вина и отзывы об уменьшении разгула в деревнях... что крестьяне, осеняя себя крестным знамением, выражали благодарность батюшке-царю, избавившему народ от пагубного влияния дореформенного кабака, разорявшего в большинстве случаев окрестное население преимущественно путем продажи питий в долг и под заклад. Наконец, что акцизное ведомство проявило при осуществлении реформы... глубокое воодушевление высокою идеей упрочения нравственности и благосостояния народа, положенного в основание реформы»[1].

[1] Цит. по: Сикорский И.А. Сборник научно-литературных статей по вопросам общественной психологии, воспитания и нервно-психической гигиены. Киев – Харьков, 1900. Кн. 4. Яды нервной системы. С. 111–112.

рассмотрение совокупности ныне известных фактов, относящихся к неопределенным химическим соединениям, приводит меня к убеждению о том, что определенные химические соединения составляют только частный случай неопределенных химических соединений, что более полное изучение последних отразится в теоретических воззрениях на всю совокупность химических сведений. Собрание материалов, нужных для решения вопроса о неопределенных соединениях, составляет задачу моих работ», – писал он во «Введении» к диссертации. Пять ее глав были посвящены разработке методики точных измерений и проверке данных о совпадении максимума сжатия с пайным отношением компонентов раствора, что должно было свидетельствовать о существовании в растворах определенных химических соединений.

Основные положения учения Д.И. Менделеева о растворах можно кратко охарактеризовать следующими словами: 1) возникновение и существование раствора невозможно без взаимодействия между всеми частицами, как его образующими, так и являющимися результатом сопровождающих растворение химических процессов. При этом Менделеев вкладывал в понятия «сродство» и «химическое взаимодействие» предельно широкое содержание, вполне оправданное современными нам представлениями. Говоря, что «в растворах действующая сила, связь производящая, бывает различного напряжения… определенные химические соединения составляют только частный случай неопределенных химических соединений»; неоднократно подчеркивая, что определенные химические соединения в растворах только более прочны, чем все прочие, и «только в этой различной степени прочности и должно видеть различия между растворами в собственном смысле и другими видами химических соединений»; 2) раствор является динамической системой, в которой в различной степени диссоциирующие при данной температуре более или менее прочные соединения находятся в подвижном равновесии со своими продуктами диссоциации в соответствии с законом действия масс. При этом в разных зонах концентраций одной и той же системы могут доминировать различные равновесия, что приводит к невозможности описать всю область концентраций системы одной функциональной зависимостью. Д.И. Менделеев писал: «Так как при действии химических сил частичные веса действующих веществ играют главную роль, то за самое рациональное выражение состава растворов должно считать представление их состава химическими формулами или частичными количествами действующих веществ. Главная выгода тако-

го обозначения состоит в том, что оно явно указывает на природу сил, при растворении действующих»[1].

Комитетом было установлено, что 64,7 % исследовавшихся в лаборатории водок частных фирм изготовлены из спирта-сырца и содержали метиловый спирт. Комитет также установил, что на действовавших в тот момент ликеро-водочных заводах к ликерам, водкам и наливкам практиковались добавки различных эссенций, состоящих из сложных эфиров капроно-, каприно- и каприловых кислот и метилового, этилового и преимущественно амилового алкоголей. Нередко в «высшем питие» встречалась примесь гаултерового масла. Такие напитки при чрезмерном их употреблении могли вызывать конвульсии и эпилептические судороги. Последние могли быть порождены и при употреблении фальсифицированных напитков с добавлением бензонитрила и бензальдегида. Добавлялась и серная кислота – для крепости, и масса других вредных для здоровья веществ. Для улучшения вкусовых качеств в водку также присовокупляли азотную кислоту, различные эфиры и соли. Так, во всех номерах смирновских водок (№ 20, 21, 31, 32, 40) при химической проверке были найдены азотная кислота, аммиак, азот амидных соединений, большое количество солей (от 439 до 832 миллиграммов на литр), значительное количество эфиров (от 17,3 до 89,4).

Комитет по изучению качества «высших питей» попытался «рафинировать» процесс производства водки и привести его к какому-то общему знаменателю. В результате утвердили принципиальную схему производства водки, основываясь на многовековом опыте русского винокурения. В качестве эталонной водки было предложено использовать водно-спиртовую смесь, содержащую 40 весовых частей этилового ржаного спирта, пропущенную через угольный фильтр и содержащую минимальное оговоренное количество сивушных масел. Вода должна быть не кипяченой, а «живой» – ключевой. В итоге водка была представлена как прозрачная бесцветная жидкость с легким характерным мягким спиртовым ароматом и вкусом. Именно этот алкогольный продукт был запатентован в 1894 г. правительством России как русская национальная водка. Она получила название «Московская особенная». Впрочем, и введение крепости водки в 40 градусов тоже не стало чем-то новым. И до питейной монополии продажная крепость «высших питей» колебалась в пределах 38–40 градусов. Кстати, Д.И. Менделеев считал идеальной крепостью водки 38 градусов, но это число было округлено до 40 для

[1] Менделеев Д.И. Растворы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 1124–1128.

упрощения расчета налога на алкоголь. Появление «Московской особенной» в качестве эталонной отечественной водки стало поворотным моментом в современном понимании русской водки вообще. В России до конца XIX в. пили прозрачные цветные водки, настоянные на травах и ягодах, перегнанные и ароматизированные. Простые водки из спирта и воды особым уважением не пользовались. С 1895 г. все частные фирмы перешли в своем ассортименте на «монопольку». Последнее обстоятельство тоже сыграло свою роль в закреплении нового образа русской водки у народа[1].

В 1897 г. по инициативе С.Ю. Витте была решено учредить Центральную химическую лабораторию Министерства финансов в г. Одессе. Устроить лабораторно, организовать в ней работы и заведовать ей был приглашен заслуженный профессор Новороссийского университета А.А. Вериго, который был известен среди специалистов не только как химик, но и как гигиенист: он устроил в г. Одессе (на свои средства) санитарную лабораторию (первую в России) для исследования пищевых и питательных продуктов и для борьбы с их фальсификацией. В 1898 г. начала свою деятельность Центральная лаборатория в Санкт-Петербурге, а в 1903 г. – в Москве. Этим лабораториям было вменено в обязанность всячески оказывать содействие в улучшении качеств питей и усовершенствовании приемов выделки.

При каждом губернском Акцизном управлении были учреждены Хозяйственные комитеты, состоявшие из местных чиновников акцизного надзора, под председательством управляющего акцизными сборами; в их состав также входили техники, приглашавшиеся со стороны для обсуждения вопросов техническо-строительного характера. На эти Комитеты в период подготовительных работ по введению казенной продажи питей возлагалось рассмотрение проектов, чертежей, смет, наблюдение за ходом работ, освидетельствование строительных материалов и т. п. Обсуждению и рассмотрению Хозяйственных комитетов также подлежали вопросы, относившиеся к организации продажи питей, договоры по найму помещений, по доставке материалов и исполнению услуг, ремонту и возведению новых каменных сооружений. Комитеты являлись совещательными учреждениями, их заключения принимались большинством голосов, но не имели обязательной силы для управляющего акцизными сборами, который мог «постановить» окончательное заклю-

[1] Печенкин В. Советская водка. Краткий курс в этикетках. М.: Ломоносовъ, 2014. С. 11.

быть самыми ярыми оппонентами реформ С.Ю. Витте, поскольку монополия лишала нас крупных доходов. Даже понимая, какой ущерб нашему делу нанесли реформы Витте, не могу не признать: это был умный враг нашему делу. И победил он в честной конкурентной борьбе. Я его уважал и продолжаю уважать по сей день, несмотря ни на что. Обидно, если его имя канет в Лету нашей истории»[1].

В.П. Смирнов вспоминал о реакции своего отца – П.А. Смирнова на действенность казенной винной монополии: «Когда заговорили о питейной монополии, батюшка был счастлив: "Ну вот, Владимир Петрович, настал наш час! Монополия укоротит тех, кто позорит наше дело! Теперь уж всем этим лжезаводчикам не жить! Она их сотрет в порошок!". Когда батюшка узнал, что провести монополию поручено С.Ю. Витте, он тоже радовался, говорил про него: «Это – светлый ум!». Видя в С.Ю. Витте союзника, которого, как и императора Александра III, крайне мучило и смущало то, что русский народ пропивается, он искренне сочувствовал его делам. "Витте прав: необходимо принять какие-нибудь решительные меры против этого пьянства", – говорил батюшка. Когда С.Ю. Витте взялся реализовывать идеи императора по борьбе с пьянством, Петр Арсеньевич был целиком на его стороне. Спившийся народ не имел будущего, и он это понимал. Особо он отмечал меры С.Ю. Витте по борьбе с кабатчиками. "Какой это гадкий народ! – так он отзывался о шинкарях. – Они все меряют только своей наживой!". В России было 140 000 семейств кабатчиков, приносящих, по мнению батюшки, величайшее зло русскому народу. "Кабак – это позор России! – говорил Петр Арсеньевич. – И хорошо, что Сергей Юльевич это понимает!". Сергей Юльевич не просто понимал, он называл кабак "гибелью русского народа". В этом традиционном месте опаивания русский человек пропивается иногда и до нательного креста. В кабаках было категорически запрещено закусывать, а пить разрешалось вволю, до потери памяти. Кабатчик поил зачастую в долг, под будущий урожай, под корову или последнего поросенка, нательное белье, сельхозорудия или даже под жену и ребенка. Здесь расплачивались краденым, сорванной у прохожего за углом шапкой или снятым с убитого пиджаком, здесь мутная водка местного происхождения лилась рекой. Под пьяные крики и брань пропивалась в долг Россия. Если должник не отдавал обещанного, его ставили "на правеж" – били палками по голым ногам от восхода солнца до 10 или 11 часов вечера. Витте хотел стереть кабак с лица зем-

[1] Смирнов В.П. Смирновы. Водочный бизнес русских купцов… С. 170–171.

ли, а продажу водки вести строго в "казенных винных лавках" и только навынос. "Только бы у него хватило пороху! – переживал батюшка за реформу Витте. – Кабатчики в России люди не бедные и умеют оберегать свое добро. Так просто они не дадутся". И он оказался прав. Кабатчики развернули просто широкомасштабную газетную войну по компрометации водочной монополии и самого министра финансов С.Ю. Витте. Рефрен статей выдавал их заказчиков: дескать, пока был кабак, люди пили в кабаке. Как закрыли его, пьянство во всем его "блеске" вывалило на улицы. Значит – что? Вернуть кабак назад! Просто какие-то страшные факты приводились, чтобы скомпрометировать винную монополию! Вот члену императорской семьи поднесли на полковом празднике бутылку "монопольки" – казенной водки. А в ней – за государственными печатями и бандеролями винной монополии – обыкновенная вода! Бедные возчики, писали газеты, чтобы не стоять в очередях за "монопольк ой", пьют эфир вместо водки! И про то, что в трактирных чайниках под видом кипятка продается не только водка из винных складов, но, как говорят, и контрабандная. Шинкарь-еврей по-прежнему вечером зажигал в своем доме приветливый огонек и ждал посетителей. Скамья и стойка в бывшем шинке остались на прежнем месте. Для неразборчивого посетителя кроме новой, казенной, водки всегда была припасена и дешевая сивуха, оставшаяся от прежнего производства. Если заявлялась полиция, то посетителей хозяин представлял как своих дорогих гостей или родственников. "О, хитрющий народ! Всегда найдет выход, – говорил батюшка. – Кабак надо закрыть, и делу конец. Боюсь, Витте это не под силу". Оказалось, ошибся батюшка. Кабатчики, почувствовав силу винной монополии, тысячами эмигрировали в Северо-Американские Штаты, вызвав там настоящую волну антисемитизма. «Ай да Витте, ай да молодец! – веселился Петр Арсеньевич. – Он далеко пойдет, помяни мое слово, Владимир Петрович!»[1].

Анализируя начальный период действия казенной винной монополии, следует отметить, что он растянулся на довольно длительный период. Почти десять лет понадобилось на то, чтобы распространить ее по территории России. Складывается такое ощущение, что С.Ю. Витте намеренно тормозил ее введение. В связи с этим достаточно вспомнить казенную винную монополию Александра I, которая была введена в действие достаточно быстро. Возможно, на скорое реформирование питейной политики просто не хватало средств, ведь в это же время

[1] Смирнов В.П. Смирновы. Водочный бизнес русских купцов… С. 150–151.

С.Ю. Витте проводил свою финансовую реформу, направленную на конвертацию рубля. Чтобы сделать рубль золотым, приходилось занимать деньги за границей, к тому же многие иностранцы предпочитали вывозить из нашей страны прибыль не в виде бумажных денег, а в золотых монетах. Это приводило к дополнительным финансовым нагрузкам. К тому же казенная винная монополия должна была стать одним финансовых ручейков, подпитывающих безумную идею С.Ю. Витте о конвертируемом золотом рубле. В результате ее финансовый эффект был смазан – часть полученных денег была вывезена за границу. Первые отзывы на данную реформу были противоречивыми. Недовольных было много. Прежде всего вызывало раздражение явная непродуманность новой винной политики, в частности закрытие многих питейных заведений, что вызвало к жизни уличное пьянство. Такая ошибка выглядит тем более странно, что накануне реформы Министерство финансов изучало историю питейной политики в России и в частности преобразования в этой области царя Алексея Михайловича (создание вместо кабаков кружечных дворов). Однако за основу был взят именно этот опыт, хотя отрицательные последствия его уже были известны.

2.2. Монополия и трактирный промысел

Государственная монополия на производство и сбыт конечной алкогольной продукции с содержанием этилового спирта 40 % и выше не являлась абсолютной. В районе казенной винной монополии существовали следующие виды частных заведений, предназначенных для продажи алкогольных напитков и обязанных брать соответствующие патенты: 1) оптовые склады пива, меда, а также русского виноградного вина; 2) коньячные склады; 3) заведения трактирного промысла с продажей пива, меда и виноградного вина, а также с распивочной продажей вина и водочных изделий произвольными мерами; 4) пивные лавки; 5) торговые заведения, которым разрешена продажа на вынос пива, меда, портера и браги; 6) погреба для продажи русских виноградных вин; 7) ренсковые погреба с продажей пива, меда и виноградных вин, а в городах Санкт-Петербурге и Москве и в губерниях Царства Польского с распивочной продажей вина и водочных изделий произвольными мерами; 8) временные выставки для продажи пива, меда и русского виноградного вина, разрешаемые только на ярмарках и в местах значи-

тельного «временного стечения народа». Эти места продажи питей, за исключением ренсковых погребов вне городских поселений и заведений трактирного промысла, могли открываться по соглашению управляющего акцизными сборами с губернатором, ренсковые погреба вне городских поселений – с особого каждый раз разрешения министра финансов, заведения же трактирного промысла – в порядке, определенном положением об этом промысле, т. е. с разрешения городской думы. Буфеты с продажей крепких напитков на вечерах, базарах и гуляньях, имеющих благотворительную или иную общеполезную цель, могли открываться с разрешения губернаторов после уплаты установленного патентного сбора. Продажа спирта, вина и водочных изделий в станционных домах и буфетах на станциях железных дорог разрешалась управляющим акцизными сборами по соглашению с соответствующим почтовым и железнодорожным начальством; во всех же остальных заведениях частных лиц – по соглашению Управляющего акцизными сборами с губернатором[1].

Министерство внутренних дел объясняло свою политику такими аргументами: «Распивочная… торговля разрешена только в заведениях трактирного промысла (трактиры, гостиницы, постоялые дворы), т. е. в таких заведениях, в которых потребление спиртных напитков сопровождает лишь прием пищи в известную пору дня, и в буфетах на станциях железных дорог, пароходных пристанях, в театрах и в общественных собраниях. Разрешения на продажу питей в заведениях трактирного промысла выдаются с большой осторожностью, т. е. только в тех случаях, где это вызывается исключительно интересами правильного, равномерного и во всех отношениях целесообразного потребления вина населением и где это не сопряжено с очевидными или скрытыми злоупотреблениями, могущими подрывать благую цель реформы. В виду этого и так как большинство трактирных заведений, существовавших до введения казенной продажи питей, не отвечало вышеизложенным требованиям, число их пришлось значительно сократить. Большей части заведений трактирного промысла торговля крепкими напитками, составляющими предмет казенной продажи питей, разрешается только в запечатанной посуде и по установленной на этикете цене, так что здесь не может иметь место производство тех искусственных махинаций, к которым кабатчи-

[1] Жолобова Г.А. Частная торговля в условиях российской модернизации 1881–1913 гг.: механизм правового регулирования отраслей. Оренбург: Оренбург. литературное агентство «Орлиг-А», 2015. С. 371.

ки прибегали раньше для спаивания своих посетителей и для извлечения из них возможно большей прибыли. Главную свою деятельность для извлечения необходимой прибыли трактиросодержателям придется ныне направить на продажу кушаний, чая и т. д. В некоторых случаях в заведениях трактирного промысла (например в гостиницах в городах) разрешается торговля крепкими напитками по вольной цене и в налив в графины произвольными мерами, причем, однако, и в этом случае они обязаны отпускать, по требованию потребителей, вино в запечатанной посуде. Исключение составляют только некоторые первоклассные рестораны и гостиницы, которые с особого разрешения министра финансов имеют право продавать все крепкие напитки исключительно по вольной цене и в налив произвольными мерами без обязательного отпуска их в запечатанной посуде по казенной цене. Так как продажа казенных питей по установленной цене и в запечатанной посуде не может служить источником прямого дохода для содержания этих заведений, то казна содержателям этих заведений выдает особое вознаграждение как бы за комиссионную продажу. Тем же заведениям трактирного промысла, которым дозволена продажа крепких напитков для распития на месте из раскупоренной посуды, произвольными мерами, по вольной цене, никакое вознаграждение не выдается, так как такой способ продажи вина сам по себе обеспечивает некоторую прибыль. В местах продажи питей, содержимых частными лицами, могут быть, кроме монопольных напитков, продаваемы и другие питья, как-то: пиво, мед, виноградное вино и даже водочные изделия частных фирм. Напитки эти могут быть продаваемы на комиссионных началах и в казенных винных лавках»[1].

С этих напитков, где бы они не продавались, взималась в пользу казны комиссионная плата с цен, по которым они реализовывались в данной местности, в следующем размере: а) с водочных изделий заводов района казенной продажи – 5 %, б) с водочных изделий заводов вне района казенной продажи, а также старой водки и русского коньяка – 10 % и в) с очищенной водки, привозимой извне – 15 %. На комиссионные изделия наклеивалась бандероль и ярлык, из которых первый обозначал, что комиссионная плата взыскана, а на втором проставлялась объявленная цена. В случае если торговец хотел повысить цену изделия, то на бутылку наклеивался новый ярлык с новой продажной ценой, и с торговца взыскивался дополнительный комиссионный сбор с разницы цен. Цены на водочные изделия частных заводчиков не долж-

[1] Буловский А. Казенная винная монополия… С. 19–21.

ны были быть ниже цен, назначенных министром финансов для тех же напитков в районе казенной продажи питей. Иностранные водочные изделия, оклеенные таможенными бандеролями, не подлежали оплате комиссионным сбором и на них не наклеивались комиссионные бандероли и ярлыки. Продажа этих изделий допускалась во всех тех заведениях, которые получили разрешение на торговлю водочными изделиями. Что же касается пива, портера и меда, то комиссионная продажа этих изделий допускалась в казенных винных лавках в тех местностях вне городских поселений, где не имелось частных питейных заведений с продажей данных напитков. Комиссионная плата за эти изделия назначалась по 1 коп. с бутылки емкостью не свыше 1/20 ведра, с бутылок же большей емкости взималось дополнительно по 1 коп. за каждую лишнюю емкость в 1/20 ведра. Эта плата взималась путем наклеивания на горлышко бутылки бандероли.

Свидетельство, разрешающее продажу питей, должно было выставляться на видном месте. Алкогольные напитки должны были продаваться в стеклянной запечатанной посуде, оклеенной этикетом с обозначением крепости и цены вина. Во всех заведениях трактирного промысла, которым разрешена продажа спирта, вина и водочных изделий, эти напитки могли отпускаться на вынос и распивочно, но даже в последнем случае – в запечатанной посуде и по назначенным казной ценам. Их содержатели, как и содержатели других частных заведений, продающих алкогольные напитки по поручению казны по установленным ценам, получали вознаграждение от казны на условиях и в размере, определяемом министром финансов. Управляющий акцизными сборами, по соглашению с губернатором, мог предоставлять городским заведениям трактирного промысла право продажи напитков для распития на месте произвольными мерами и в налив из графинов, по вольной цене. Такие же права предоставлялись всякого рода буфетам, а с особого разрешения министра финансов – и трактирным заведениям, расположенным вне городских поселений. Содержатели подобных заведений не только не получали вознаграждения от казны, но и обязаны были уплачивать за такую продажу патентный сбор в соответствии с расписанием, приложенным к Положению о казенной продаже питей. В случае обнаружения в заведениях, содержащихся частными лицами, нарушений этих норм, у них «во всякое время» в административном порядке могло быть отобрано свидетельство на производство продажи питей.

ниям зачастую мало чем отличались от дореформенных. Поэтому закон от 29 мая 1897 г. поставил разрешение этого рода заведениям торговать немонопольными спиртными напитками (пивом, портером, медом, виноградными винами и другими крепкими напитками) в зависимость от решений управляющих акцизными сборами, принятых по соглашению с губернаторами. Кроме того, губернаторам, по соглашению с управляющими акцизными сборами, было предоставлено право издавать обязательные постановления о внутреннем устройстве заведений для распивочной продажи крепких напитков и о соблюдении в этих заведениях благочиния и благоустройства. Министерство финансов это мотивировало тем, что «соответственное право городских дум во многих местах оставалось неосуществленным». Таким образом, в системе выдачи разрешений на торговлю немонопольными алкогольными напитками закон 1897 г. уравнял города с внегородскими поселениями.

На основании Положения о казенной продаже питей монопольные напитки могли отпускаться для распития на месте произвольными мерами и в налив из графинов по вольной цене как в заведениях трактирного промысла, которым это было разрешено, так и в буфетах. Но на практике возник вопрос, «обязательно ли для таких заведений отпускать по требованиям посетителей казенные питья и в запечатанной посуде по казенной цене». Закон 29 мая 1897 г. устранил этот пробел, установив, что такой отпуск для заведений трактирного промысла, кроме буфетов, обязателен. Исключение было предусмотрено лишь для тех заведений высшего типа (первоклассных гостиниц и ресторанов), которым министром финансов будет разрешена продажа вина, спирта и водочных изделий произвольными мерами, в налив из графинов и по вольной цене, без обязательной торговли в запечатанной посуде. Положение 1894 г. было дополнено нормами, ужесточавшими меры административной ответственности за нарушения правил питейной торговли. Так, в случае обнаружения акцизным надзором или полицией в частных питейных заведениях отпуска крепких напитков в обмен на какие-либо вещи, продукты и т. п. или под заклад их, а равно и других злоупотреблений против общественной нравственности, заведения эти, независимо от возбуждения в соответствующих случаях судебного преследования, подлежали закрытию в административном порядке (по распоряжению губернатора, по соглашению с управляющим акцизными сборами)[1].

[1] Жолобова Г.А. Частная торговля в условиях российской модернизации 1881–1913 гг.: механизм правового регулирования отраслей… С. 372.

С переходом продажи спирта, вина и водочных изделий в руки казенного управления «неблагоприятные явления прежнего кабака» стали обнаруживаться в пивных лавках, особенно расположенных в селениях. Министерские отчеты свидетельствовали, что характерными для них были и антисанитарные условия, и пьянство с разгулом, и продажа напитков дурного качества «с одуряющими примесями». Так как постоянное наблюдение за пивными лавками Министерство финансов признало весьма затруднительным, а их сокращение вредно отразилось бы на пивоваренной промышленности, Законом 1897 г. были произведены изменения статуса пивных лавок. Отныне устанавливалось два их вида: для продажи пива и меда исключительно на вынос и как прежде – для распивочно-выносной торговли. Но министру финансов была дана возможность ограничивать число последних допущением их лишь в тех местностях, «где это вызывается действительною необходимостью». Продажа же пива, портера, меда и браги на вынос отныне могла допускаться с взятием для сего установленных патентов и из других торговых заведений, установленных министром финансов по соглашению с министром внутренних дел. При этом закон постановлял, что если в таких заведениях впредь будут обнаружены неправильная торговля и злоупотребления, то независимо от соответствующего судебного преследования патент на продажу питей отбирается в административном порядке (по соглашению управляющего акцизными сборами с губернатором).

В Циркуляре, подготовленном 19 сентября 1897 г. за № 3451, министр финансов обращал внимание на то, что открытие «пивных лавок с распивочною продажею должно быть разрешаемо с осмотрительностью, допускаемо в городах, а также в тех внегородских местностях, где по населенности, промышленному, торговому значению или по привычкам населения является надобность в местах распивочной продажи пива и притом, если не имеется сомнений в том, что такие пивные лавки не превратятся в места спаивания населения». Управляющие акцизными сборами при выдаче частным лицам разрешений на торговлю алкогольными напитками, не составляющими предмета казенной продажи, «должны входить в подробную оценку нравственных качеств и правоспособности лиц», желающих получить разрешение.

Для облегчения виноделам-садовладельцам возможности сбыта выделываемого ими виноградного вина, учитывая последовавшее за введением казенной винной монополии сокращение числа мест питей-

ной продажи, законом 1897 г. в местностях, где существовало виноделие, в виде опыта на три года на тех же основаниях была разрешена выносная продажа виноградного вина из мелочных и фруктовых лавок, а также из бакалейных и колониальных лавок и магазинов, с уплатой установленного для погребов русских виноградных вин патентного сбора. Тем же законом 1897 г. были внесены соответствующие изменения в расписание патентного сбора. Предоставление возможности торговли виноградными винами из общих торговых заведений увеличивало число заведений для продажи этих вин, а сама торговля из них была сопряжена с гораздо меньшими затратами, чем торговля из специальных торговых заведений. Поэтому, по свидетельству некоторых управляющих акцизными сборами, реализация принятых норм способствовала тому, что «продажа эта проникла в такие населенные местности, где ранее этого не было желающих содержать погреба для продажи русских виноградных вин, и спрос на последние в сельских местностях значительно увеличился». Это давало надежду, что население, приобщаясь к употреблению виноградного вина, все больше начнет отказываться от водки. В дальнейшем этот мотив послужил обоснованием для продления в законодательном порядке временных норм, а затем и придания им постоянного характера законом от 15 марта 1911 г.

«Правила о фруктово- и виноградо-водочном и коньячном производстве», принятые в 1900 г., ввели новый вид питейных заведений – коньячные склады, которые разрешалось учреждать на количество спирта не менее двухсот пятидесяти ведер повсеместно в городах, где имеет постоянное пребывание акцизный надзиратель или его помощник. Устройство и размещение коньячных складов подчинялось повсеместно правилам об устройстве складов хлебного вина и спирта. Наименьший размер отпуска коньячного спирта из коньячных заводов и коньячных складов устанавливался для Закавказья в одно ведро, а для прочих местностей – в три ведра. В районе винной монополии продажа русского коньяка допускалась на комиссионных началах, и раздробительная торговля этим напитком подчинялась всем правилам, установленным для питей, составлявших предмет казенной продажи[1].

Вскоре перед Министерством финансов был поставлен вопрос о возможности открытия в районе казенной продажи питей ренсковых погребов при магазинах. На это последовали циркуляры Главного

[1] Жолобова Г.А. Частная торговля в условиях российской модернизации 1881–1913 гг.: механизм правового регулирования отраслей… С. 373.

управления неокладных сборов и казенной продажи питей от 28 октября 1898 г. № 303 и от 25 июля 1900 г. № 590. Министр финансов в циркулярном порядке признал возможным соединение ренсковых погребов лишь с торговыми заведениями для продажи фруктовых и колониальных товаров, при условии продажи питей из таких погребов исключительно на вынос и «достаточной уверенности чинов акцизного надзора» в возможности обеспечения соблюдения в них режима и правил торговли спиртными напитками. Таким образом, возможность совмещения питейной торговли с фруктовым и колониальным магазином была передана на усмотрение чинов акцизного надзора.

Торговля водкой была упорядочена так, что лишь в столицах и крупных городах она велась с 7 часов утра до 22 часов вечера. В сельской местности она завершалась осенью и зимой в 18 часов, а весной и летом продлевалась до 20 часов. Во время общественных мероприятий – выборов в Думу, общинных собраний (сходов) как деревенских, так и волостных – торговля водкой строго запрещалась. Винные лавки также закрывались в пятницу Страстной недели, первые дни Пасхи и Рождества Христова, а также во время крестных ходов. Во все воскресные дни, второй и третий день Рождества, день Вознесения Господня, день Святого Духа, 1 и 6 января, 2 февраля, 25 марта, 23 апреля, 6, 9, 14, 25 мая, 29 июня, 22 июля, 6, 15, 29, 30 августа, 8, 14, 26 сентября, 1, 21, 22 октября, 14, 21, 22 ноября, 6 декабря и во время местных храмовых праздников торговля начиналась во всех населенных пунктах с окончанием божественной литургии. Там, где не было храмов, торговать в праздники начинали с 10 часов и завершали в 18 часов в городах, в селах и деревнях – в 15 часов. Во время волостных и сельских сходов и функционирования волостных судов не разрешалось торговать в винных лавках, находящихся ближе 250 саженей от места события. «Правила о торговле в казенных винных лавках» дополнялись циркулярами Министерства внутренних дел от 26 ноября 1907 г. и от 30 сентября 1910 г., предписаниями акцизных управлений и распоряжениями губернаторов. Данные нормативные документы определяли порядок временного прекращения торговли на период мобилизационных сборов, движения воинских эшелонов, массовых перевозок рабочих по железной дороге из европейской части страны на Дальний Восток. Эти меры были сопряжены с опасностью пьяных погромов и возможной утратой казенного и иного имущества. Впрочем, они не всегда помогали. Во время эвакуации Маньчжурской армии в конце 1905 г. солдата-

ми были разгромлены буфеты и винные лавки по всей Транссибирской магистрали[1].

Постепенно нормы, касавшиеся времени торговли спиртными напитками претерпели некоторые изменения. Законом от 29 мая 1897 г. было установлено, что в частных местах раздробительной продажи питей, кроме заведений трактирного промысла, торговля крепкими напитками производится в те же часы, которые определяются министром финансов для торговли в казенных винных лавках в отдельных городах и селениях. При этом управляющим акцизными сборами по соглашению с губернаторами предоставлено сокращать время торговли питьями для заведений трактирного промысла в отдельных местностях, но не более как на 3 часа в сутки. Было воспрещено торговать спиртными напитками как в казенных, так и в частных местах их продажи «в Пяток Страстной недели, в первый день Пасхи и Рождества Христова». При этом министру финансов было предоставлено воспрещать означенную торговлю и в другие праздничные и торжественные дни с тем, чтобы эти ограничения не распространялись на гостиницы, буфеты, станционные дома, постоялые дворы и корчмы в отношении удовлетворения потребностей лиц, проживающих в гостиницах или временно пребывающих в остальных таких заведениях.

Предстоявшее введение реформы в Санкт-Петербургской и Привислинских губерниях вызвало Закон от 1 декабря 1897 г.: право продажи вина и водочных изделий, с разрешения министра финансов (произвольными мерами, в налив из графинов, по вольной цене и без обязательной торговли ими в запечатанной посуде), было распространено на расположенные в этих регионах ренсковые погреба, где они и раньше пользовались таким правом. Для частных мест торговли крепкими напитками в Санкт-Петербурге и губерниях Царства Польского были установлены особые размеры патентного сбора. Закон от 8 декабря 1897 г., помимо прочего, определил ближайшие основания организации Санкт-Петербургского попечительства о народной трезвости[2].

12 июня 1900 г. с учетом пятилетнего опыта применения на практике законодательства о государственной монополии на продажу питей был принят новый закон «Об изменении и дополнении узаконений по

[1] Андрющенко Б.К. Винная монополия в Западной Сибири и организация казенной торговли... С. 167–170.

[2] Жолобова Г.А. Частная торговля в условиях российской модернизации 1881–1913 гг.: механизм правового регулирования отраслей… С. 374.

казенной продаже питей». Право губернаторов на издание, по соглашению с управляющими акцизными сборами, обязательных постановлений о внутреннем устройстве заведений для распивочной продажи крепких напитков и о соблюдении в этих заведениях благочиния и благоустройства было распространено на все частные питейные заведения, включая заведения с исключительно выносной торговлей. В виде общего положения подтверждался прежний временной режим торговли крепкими напитками. Как в казенных, так и в частных местах продажи питей, торговля могла начинаться не ранее семи часов утра и оканчиваться в городах не позднее одиннадцати часов вечера, а в местностях вне городских поселений – не позднее десяти часов вечера. Конкретное же время торговли в установленных временных рамках в казенных местах продажи определялось министром финансов, и только в эти часы разрешалась торговля и в частных питейных заведениях. Но управляющие акцизными сборами, по соглашению с губернаторами, могли разрешать отдельным частным питейным заведениям торговлю и вне установленного министром финансов времени, а «в особо уважительных случаях», и вне общего режима торговли, равно как и сокращать время торговли в отдельных частных заведениях. В остальном режим торговли как в будние, так и праздничные дни, оставался прежним, усиливалась лишь роль министра финансов, наделенного правом ограничения или запрещения по соглашению с министром внутренних дел времени торговли в праздничные и торжественные дни.

Корректировка этого режима торговли была произведена после Высочайшего утверждения в 1906 г. положения Совета Министров «Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах» с изменениями от 12 сентября 190 г. Этими актами время торговли спиртными напитками на вынос в частных заведениях ограничивалось 12 часами (т. е. повсеместно подлежало сокращению на 1 час и более), а с распивочной продажей – 15 часами в сутки, с запрещением торговли в первый день Пасхи и Рождества Христова и день Троицы. Кроме того, в воскресные и другие праздничные дни продажа крепких напитков запрещалась или же сокращалась до 5 часов обязательными постановлениями, издаваемыми на местах губернаторами или начальниками областей. Ввиду того, что, по мнению Министерства финансов, допускаемая Уставом об акцизных сборах продажа пивоваренными заводчиками пива с возов и лодок представляла собой «ничто иное, как перемещающиеся кабаки, способствующие неумеренному по-

треблению пива», закон 1900 г. воспретил этот вид продажи пива и меда в монопольном районе. При этом доставку с пивоваренных заводов таких напитков на дом покупателям, по их заказам, по-прежнему дозволялось производить всякими количествами.

Для объединения условий продажи немонопольных напитков в заведениях трактирного промысла, которые в некоторых монопольных районах не пользовались правом выносной продажи этих питей, закон 12 июня 1900 г. установил, что в этого рода заведениях, которым разрешена продажа спиртного, напитки эти могут продаваться как распивочно, так и на вынос. По тем же соображениям во всех местностях района казенной продажи питей были допущены два вида погребов русских виноградных вин – с распивочно-выносной или исключительно выносной торговлей этими винами, в соответствии с полученным разрешением. Ввиду отсутствия в монопольном районе типа заведений, которые могли бы продавать водочные изделия в любом объеме, было признано желательным разрешить ренсковым погребам продажу крепких напитков «всякими количествами», но не допуская в них распивочной продажи (за исключением этого рода погребов в Санкт-Петербурге и Царстве Польском).

Министерство финансов признало необходимым воспретить практиковавшуюся переуступку другому торговцу разрешения на право торговли алкоголем, выданного определенному лицу, «так как этого рода сделки давали возможность вести питейную торговлю лицам, властями признанным неблагонадежными». Закон 1900 г. постановил, что при обнаружении такой передачи разрешение на торговлю спиртными напитками отбирается по распоряжению управляющего акцизными сборами. Был установлен трехлетний срок действия выдаваемых частным лицам разрешений. Кроме того, подтверждалась обязанность содержателей питейных заведений, не торгующих самостоятельно, «без замедления заявлять Акцизному Управлению» о личности своих ответственных приказчиков и сидельцев, а также о каждой смене этих лиц. Управляющий акцизными сборами по соглашению с губернатором мог не допускать «к исполнению обязанностей приказчиков и сидельцев тех лиц, от которых, по имеющимся сведениям, нельзя ожидать правильного и согласного с интересами народной нравственности производства торговли, а также устранять приказчиков и сидельцев от производства питейной торговли».

Открытие питейной продажи в частных заведениях для продажи питей допускалось только после их предварительного освидетельство-

вания акцизным надзором при участии полиции. В акте об освидетельствовании должны были содержаться сведения о том, соответствуют ли заведения требованиям обязательных постановлений о внутреннем устройстве частных мест продажи питей, издаваемых губернаторами по соглашению с управляющими акцизными сборами. Кроме того, закон 12 июня 1900 г. подтверждал прежний перечень крепких напитков, которые могли продаваться в частных заведениях разного рода и право разлива в некоторых из них соответствующих немонопольных напитков. Ввиду признанной полезности соединения потребления крепких напитков с приемом пищи в погребах русских виноградных вин с распивочной продажей этого вина Закон 1902 г. разрешил продажу холодных закусок. А Законом от 17 мая 1904 г. в них была дозволена и торговля горячими кушаньями, «под условием уплаты, сверх следующего с сих погребов патентного сбора …, еще и установленного в пользу городов и земств трактирного сбора». Через несколько лет правительство изменило свою тактику по отношению к пивным и трактирным заведениям. Так, Циркуляр министра финансов от 28 ноября 1896 г. № 44, а затем закон от 29 мая 1897 г. считали их суррогатами старого кабака и принимали меры к их ограничению. А в 1906 г. правительство вновь перешло к покровительственным мерам регулирования торговли пивом, полагая, что его распространение желательно для переориентации населения на слабоалкогольные напитки. Законом от 22 апреля 1906 г., в целях облегчения пивной торговли, открытие в городах оптовых складов пива и меда и пивных лавок было освобождено от ряда стеснений и обусловлено лишь выборкой установленного патента. «В видах же удержания пивных лавок от уклонений, нежелательных в интересах общественной нравственности», усиливались меры ответственности за нарушения торговли в них. Они состояли в лишении лиц, осужденных за злоупотребления в питейной торговле, права содержания оптовых складов пива и меда, а также пивных лавок, сроком на два года[1].

Право издания обязательных постановлений о внутреннем устройстве пивных заведений и о соблюдении в них благочиния и благоустройства было вновь передано городским думам или заменяющим их учреждениям. Им же совместно с полицией было предоставлено «в видах общественного благоустройства и благочиния» ограничивать торговлю пивом или даже запрещать ее в тех частях города, где она

[1] Жолобова Г.А. Частная торговля в условиях российской модернизации 1881–1913 гг.: механизм правового регулирования отраслей… С. 374.

дозволена по закону. При этом городским думам или заменяющим их учреждениям было предоставлено облагать открываемые в городах пивные лавки с распивочной продажей особым в пользу городов сбором, но не больше двойного размера патентного сбора. Одновременно был повышен патентный сбор с пивных складов и лавок. Этот закон дал основание Министерству финансов ослабить существовавшие ограничения и вне городских поселений. Так, Циркуляр министра финансов от 1 июля 1906 г. № 1495 предписывал управляющим акцизными сборами, принимая во внимание «свободное открытие мест продажи пива в городах», установленное законом от 22 апреля 1906 г., руководствоваться следующими указаниями: «1) открытие распивочных пивных лавок во внегородских поселениях должно быть допускаемо исключительно в зависимости от местных условий и потребности населения в этих заведениях, и 2) в тех внегородских поселениях, где потребность в распивочной торговле пивом уже признана и где поэтому разрешена хотя бы одна распивочная пивная лавка, не следует ограничивать торговлю одним заведением, во избежание монополизации торговли».

Первоначальные задачи по борьбе с нелегальной продажей алкоголя были высказаны в «Вестнике финансов» в 1894 г.: «При назначении… в розничной продаже совершенно однообразных цен на вино, выгоды тайной продажи по мелочам вина, купленного большими количествами, совершенно отпадут. Чтобы покрыть свои расходы, риск незаконного промысла и т. п. и получить хотя бы некоторый барыш, тайному торговцу, очевидно, придется продавать вино дороже, чем каждый может его купить в казенной лавке; если же он и будет продавать его дешевле, но разбавленным водой, то, конечно, покупщики такого вина скоро убедятся в том, что это промысел основан на их обирательстве, и предпочтут сами обращаться в казенные места продажи. Таким образом, тайные продавцы вина будут иметь меньшую возможность привлекать к себе население теми способами, которые составляют их силу в настоящее время»[1].

Однако в Циркуляре товарища министра финансов от 12/15 сентября 1907 г. № 1641 сообщалось, что тайная продажа вина увеличивается и что «в виду возникшего как в обществе, так и в печати вопроса о необходимости принятия мер к ослаблению тайной продажи крепких напитков и распития вина на улице, с указанием, что одной из мер, могущих повлиять на ослабление тайной питейной торговли являет-

[1] Цит. по: Гредингер М. Основы питейной монополии в России… С. 96.

ся увеличение числа трактирных заведений», Министерство финансов приступило к обсуждению этой проблемы. Совет по делам казенной продажи питей обратил внимание на 10-кратное сокращение числа заведений трактирного промысла с продажей крепких напитков в районе казенной винной операции, в сравнении с периодом, предшествующим ее введению. Незначительное количество трактирных заведений, особенно предназначенных для простонародья, объяснялось отчасти ограничением их числа, отчасти невыгодностью их содержания в связи с действовавшими ограничительными требованиями и высоким раскладочным сбором. И хотя министр финансов подчеркивал, что не придает «увеличению числа трактирных заведений с продажею крепких напитков значения радикальной меры для устранения тайной продажи вина и уличного его распития», но все же рассматривает такое увеличение, как одно из средств, «которое могло бы быть противопоставлено указанным явлениям». А потому по соглашению с министром внутренних дел он признал желательным: «1) по возможности не стеснять открытия трактирных заведений как в городах, так и во вне городских поселениях, где существует несомненная потребность в таких заведениях, особенно же… в селениях, имеющих не менее пяти тысяч душ обоего пола, а из селений с меньшим населением во всех базарных, торговых, промышленных и фабричных селах, а также при станциях железных дорог, у пристаней и перевозов больших рек, на проезжих трактах и вообще в местностях значительного скопления или проезда посторонних людей и 2) не стеснять без крайней, по местным условиям, необходимости открытия пивных лавок с продажею горячих кушаний, при условии, конечно, благонадежности в акцизном отношении соискателей на содержание означенных лавок»[1]. Таким образом, эти нормы во многом восходили к положениям закона 1885 г.

В годы казенной винной монополии усилилась незаконная торговля крепкими напитками из-за того, что количество заведений, где продавали алкоголь, резко сократилось; но спрос в тех местах, где питейные заведения исчезли с введением реформы, естественно, остался прежним, его и удовлетворяли шинкарщики или перекупщики. Существовало три основных способа деятельности незаконных продавцов. При самом примитивном из них шинкарщики закупали водку оптом в казенных винных лавках в самой мелкой посуде и в нераспечатан-

[1] Жолобова Г.А. Частная торговля в условиях российской модернизации 1881–1913 гг.: механизм правового регулирования отраслей… С. 375.

ных бутылках перепродавали ее по более высокой цене. При втором способе корчемники покупали казенные пития оптом в крупной посуде в казенных винных лавках и в частных трактирах, перепродавали их на разлив у себя дома или же в незапечатанной посуде (эта бутылка внешне отличалась от разлитой на государственном заводе, в ней была самодельная пробка, часто не было этикетки) в местностях, свободных от питейных заведений, по более высокой цене. Этот вариант был характерен для мест, удаленных от казенных винных складов (государственных водочных заводов), т. е. прежде всего для сельской местности. При этом давали и в долг, и под заклад, так как перекупщик знал должников. Продавали и малолетним. Но не все жители мест, свободных от казенных винных лавок, обращались к шинкарщикам. Многие запасались вином заблаговременно. Третий способ, более изощренный, характерен больше для пригородов и слобод при крупных городах, в которых находились казенные винные склады. Корчемник тоже покупал пития в крупной посуде и разливал их в более мелкую, но при этом наклеивал настоящую этикетку казенного винного склада, которую каким-то способом получал с последнего, скорее всего покупал у рабочих, которые похищали этикетки с предприятия. Получалось, что внешне бутылка водки, которую продавал шинкарщик, не отличалась от таковой, выпущенной с завода.

За незаконную торговлю водкой в запечатанной посуде законом предусматривался штраф не более 30 руб., подобные дела находились в компетенции управляющих акцизными сборами; нелегальная продажа в неопечатанных бутылках или распивочно влекла за собой тюремное заключение до 8 месяцев, эти преступления подлежали компетенции уже суда. Тайная торговля была больше развита в деревне, причем чем более редкой являлась сеть казенных винных лавок, тем большее распространение получала перепродажа. В городах подобные факты являлись гораздо более редкими, практически на грани статистической погрешности, это объясняется достаточной плотностью питейных заведений, в том числе частных, на относительно небольшой территории города. Корчемству способствовали «затруднительность сообщения с лавкой», наличие в селе волостного правления и суда, базара и ярмарки, «и в этом случае. вино забирается из казенных лавок в более крупной посуде». «Замечаются также случаи большого развития тайной торговли в селениях, жители коих занимаются кустарными промыслами, когда в интересах сбережения времени кустари пользуются услугами лиц,

чаще женщин, предлагающих вино с некоторым повышением против действительной его стоимости»[1].

По данным исследования незаконной торговли водкой в Пензенской губернии, «для большинства шинкарей торговля вином является постоянным подсобным в хозяйстве промыслом, обеспечивающим хороший заработок. Тайной торговлей занимаются почти исключительно женщины-крестьянки; мужчины же – только из числа содержателей мелочных лавочек и других сельских торговых заведений. Меньшая часть шинкарок – бедные вдовы с детишками, солдатки, женщины, брошенные мужьями; для них этот промысел является весьма существенным источником пропитания. Но главная масса шинкарок принадлежит к семьям средней состоятельности; они промышляют не в силу крайней нужды, а соблазняясь легким способом заработать лишнюю копейку, чтобы залатать прорехи в своем «бабьем бюджете». Замужняя женщина в крестьянстве имеет свои хозяйственные расходы, которые должна производить за счет своих же особых дополнительных статей. Она обязана обшивать всю семью, не исключая и домохозяина (лишь верхняя одежда покупается на общие ресурсы), а также справлять себе наряды и даже приданое своим дочерям. Иногда промышляют понемногу и девушки, употребляя заработок на наряды». В Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской губерниях «корчемством промышляют обыкновенно беднейшие крестьяне, которых нанимают более богатые, чтобы в случае поимки остаться в стороне». «Можно принять без значительной погрешности, что из шинкарских оборотов 10 % отпускается на связанные со свадьбами празднества и угощения, 10 % на праздники, 3 % на помочи, 5 % на общественные сходы и 2 % на похороны и крестины. Остальные 70 % забираются крестьянами на выпивки по случайным поводам: значительная часть (20 %) на весьма распространенные в деревнях «могорочные» попойки, 7 % для алкоголиков, 5 % на похмелье, 1 % для лечения, 2 % на гулянки новобранцев и 5 % для приема гостей. На все случаи заранее предвидимой потребности в более значительных количествах вина, например на свадьбы, престольные праздники и пр., крестьяне делают заборы в казенных лавках и обращаются к услугам шинкарей лишь при нехватке запасов, что, однако, случается нередко»[2].

[1] Цит. по: Пашков Е.В. Казенная винная монополия в России конца XIX – начала XX в… С. 13–22.

[2] Воронов Д.Н. Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Обследование потребления вина в Пензенской губернии в 1912 г. Пенза, 1913. С. 48–49; Пашков Е.В. Казенная винная монополия в России конца XIX – начала XX в… С. 13–22.

тылку с переклеенной этикеткой, а внутри китайская "ханша". Вот молодцы китайцы! Тут с налогами вообще все было непросто. Из России ввозили дешевый русский и германский спирт на условиях покровительственных тарифов КВЖД. Если провоз маньчжурского спирта от Харбина до Владивостока на расстояние в 794 км обходился в 1 руб. 52 коп. за пуд, то провоз того же пуда от Минска до Харбина (10 000 км!) стоил всего 1 руб. 47 копеек. Ясное дело, этим не преминули воспользоваться авантюристы всех мастей. И наши, и китайцы стали греть руки на такой разнице. Значительную часть спирта, ввезенную на льготных условиях, тотчас поворачивали обратно и уже контрабандою везли в пределы Восточной Сибири и Русского Дальнего Востока. До 110 000 ведер спирта утекало обратно через русскую границу при общей тут потребности в 250 000 ведер»[1].

Таким образом, в период казенной винной монополии продолжался развиваться трактирный промысел. Несмотря на попытку С.Ю. Витте перенести пьянство из питейных заведений «в семью», сокращая при этом количество трактиров, этот промысел выжил. Уличное пьянство вынудило власти остановить борьбу с трактирами. В период монополии начали появляться хорошие рестораны, но вместе с тем существовали и заведения низкого пошиба, которыми пользовались деклассированные элементы. Трактиры и рестораны оставались местом «загула» богатых купцов-миллионеров и представителей золотой молодежи. Одновременно в ресторанной культуре начали появляться писатели, журналисты, художники, посещавшие хорошие рестораны. Это в свою очередь привлекало «чистую» публику и превращало данные заведения не только в места постоянного разгула, но и в точки семейного отдыха.

2.3. «Банкетная кампания» 1904 г., пьянство на русско-японской войне 1904–1905 годов

В период, непосредственно предшествующий первой русской революции, винопитие стало формой организации оппозицией антиправительственных выступлений либералов. В августе 1904 г. участникам земского движения пришлось решать вопрос о подаче адреса царю, в котором бы недвусмысленно выражены были конституционные пожелания. Для этого нужно было созвать Земский съезд. 20 октября Со-

[1] Смирнов В.П. Смирновы. Водочный бизнес русских купцов… С. 165–166.

водству некоторых продуктов, а именно более или менее вредных для народного здравия, многими отдается предпочтение монопольной системе: преимущество монопольной системы заключается, во-первых, в большой продуктивности этой формы обложения; во-вторых, в возможности оказывать государственное воздействие на характер и размеры потребления продуктов; в-третьих, в возможности обеспечить доброкачественность продуктов… Правительственная… монополия дает уверенность в том, что налог поступает именно только тогда, когда у плательщика имеются в наличности денежные средства, так как при продаже спиртных напитков исключительно из казенных лавок, казенными служащими, не заинтересованными в количестве сбыта, не может иметь, место корыстное спаивание народа»[1].

При этом С.Ю. Витте считал, что казенная винная монополия правильно функционировала только при нем: «Должен сказать, что в течение всего моего управления, питейная монополия, по завету покойного императора Александра III, имела главным образом в виду возможное уменьшение пьянства. Я говорю "возможное" – поскольку это уменьшение может быть достигнуто путем механическим, полицейским и путем регламентации; так как не подлежит никакому сомнению, что общее отрезвление народа, прочное его отрезвление – возможно и мыслимо только посредством широкого распространения культуры, образования и материального достатка… Главный недостаток России, по моему глубокому убеждению, заключается в отсутствии народного образования, – в таком отсутствии, какое не существует ни в одной стране, имеющей хоть какое-нибудь притязание быть цивилизованным государством. Нигде в цивилизованных странах нет такого количества безграмотных, как у нас в России. Можно сказать, что русский народ, если бы только он не был народом христианским и православным, – был бы совершенно зверем; единственно, что отличает его от зверя – это те основы религии, которые переданы ему механически или внедрены в него посредством крови. Если бы этого не было, то русский народ при своей безграмотности и отсутствии всякого, самого элементарного образования был бы совершенно диким… Я каждый год старался ездить именно по тем губерниям, в которых вводилась эта новая реформа, и при всех моих объездах, внушал акцизному ведомству, что реформа эта вводится не с целью увеличения дохода, а с целью уменьшения народного пьянства и что действия чинов акцизного ведомства будут цениться совсем не в зависимости от того, ка-

[1] Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве… С. 431.

кой доход от этой реформы получается, и исключительно с точки зрения благоустройства, порядка и уменьшения народного пьянства… К сожалению, когда началась японская война и министром финансов сделался Владимир Николаевич Коковцев, то он… несколько изменил то направление питейной монополии, которое было дано императором Александром III, по его приказанию, мною, а по моему приказание Марковым и всеми чинами акцизного ведомства. Владимир Николаевич обратил внимание на монополию главным образом с точки зрения фиска, дабы извлечь из этой реформы наибольший доход, а потому не только не были предприняты дальнейшие меры, так сказать, к механическому, полицейскому воздействию на уменьшение пьянства, но наоборот, питейный доход стал служить одним из мерил достоинства акцизных чиновников; неуменьшение пьянства ставилось и ставится акцизным чиновникам в особую заслугу, а увеличение питейного дохода»[1].

В качестве доказательства этого, С.Ю. Витте приводил эпизод из поездки президента Франции в Россию, когда один из французских чиновников похвалил его за хорошее проведение винной реформы: «Когда в Россию приезжал президент Французской республики Фор, то после его отъезда остался один из инспекторов французского финансового ведомства, который сопровождал Фора и который должен был сопровождать и меня в предстоящей моей поездке по губерниям, где вводилась питейная монополия, а именно в губерниях Смоленской и Могилевской… Я спросил этого француза, как я уже говорил весьма почтенного деятеля, носящего древнюю дворянскую фамилию (он, между прочим, был родственник графа Монтебелло), что он думает по поводу питейной монополии? Его послал со мною Фор, предполагая, что ту же самую реформу можно ввести и во Франции. Француз на это дал мне весьма умный ответ: он находит, что эта реформа с точки зрения государственной превосходная и что она должна дать самые благие результаты. Реформа эта могла бы дать столь же благие результаты во Франции, но, для того, чтобы такую реформу ввести, необходимо прежде всего одно условие, – чтобы та страна, в которой она вводится, имела монарха неограниченного, и мало того, что неограниченного, но и с большим характером. Действительно, если бы император Александр III не обладал этим свойством, то и реформу я никогда бы не был в состоянии ввести. При парламентарном режиме вообще, а при республиканском в особенности введение такой реформы почти немыслимо, так как она задевает

[1] Витте С.Ю. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 1. С. 459–460.

столько интересов высших лиц и вообще лиц с достатком, что по нынешнему времени никакой парламент такой реформы не пропустит»[1].

Похвалы французского чиновника для западника С.Ю. Витте было достаточно, чтобы считать себя наиболее успешным реформатором и организатором казенной винной монополии. Вместе с тем следует отметить, что сама идея монополия была выдвинута не самим С.Ю. Витте, в чем он откровенно признается в своих мемуарах, а князем В.П. Мещерским – представителем совершенного другого политического лагеря – патриотического. А С.Ю. Витте пришлось проводить эту реформу ради карьеры, так как до назначения на пост министра финансов он был не слишком известным деятелем из железнодорожной сферы. А Александру III эта идея понравилась и перечить ему он не мог, так как был относительно молод. К тому же в деле введения винной монополии был заложен ряд просто «детских» ошибок, которые дискредитировали ее в глазах значительной части населения. В частности цена на водку повысилась, к тому же покупать ее нужно было в основном в запечатанном виде, а распивать дома. Это вызвало к жизни уличное пьянство. Со временем эти ошибки были исправлены, но неприятный осадок от реформы остался. Борьба за трезвость, которую С.Ю. Витте решил финансировать за счет доходов от водки, носила в основном декоративный характер и не принесла значительного результата. Мероприятие для «галочки» и только. Также неизвестно если бы у него было право выбора, то стал бы он вообще вводить в России казенную винную монополию или нет, хотя именно она дает государству набольшую прибыль. Скорее, что нет. Об этом говорит та роль, которую сыграл С.Ю. Витте в ее отмене и введении «сухого закона», который он поддержал практически сразу же, не пожалев свое «детище».

Из каждых собиравшихся 5 525 пудов хлеба 221 (4 %) употреблялся на изготовление водки. В 1910 г. в России было 2 816 винокуренных заводов, на них было выкурено 106 443 000 ведер водки. В этом же году существовало 26 556 винных лавок, 46 181 пивная и 38 690 «прочих мест продажи спиртных напитков», то есть 111 427 заведений. В 1902 в России было выпито 68 млн ведер водки (1 казенное ведро – 12,3 л), 1907 г. – 76 млн, 1908 г. – 84 млн, 1912 г. – уже 96 522 429. В 1908 г. на Нижегородской ярмарке выпили 235 тыс. ведер водки (на 100 тыс. человек). В 1913 г. все население России выпило 2 000 100 000 бутылок водки. Каждый житель России к концу казенной винной монополии выпивал в среднем в год 12 бутылок водки (5 руб. 4 коп.), 10 бутылок пива (1 руб.)

[1] Витте С.Ю. Воспоминания.... С. 458–459, С. 565.

и 3 бутылки (68 коп.) виноградного вина, то есть тратил в год на алкоголь 6 руб. 72 коп. при среднегодовом доходе в 60 руб. 48 коп., таким образом, на каждого действительно пьющего взрослого мужчину приходилось ежегодно 1 ведро и 16 бутылок водки, 1 ведро и 10 бутылок пива и 9 бутылок виноградного вина (из них в деревне выпивалось 1,5 ведра водки, в городе – 4, а в Санкт-Петербурге и Москве – по 7)[1]. В 1895 г. от казенной продажи алкоголя было получено дохода 23 262 000 руб. ассигнациями (бумажными деньгами), 1896 г. – 64 877 000, 1897 г. – 119 463 000, 1898 г. – 227 818 000, 1899 г. – 247 312 000, 1900 г. – 272 742 000, 1901 г. – 384 026 000, 1902 г. – 488 028 000, 1903 г. – 540 969 000, 1904 г. – 546 705 000, 1905 г. – 611 591 000, 1906 г. – 695 438 000, 1907 г. – 706 528 000, 1908 г. – 708 768 000, 1909 г. – 720 413 000, 1910 г. – 764 434 000, 1911 г. – 782 077 000, 1912 г. – 819 788 000, 1913 г. – 899 000 000[2]. В 1880–1882 гг. потребление алкоголя из расчета на чистый спирт на душу населения в России составляло 3,9 л; 1893–1895 гг. – 2,8 л; 1895 г. – 2,6 л; 1896 г. – 2,5 л; 1897 г. – 2,4 л; 1898 г. – 2,5 л; 1899 г. – 2,7 л; 1900 г. – 2,6 л; 1901 г. – 2,4 л[3]. Душевое потребление алкогольных напитков в России в 1906–1910 гг. составляло 3,41 л, а в 1913 г. – 4,7 л. Таким образом, уровень пьянства в России в период казенной винной монополии С.Ю. Витте, несомненно, возрастал, увеличивались и доходы, которые достигли четверти годового бюджета страны. Возникала совершенно патовая ситуация – с одной стороны, население начинало спиваться, причем довольно быстрыми темпами, с другой стороны – государству требовалось все больше расходов: на поддержание золотого рубля, столыпинскую аграрную реформу, перевооружение армии и т. д. Остановить маховик спаивания населения было нельзя – это привело бы к финансовой катастрофе России, но и продолжать также было нельзя – «пьяный бюджет» не мог затыкать финансовые дыры бесконечно. Требовалась кропотливая работа на десятилетия, которая могла бы в конечном итоге заменить доходы от продажи водки на доходы от реализации более «безопасных» товаров, но для этого надо было очень долго развивать как легкую, так и тяжелую промышленность. А времени на это не было, впереди была Первая мировая война.

[1] Беляев М.М., Беляев С.М. Сборник задач противоалкогольного содержания. М., 1914. 48 с.

[2] Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. М.: Прогресс-Академия, 1994. 336 с.

[3] Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. СПб., 1911. С. 31.

голя. В Великобритании такие чтения, благодаря высокой сознательности населения, проходили при значительном скоплении народа. В деле пропаганды этого начала чрезвычайную энергию проявил ирландский католический патер Мэтью, прозванный «апостолом воздержания». Своей энергичной и воодушевленной проповедью с 1838 г. в Ирландии, Англии и Америке он, по расчетам современников, обратил к трезвости более 5 млн людей. В Ирландии под его влиянием движение против пьянства приняло национальный характер, и его пропаганда дала Ирландскому союзу воздержания около 1 800 000 членов[1]. Англия также первой из европейских государств начала строительство больниц для алкоголиков и к концу XIX в. имела 24 таких заведения. Но успех их деятельности в значительной степени тормозился отсутствием закона об обязательном помещении алкоголиков в лечебницы. В 1895 г. здесь был издан закон, дозволяющий в некоторых случаях принудительное помещение.

В 1835 г. по примеру американских обществ трезвости в Швеции впервые возникло общество воздержания. Общество это имело успех и вызвало к существованию ряд других, ему подобных. Потребность в борьбе с пьянством была велика: размерами своего пьянства Швеция славилась по всей Европе, и еще недаром в XVIII в. среди немцев вошла в поговорку фраза – «пьян, как швед». Благодаря полной свободе винокурения и питейной торговли (установленной при Густаве III, в 1788 г.), имевшей целью поощрение сельскохозяйственного винокурения, вся Швеция покрылась винокуренными заводами; в 1824 г. их насчитывали на небольшом пространстве этой страны до 170 000.

В Швеции и Норвегии в 1865 г. была разработана так называемая гетеборгская система, по которой право продажи спиртных напитков предоставлялось акционерным обществам. В начале XIX в. Швеция была пьянейшей страной в мире: в этой стране насчиталось 170 тыс. винокурен, т. е. на каждых 14 жителей было по одной винокурне. На каждого жителя приходилось 46 л потребления 50-градусной водки, т. е. в 5 раз больше, чем приходилось в начале XX в. Достигнуто это было следующим образом: с 1855 г. шведское правительство начало борьбу против народного пьянства и стало сокращать мелкие винокурни. В 1861 г. число винокурен сократилось до 950, а в 1900 г. их осталось всего 131. Мелочная продажа спирта была запрещена в количестве меньше одного

[1] Дерюжинский В. Полицейское право. СПб., 1903. С. 131.

литра, и на производство мелочной продажи требовалось получить разрешение общины. Налог на спирт был увеличен в 2,5 раза.

Сущность гетенборгской системы изложена у И.Х. Озерова следующим образом: «Гетенборгская система в городах начала прививаться с 1865 г. Она состоит в том, что продажа спирта монополизируется в руках акционерного общества. Это общество довольствуется небольшим процентом на свой капитал: в Гетенборге, например, капитал этого общества 102,5 тыс. крон, а Гетенборг насчитывает 140 тыс. жителей; все же остальные доходы это акционерное общество употребляет на общественные нужды. Эта система уничтожает личную заинтересованность продавцов в продаже спиртных напитков и доставляет возможность получать кушанья там, где продаются спиртные напитки. Доступ в места продажи спиртных напитков открыт только лицам трезвым в возрасте свыше 18 лет. В кредит ничего не отпускается. Продажа от 9 часов утра и до 6 вечера, а летом – до 7 часов; в воскресные и праздничные дни продажа идет только от 1 до 3 часов пополудни, и то лишь вместе с пищей. С местами продажи спиртных напитков обычно соединены читальни. Заведующие этими местами заинтересованы в продаже кушаний, кофе, сельтерской воды и сигар, и с этой целью они получают известное процентное вознаграждение. Акционерное общество уплачивает особый налог в размере около 500 марок с каждых 30 гектолитров ежегодной продажи спирта. Сверх того, чистый доход за покрытием известного процентного капитала в размере 71 % поступает в пользу города (в Стокгольме 8 %) и 29 % в пользу государства. Эта система введена в настоящее время в 104 городских поселениях. Итак, продавцы не заинтересованы здесь в продаже спиртных напитков, наоборот, они заинтересованы в сбыте кушаний, сельтерской воды, кофе. Акционерное общество также не заинтересовано, так как доход его ограничен известным процентом. Результаты гетенборгской системы в самом городе Гетенборге таковы: в 1874–1875 гг. на жителя продавалось водки, по расчету в 50 градусов, 22,21 л., а в 1904–1905 гг. – уже только 10,72, т. е. потребление сократилось больше чем вдвое. Это – общая продажа спирта, сокращение же в распивочной торговле еще больше. В 1874–1875 гг. – 9,7 л., а в 1904–1905 гг. – 3,78 л... В Норвегии доход от гетенборгской системы делится так: 65 % идут в пользу государства, 15 % – общине и 20 % – самому обществу, но с обязательством употреблять их на борьбу с алкоголизмом. Введение этой системы предоставлено здесь на голосование всех жителей данной местности в возрасте свыше

25 лет, включая и женщин. В настоящее время по закону 1904 г. система распределения чистого дохода несколько видоизменена. Общество получает не 20 %, как ранее, а только 10 %. Другие 10 % идут в разверстку между общинами данного округа пропорционально количеству населения. Государство свой долю дохода от продажи спиртных напитков должно помещать до конца 1910 г. в фонд для страхования на случай инвалидности и старости. Средства тратятся обществом на музеи, школы, библиотеки, детские приюты, купальни, музыкальные общества, общества трезвости»[1].

Представляет некоторый интерес опыт профилактики пьянства в рамках так называемой браттовской системы, учрежденной в 1919 г. в Швеции, по которой на семью по карточке можно было приобрести в месяц до 4 л водки. Своеобразная лимитная система продажи спиртных напитков (по карточкам и только в крупных промышленных центрах) была создана в 1932 г. в Финляндии. Однако все эти системы давали положительные результаты лишь на короткое время после их введения. Высокий акциз на алкоголь, государственная монополия и меры по ограничению продажи спиртных напитков хотя и приводили к временному незначительному ограничению потребления их, главной цепью имели обогащение правительственной казны. Одним из крайних выражений ограничительной системы является опыт полного запрещения производства и продажи алкогольных напитков – «сухой закон». Он существовал в Исландии с 1912 г. по 1923 г., в Финляндии с 1919 г. по 1931 г., в Норвегии с 1919 г. по 1926 г.

В Швейцарии с 1886 г. была введена государственная винная монополия. Право торговли спиртными напитками было отнесено к привилегии государства, причем несколько ограничивалась продажа крепких напитков. В Швейцарии по конституции, с правом кантонов на получение доходов от винной монополии была сопряжена следующая обязанность – «из полученных доходов по крайней мере 10 % затрачивать на борьбу как с причинами, так и с последствиями алкоголизма». Чаще всего часть этих средств шла на содержание или субсидирование лечебниц для алкоголиков. В Швейцарии также существовал принцип принудительного помещения алкоголиков. Так, в кантоне Сен-Галлен в 1894 г. был издан закон, по которому помещение алкоголиков в лечебницы могло производиться не только с согласия или по желанию пациентов, но и против их воли, по постановлению муниципального совета, на основании медицинского сви-

[1] Цит. по: Куропаткин А.Н. Русская армия. СПб.: Полигон, 2003. С. 216–217.

дано за год из казенных лавок 91 млн с лишним ведер водки. Вот на что прежде всего надо обратить внимание тем, кто хочет всерьез бороться с пьянством»[1].

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что попытка создать в России организованные общественные структуры для борьбы с пьянством провалились из-за политических разногласий. Демократическая интеллигенция и русская православная церковь ставили перед собой совершенно разные задачи. Либералы боролись не против собственно пьянства, а против казенной винной монополии как одного из столпов русского самодержавия. Церковь же противоборствовала с самим пьянством как явлением. Демократически настроенные общественные деятели хотели разрушить старый порядок и построить новый, а русская православная церковь – сохранить прежний. В этой ситуации договориться было невозможно, поэтому для либералов борьба с пьянством плавно перетекала в борьбу с правительством, а для церкви – с врагами правительства. То есть возникала политическая свара. Поэтому государство в лице Николая II и его окружения, которое металось между «европейскими стандартами» и дедовскими заветами, предпочло запретить дальнейшее проведение антиалкогольных съездов, чтобы не поддерживать однозначно ни одну из сторон, а пыталось сразу сидеть на двух стульях – либеральной платформе, чтобы иметь поддержку прозападных политиков и консервативной – для помощи со стороны церкви, русских националистов и охранителей.

3.4. Разработка «сухого закона» – шаг в «бюджетную пропасть»

Предвестниками «сухого закона» являлись закрытия питейных заведений во время призыва новобранцев в вооруженные силы, мобилизаций периода русско-японской войны, войсковых маневров, крестных ходов, крупных общегосударственных праздников. Возможность таких мер была установлена циркулярами Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей управляющим акцизными сборами от 8 июля 1898 г., министра внутренних дел от 6 августа 1903 г. – губернаторам. В соответствующих случаях и на необходимое время в на-

[1] Зиновьев Г.Е. Сочинения… Т. 3. Борьба за большевизм. Из эпохи «Звезды» и «Правды». 1910–1912 гг. С. 405.

селенных пунктах, через которые следовали команды мобилизуемых, в местах, где проводились маневры и проходили крестные ходы, казенные винные лавки должны были закрываться по распоряжению управляющего акцизными сборами губернии по соглашению с губернатором, а частные питейные заведения распоряжением последнего при согласовании с начальником акцизного ведомства. В дни общегосударственных юбилеев, например, пятидесятилетия освобождения крестьян, трехсотлетия Романовых закрывались питейные заведения на территории всей страны по соглашению министров финансов и внутренних дел.

Факторами, подтолкнувшими верховную власть отказаться от питейного дохода, являлись законопроекты, письма, речи части депутатов Государственной думы, отчеты некоторых губернаторов, постановления органов местного самоуправления, статьи в печати и записки частных лиц. Октябрист Н.В. Савич в своих мемуарах откровенно написал, почему это делалось: «Самым крупным источником доходов казны была винная монополия. Детище Витте, усовершенствованная и прекрасно организованная при Коковцове казенная продажа вина являлась мишенью нападок со стороны русского общества. Стало ходячим мнением утверждение, что казенная продажа вина есть безобразное явление, эксплуатация правительством народного порока, сознательное разорение широких масс ради возможности набить казенный сундук для содержания административного аппарата и непроизводительных расходов на армию и флот. Обычно при этом повторяли фразу, будто бы сказанную каким-то министром при Николае I: "Что ни кабак – то батальон". Особенно обострилось отношение к винной монополии после событий 1906 г., когда был дан лозунг: "Выбирайте вклады из сберегательных касс, притом непременно в золоте". Тогда действительно начался известный отлив из сберегательных касс, но опасения финансового ведомства были непродолжительны: очень скоро значительная часть выбранных денег стала поступать в кассы винной монополии. С этого момента агитация против казенной продажи вина чрезвычайно усилилась, в ней видели не только эксплуатацию порока населения, но и серьезную опору самодержавного режима. Вместе с тем эта шумиха давала возможность дискредитировать власть, обвинять ее в отсутствии действительной заботливости о благе народа. Словом, к моменту созыва Третьей Государственной думы в обществе и в прессе идея упразднения винной монополии была достаточно распространена»[1].

[1] Савич Н.В. Воспоминания. СПб.-Дюссельдорф: Logos, Голубой всадник, 1993. С. 134.

Одним из самых ярких борцов за трезвость в Третьей Государственной думе был также октябрист и купец-миллионер Михаил Дмитриевич Челышев. Он родился 27 сентября 1866 г. в крестьянской старообрядческой семье в селе Ворынино Владимирской губернии. 24 июня 1892 г. М.Д. Челышев был избран гласным самарской городской думы и занимал этот пост вплоть до своей смерти в 1915 г. Как общественный деятель, он полностью посвятил себя борьбе с пьянством. Прежде всего М.Д. Челышев предложил полностью ограничить в черте города продажу спиртных напитков. Но вместе с тем продажа алкоголя приносила и без того дефицитному бюджету города основную массу налогов. Его предложение признавалось многими гласными городской думы «гуманным, но совершенно неоправданным, так как помимо потери основных поступлений в городскую кассу в Самаре с еще большей силой начнет процветать «шинкарство». «Челышев происходил из той части России, где славянское племя в течение веков перемешивалось с монголо-татарскими выходцами, где создался и выкристаллизовался особый тип русских людей, – вспоминал о нем Н.В. Савич. – В его лице определенно сохранялись следы этого сложного происхождения его предков, в его характере ярко сказывались черты азиатского родича… Челышев крепко усвоил лишь одну идею, одну мысль: надо уничтожить народный порок – пьянство, – а для этого нет другого средства, как полная принудительная трезвость, запрещение государственною властью выделки и продажи в России спиртных напитков. Эта идея стала целью его жизни, во всяком случае, руководила всей его политической деятельностью, ради нее он пришел в Государственную Думу, с помощью коей он надеялся убедить правительство, а в случае крайности и принудить его отказаться от казенной винной монополии, ввести в России сухой режим. Сущность его рассуждений по этому сложному вопросу была до крайности проста. Он говорил: пьянство – порок, разоряющий множество русских людей, пить будут, пока есть водка, пока можно будет найти вино. Следовательно, чтобы искоренить пьянство, надо запретить выделку и продажу вина, притом всех напитков, содержащих алкоголь. Когда ему осторожно указывали, что нельзя бороться мерами запрещения с вековыми привычками нации, что это вызовет лишь пассивное сопротивление большинства населения, борьбу всех против закона и его исполнителей, приведет к умалению престижа закона, законности и правительственной власти, а в результате начнется процветание контрабанды, тайной выделки и продажи вина или его суррогатов, он выходил из

себя… Когда возражали против его любимой мечты, он сразу зверел, говорил, что тех, кто будет противиться принудительной трезвости, начнет тайную продажу вина или выделку последнего, надлежит жестоко карать как убийц, ссылать на каторгу и т. д. Тут воочию сказывалась его психология, его понимание сущности и пределов прав государственной власти. Для него русский царь был то же, что хан, который все может, который не считается с нравами и волей народа… сдвиг в общественном мнении в сторону идей Челышева несомненно наблюдался. В этом была в известной мере и наша вина, мы решительно ничего не сделали, чтобы противодействовать его пропаганде… Конечно, история никогда никого и ничему не учит, но этот урок следовало бы помнить. Ни Челышев, ни его левые союзники, ни мы, противники, об этом не думали»[1].

М.Д. Челышев писал в одной из своих брошюр: «Враги русского народа… выдвинули при дворе государя императора неизвестного до того человека (вероятно, С.Ю. Витте – *прим. автора*), который, достигнув доверия государя, обманул как самого государя, так и народ. Обманул изданием указа, что якобы для уменьшения пьянства и для равномерного употребления населением вина, необходимо продажу его взять в руки казны. И вот оказался на деле результат: там, где десятки лет не было кабака, посадили насильно винную лавку. Из отчета ясно видно, что с открытием монополии народ стал пить страшно много; со времени уничтожения крепостного права употребление вина и пива на душу крестьянского населения стало больше, чем в 10 раз… Лучшее здание в селе, да иногда и в городе – это питейное заведение, казенный винный завод или склад, а лучшая служба в последнее время – это по винному делу, потому что крупно оплачивается и в будущем обеспечена пенсией, да и знаний-то она никаких не требует, а наши народные учителя довольствуются грошами, живут впроголодь в курных избах, так что многие из них отказались от служения народу и ушли в кабачки… одним только образованием и им одним эту болезнь не вылечишь… для этого нужно совсем почти прекратить приготовление и продажу алкоголя во всех его видах. И в других странах уже сознали, что с отрадой народа, каким бы то ни было наркотическим ядом, нужно бороться – и бороться решительными средствами: в Америке во многих штатах в настоящее время совсем нет алкоголя; в Японии недавно изданным законом курильщики опиума караются 5-летним тюремным заключением; в Китае – недавно обнародованным императорским указом приказано всем должностным

[1] Савич Н.В. Воспоминания… С. 135–136.

лицам отрешиться от курения опиума, и если не исполнят – уволиться, а простому народу приказано не предаваться этому пороку; посев же мака совсем запрещен, а соседним государствам предложено прекратить, т. е. свести на нет ввоз этого продукта в течение 6 лет. В Абиссинии совсем нет алкоголя, там запрещены ввоз и изготовление всякого рода спиртных напитков под страхом смертной казни. В соседней нам Финляндии, т. е. в русском великом княжестве, находящемся на самом крайнем севере, население живет во много раз лучше нашего оттого, что там с этим злом борются, а с дарованием нашим государем императором им конституции, в Сейм внесен законопроект о совершенном прекращении как изготовления, так ввоза и продажи алкоголя во всех его видах. Финский народ пришел к тому твердому заключению, что никакой прогресс в стране не будет иметь должного успеха, пока народное пьянство не будет радикальным образом изъято законом. Но многие, сознавая это зло, говорят, что оно терпится по необходимости, так как доставляет средства государству, средства безусловно необходимые. Но господа, ведь такой доход равен тому доходу, когда мать живет от разврата своей родной дочери. Ведь подумайте, казна от этого берет только 400 млн, а народ затрачивает только материально на это 4 миллиарда, т. е. чтобы 1 руб. поступил в казначейство, народ должен потратить 10 руб. Разве такой налог разумный?»[1].

16 ноября 1907 г. М.Д. Челышев выступил в Государственной думе с речью против казенной винной монополии, в которой предложил конкретные меры борьбы с пьянством: «1) полное уничтожение выделки и продажи, а также ввоза заграничных спиртных напитков; 2) до полного уничтожения воспретить в тех уездах, где будет производиться продовольственная помощь, продажу всех спиртных напитков во все время оказания продовольственной помощи; 3) с начала 1909 г. систему взимания налогов с населения через спиртные напитки более не применять; 4) причислить алкоголь к ядам и продавать его только в аптеках по рецепту докторов; 5) предоставить всем крестьянским обществам право закрывать казенные кабаки; 6) в запретительных приговорах с правом голоса должны участвовать жены и матери домохозяев; 7) запретительный приговор должен обнимать собой и запрещение перевозки и хранения крепких напитков; 8) право запрещения продажи крепких напитков во всех местностях предоставляется учреждениям, от

[1] Челышев М.Д. Главная причина нашего несчастия. Самара: Земская тип., 1907. С. 10–21.

коих зависело разрешение открытия заведений; 9) усилить наказания: а) за беспатентную торговлю и за покупку крепких напитков у лиц, не имеющих права торговли ими, отдачей в арестантские роты от 1 года до 3 лет; б) за продажу крепких напитков лицам моложе 17 лет – от 1 до 3 месяцев тюремного заключения и в) за появление в пьяном виде на улицах, в общественных собраниях и присутственных местах – арест от 7 до 30 дней; 10) установить за обнаружение тайной продажи и покупки крепких напитков вознаграждение из имущества виновных от 25 до 300 руб. каждому открывателю»[1].

В последствии о своей речи в Государственной думе М.Д. Челышев вспоминал следующее: «С 16 ноября 1907 г., когда я впервые в Третьей Государственной думе в ответ на правительственную декларацию заявил о необходимости начать борьбу с пьянством законодательным путем, и до сего дня я получил и продолжаю получать со всех концов необъятной России, от столиц до самых глухих, казалось бы, уголков ее, бесконечные и беспрерывные письма. Сплошным потоком крови и ужасов, горя и страданий, жалоб и воплей о спасении плывет ко мне эта корреспонденция трудового люда, словно сговорившегося при помощи какой-то волшебной силы. Но на самом деле не волшебная сила заставляла и заставляет всех этих столетних стариков, горемычных матерей, вдов, сирот, жен, солдат, офицеров всех рангов, рабочих, православное и иноверческое духовенство, учителей, врачей и крестьян сливаться в одной мысли: "Спасите нас!", а то страшное иго кабака, которое давит народ "от стен недвижного Китая" до германской границы. Каждое заседание Государственной думы, посвященное алкогольному вопросу и отраженное газетами, бередит незаживающие раны народа и сопровождается усиленным приливом этой корреспонденции, словно народ, чтобы облегчить боль своих ноющих ран, хочет выплакаться. Члены Государственной думы и в данном случае члены Государственной думы, выступавшие по вопросу о пьянстве, знакомы, вероятно, с этими писанными заскорузлыми, мозолистыми и непривычными к перу письмами, в которых по своей неугасшей еще вере в Государственную думу сельский и трудовой народ обращается к своим представителям в ней за исцелением от кабака»[2].

[1] Цит по: Пашков Е.В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 80–93.

[2] Пощадите Россию! Правда о кабаке, высказанная самим народом по поводу закона о мерах борьбы с пьянством (Издание члена Государственной думы М.Д. Челышева). Самара: Типолитография З.Л. Гордон и Ко, 1911. С. 2–6.

11 декабря 1907 г. была избрана Комиссия о мерах борьбы с пьянством Государственной думы. В нее входило 22 человека, председателем был избран епископ Гомельский Митрофан (Краснопольский). Его заместителем стал М.Д. Челышев. 4 апреля 1908 г. внепартийная думская группа в составе 192 депутатов внесла в Думу законопроект о закрытии питейных заведений в сельской местности, так как пьянство «поражает главным образом сельское население». В эту комиссию было передано законодательное предположение 31 члена Государственной думы «Об изменении и дополнении некоторых статей относительно продажи спиртных напитков». Комиссия о мерах борьбы с пьянством, признав законодательное предположение 31 члена Государственной думы желательным. Тогда же представитель Министерства финансов заявил от имени ведомства о готовности правительства П.А. Столыпина также принять на себя составление соответствующего законопроекта. Думский законопроект 2 июля 1908 г. поступил к министру финансов В.Н. Коковцову. 11 октября 1908 г. в Государственную думу был внесен выработанный Министерством финансов законопроект, который постановлением Думы 20 октября 1908 г. был передан на рассмотрение Комиссии о мерах борьбы с пьянством. Ознакомившись с законопроектом с ним, Комиссия нашла меры правительства недостаточными и решила дополнить их некоторыми статьями из правительственного законопроекта. 29 ноября 1908 г. соответствующий доклад Комиссии о мерах борьбы с пьянством был передан на заключение Финансовой комиссии, а затем 18 марта 1909 г. – на заключение Судебной комиссии. Финансовая комиссия дала свое заключение лишь 17 декабря 1909 г., а судебная – 2 марта 1910 г. Комиссия о мерах борьбы с пьянством убедилась из переданных заключений, что большинство выработанных ей статей были или совершенно отклонены, или подверглись такому изменению, что ожидать достижения практических результатов в деле борьбы с пьянством при помощи предлагаемых этими Комиссиями мероприятий было едва ли возможно. Руководствуясь этим, Комиссия о мерах борьбы с пьянством признала выработанные ею первоначально статьи вполне целесообразными и внесла 14 июня 1910 г. в Государственную думу доклад, избрав докладчиками барона А.Ф. Мейендорфа и М.Д. Челышева. 21–22 января 1911 г. докладчики выступили. От Министерства финансов высказал его точку зрения товарищ министра В.И. Новицкий. В прения записалось 65 человек.

В своей речи М.Д. Челышев сказал: «Спиртные напитки, которые вызвали доклад Финансовой комиссии и вследствие которых внесен

закон Министерством финансов, есть не напитки, а раствор яда, яда, ужасного по своим последствиям. Он ужасен не только для тех, кто пьет его неумеренно, он ужасен и для тех, кто пьет понемногу, умеренно. Он ужасен и отравляет не только живущих, а он содействует вырождению… Правительство на это не обращает внимания, оно сознательно это делает, оно ни перед чем не останавливалось, чтобы развить как можно больше винокуренную промышленность и распространить эту отраву среди населения. Правительство преследовало две цели: во-первых, иметь еще способ, иметь средство, аппарат, посредством которого можно было бы брать налоги и в то же время служить хорошим посредником для винокуренных заводчиков сбывать ими свою водку… у нас страшно растет преступность; преступность настолько велика, что за последние пять лет тюрьмы наполнены чуть ли не в пять раз больше, чем были. Судьи завалены делами, и дела не могут поступать на очередь по несколько месяцев. Не хватает рук. Преступность исходит из кабака и приходит в кабак, другими словами, все преступления, и если не все, то 99 % совершаются через кабак. Спросите судей, адвокатов, присяжных заседателей, пред их глазами проходят сотни тысяч преступных людей; спросите их: какая причина, откуда пришел, куда пошел? Все это – кабак, и все для кабака… С этой высокой трибуны мы слышали недавно слова Председателя Совета министров; он говорил: я не могу забыть цифры 100 000 смертей от холеры. Господа, из этих 100 000–91 000 есть результат того, что народ был подготовлен к этой эпидемии, он был отравлен спиртными напитками. "Поэтому, – говорит Адамс, – на дверях всех кабаков во время эпидемий следует писать: здесь продается холера"... те, которые наблюдали за пьянством, … испугались и ввели монополию для того будто бы, чтобы пьянство сократить. Но результат получился совершенно другой: от монополии пьянство не уменьшилось, а увеличилось… Мы даем право на местах; пускай само население на местах обсудит; если этот закон нужен, пусть население пользуется им, а если не нужен, то пускай не пользуется; но дадим ему волю над кабаками; волю эту народу надо дать»[1].

В.Н. Коковцов написал свое заключение на данный законопроект, в котором не согласился как с основным посылом, так и с предлагаемой мерой. По мнению министра финансов, «наблюдение над сельской и городской жизнью, казалось бы, вовсе не может привести к убежде-

[1] Речи М.Д. Челышева, произнесенные в Третьей Государственной думе о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам. СПб., 1912. С. 380–432.

нию, что в селах пьянство развито больше, чем в городах..., городской рабочий элемент, по большей части живущий на месячном жалованьи, не задумывается над интересами хозяев и, запьянствовав в праздник, продолжает пить и в следующий, а то и в два следующие за праздником дня... С этой точки зрения более последовательным представляется даже утопический проект полного запрета выделки, продажи и ввоза крепких напитков вообще в пределах всего государства»[1].

В.Н. Коковцов стал министром финансов в феврале 1904 г. благодаря поддержке со стороны председателя Государственного совета графа Д.М. Сольского и министра внутренних дел В.К. Плеве. И хотя из-за сложных отношений с графом С.Ю. Витте он вынужден был в октябре 1905 г. покинуть правительство, уже в апреле 1906 г. император вернул ему министерский портфель. При И.Л. Горемыкине и П.А. Столыпине положение В.Н. Коковцова только усиливалось, и в сентябре 1911 г. именно он был назначен Председателем Совета министров, оставшись при этом во главе финансового ведомства. Однако к середине 1913 г. позиции премьера серьезно пошатнулись. К этому времени его покровители были уже мертвы, а искать опору в новых кружках и партиях В.Н. Коковцов не желал. Между тем с 1912 г. заметно усилилось влияние князя В.П. Мещерского, и притчей во языцех являлся Г.Е. Распутин. Главным врагом В.Н. Коковцова был князь В.П. Мещерский, издававший журнал «Гражданин», который читал император. Первое заочное столкновение между ними произошло в 1909 г., когда В.П. Мещерский собирался отметить 50-летие своей публицистической деятельности и обратился к П.А. Столыпину с просьбой выдать ему на празднование юбилея 200 тыс. руб. П.А. Столыпин готов был оказать князю такую услугу, однако В.Н. Коковцов отговорил его, и князь получил лишь негласную пенсию в размере 6 тыс. руб. в год. Тем не менее до весны 1913 г. на страницах «Гражданина» в адрес В.Н. Коковцова часто звучали хвалебные эпитеты, отмечались его «ум и большой служебный опыт», а также блестящее красноречие, позволявшие влиять на Государственную думу. Более того, когда на главу правительства обрушилась критика националистов, В.П. Мещерский занял сторону В.Н. Коковцова.

Однако князь поддерживал только тех, кто был ему полезен и до тех пор, пока считал это выгодным. В правительстве наиболее «полезен» ему был его протеже, министр внутренних дел Н.А. Маклаков. Узнав о намерении Николая II заменить Н.А. Маклаковым уволенного

[1] РГИА. Ф. 575. Оп. 2. Д. 2271. Л. 2, 4, 8.

А.А. Макарова, рекомендованного в 1911 г. самим В.Н. Коковцовым, премьер попытался отговорить императора. Когда же он понял, что вопрос о назначении Н.А. Маклакова предрешен, то не придумал ничего лучше, как вызвать будущего министра к себе на дачу и откровенно выразить свое недовольство его близостью к кружку князю Н.А. Мещерского. Со своей стороны, Н.А. Мещерский воспользовался произошедшим в Думе столкновением между премьером и Н.Е. Марковым (одним из лидеров русских националистов). В.Н. Коковцов обвинялся князем и «в потворстве евреям в ущерб государству», в частности в финансовой поддержке оказавшегося на грани банкротства Л.С. Полякова (еврейского банкира). Оставляли желать лучшего и отношения главы Совета министров с Г.Е. Распутиным. В феврале 1912 г., когда в прессе и в Думе разгорался скандал относительно близости этой фигуры к царской семье, В.Н. Коковцов вызвал его к себе и предложил покинуть Санкт-Петербург. Вскоре во время аудиенции император неожиданно спросил у министра финансов о том, какое мнение сложилось у него о Г.Е. Распутине. В.Н. Коковцов признался, что тот оставил «самое неприятное впечатление» и охарактеризовал его как «типичного представителя сибирского бродяжничества», встречающегося «в пересыльных тюрьмах, на этапах и среди так называемых не помнящих родства». Николай II никак не отреагировал на эту характеристику, однако с тех пор Александра Федоровна при встречах демонстративно перестала замечать главу правительства[1].

Помимо Н.А. Маклакова оппонентами В.Н. Коковцова являлись министр земледелия и землеустройства А.В. Кривошеин, министр юстиции И.Г. Щегловитов, военный министр В.А. Сухомлинов. В Думе против В.Н. Коковцова выступали не только либеральная оппозиция, но и представители правых партий, недовольные тем, что новый премьер-министр, в отличие от П.А. Столыпина, считал их финансовую поддержку со стороны казны «нецелесообразной». В результате, противникам В.Н. Коковцова не хватало лишь удобного повода, чтобы ускорить его отставку. И этот повод представился. В конце 1913 г. в Думе был разработан очередной проект борьбы с пьянством, предусматривавший расширение полномочий земств и городских дум относительно открытия трактирных заведений. «В 1913 г. князь В.П. Мещерский, издатель влиятельного "Гражданина", на его страницах обвинял государствен-

[1] Аксенов В.Б. «Сухой закон» 1914 г.: от придворной интриги до революции // Российская история. 2011. № 4. С. 126–139.

ную монополию на водку в том, что она порождает в России "больше ужасов и опасностей", чем "любая война". Мещерский хотел свалить Коковцова, в котором видел узурпатора законных прав царя, а монополия на водку была "ахиллесовой пятой" позиции Коковцова». В статье «Питейные успехи» газеты «Биржевые ведомости» за август 1913 г. сообщалось об огромных финансовых достижениях винной монополии: «На затраченный капитал казна получает более 50 % прибыли... В Государственную думу внесена смета на 1914 г. В этой же смете доходы питейного дела исчислены в 1 300 млн руб. при расходах в 260 млн. Не только миллиард, но и миллиард с лишним имеет быть пропит страной по предвидениям ведомства, поставляющего материал для нашего бюджетного благополучия», после этого автор статьи сделал очень важное замечание: «Но не захватывает ли алкогольное отравление той части населения, в которой дисциплина поведения является важнейшим моментом ее нормальной жизни. Мы имеем в виду армию». Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей направило в редакцию газеты опровержение цифровых данных, приводимых в статье, так как журналист принял общую сумму доходов указанного ведомства за доход от казенной продажи питей. Схожее опровержение было написано на статью столичной газеты «Свет» от июля 1913 г. Однако гораздо интереснее следующие слова данной статьи: «Мы только что слышали из уст одного из министров о необходимости взаимного доверия между обществом и властью. Пусть же это доверие скажется в привлечении земств, городов и общественных организаций к борьбе за народную трезвость. Пусть наш бюджет получит не "пьяную", а другую здоровую основу, зиждущуюся на производительном народном труде, на народном просвещении, благосостоянии и здоровье»[1].

В.Н. Коковцов написал в своих мемуарах, что его отставка началась с интриги С.Ю. Витте: «Еще перед роспуском Думы на рождественский вакант (свободное время – *прим. автора*) в Государственный совет поступил разработанный по инициативе Думы, но сильно исправленный Министерством финансов законопроект о мерах борьбы с пьянством. Довольно невинный сам по себе, не вызвавший с моей стороны особых возражений, этот проект таил в себе пререкания с правительством лишь в одной области, а именно в предположении значительно расширить полномочия земств и городов в разрешении открытия заве-

[1] Цит по: Пашков Е.В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны… С. 80–93.

дений (трактиров) с продажею крепких напитков. Значительная часть Думы и сама сознавала, что такое расширение не целесообразно, так как оно могло давать место для больших злоупотреблений в смысле влияния частных интересов на разрешение открытия трактиров и развитие тайной торговли там, где усердие трезвенников не дало бы достаточного удовлетворения потребностям населения, но, по соображениям так называемой парламентской тактики, эта часть Думы не хотела проявлять как бы недоверия благоразумию местных органов самоуправления и предпочитала достигнуть примирения с правительством путем соглашения с Государственным советом, после рассмотрения им законопроекта. Не придавал, особого значения этим спорным пунктам и я. Незадолго до роспуска Думы ко мне заезжали и Родзянко и Алексеенко, и оба, точно сговорившись между собою, старались разъяснить, что на этом вопросе Дума должна уступить правительству, так как иначе, – говорили они, – все взятничество при разрешении трактиров падет на голову Думы, и правительство будет только справедливо торжествовать свою правоту. Нападение появилось оттуда, откуда я всего менее его ожидал. Как-то еще весною этого (1913) года ко мне позвонил граф Витте и спросил застанет ли он меня дома, так как ему хочется повидать меня "по одному небольшому вопросу", я предложил ему заехать к нему по дороге из министерства на острова. Я застал его за чтением думского проекта о мерах против пьянства, и он начал объяснять в очень туманной форме, что предполагает посвятить свой летний отдых на разработку своего проекта по тому же вопросу, так как считает думский проект "совершенно бесцельным" или, как он выразился, "ублюдочным". На вопрос мой, в чем заключаются его мысли по этому поводу, я не получил от графа Витте никакого определенного ответа. Он ограничился тем, что сказал, что рассчитывает на то, что мы сойдемся в его основных положениях, но прибавил, что советует мне дружески быть очень "широким в деле борьбы с пьянством и что такая широта взглядов нужна столько же для пользы народной, ибо народ гибнет от алкоголизма, сколько для моего личного положения, которое может сильно пострадать, если я буду отстаивать нынешний порядок вещей". Меня такое обращение очень удивило, и я просил графа Витте сказать мне, в чем же дело, так как я повинен разве только в том, что соблюдал в точности законы, проведенные по его же инициативе, и не только не мешал действительным мерам борьбы против пьянства, если они применялись где-либо, но поощрял их всеми доступными мне

средствами. На это я опять же не получил никакого ответа, и только Витте показал мне думскую справку о росте потребления вина, на что я ему заметил, что в самой Думе эта справка вызвала критику, так как она содержит в себе, одни абсолютные цифры и не считается с ростом населения, а если внести эту поправку, то окажется, что душевое потребление не растет, а падает, и что Россия занимает чуть ли не последнее место среди всех государств по потреблению алкоголя всех видов. Мое объяснение не встретило никаких возражений, граф Витте сказал мне только на прощанье, что по возвращении из-за границы он познакомит меня с его проектом и заранее обещает, что не предпримет ничего, не войдя со мною в соглашение обо всем. "Вы знаете, как люблю и уважаю я вас, и не от меня же встретите вы какие–либо затруднения в несении вашего тяжелого креста. Подумайте только, что могло бы быть у нас, если бы на вашем месте не сидел такой благоразумный человек как вы. Я всегда и всем твержу эту истину, в особенности, когда слышу, что вас, критикуют за то, что вы скупы и слишком бережете казенные деньги". На этом мы расстались и больше не возвращались к этому вопросу до самого начала прений в Государственном совете»[1].

Но на заседании Государственного совета произошел форменный скандал и устроил его С.Ю. Витте: «По возвращении моем и графа Витте в Петербург мы не виделись с ним ни разу до дня заседания. Я дважды звонил по телефону, спрашивая его, когда он ознакомит меня, как он обещал, с своим проектом, но получил в ответ только, что он отказался от составления своего контрпроекта и предпочитает просто критиковать "думскую белиберду", так как этим путем легче достигнуть чего-либо положительного. В самом конце ноября или в начале декабря начались прения в Государственном совете по думскому проекту. В первом же заседании Витте произнес чисто истерическую речь. Он вовсе не критиковал проекта Думы и даже не коснулся ни одного из его положений. Он начал с прямого и неприкрашенного обвинения министерства финансов "в коренном извращении благодетельной реформы императора Александра III, который лично", сказал он, "начертал все основные положения винной монополии и был единственным автором этого величайшего законодательного акта его славного царствования". Он, Витте, был только простым исполнителем его воли и "вложил в осуществление этого предначертания всю силу своего разумения и всю горячую любовь

[1] Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. М.: Современник, 1991. С. 260–261.

к народу, который должен был быть спасен от кабака". "За время моего управления, – говорил Витте, – в деле осуществления винной монополии не было иной мысли, кроме спасения народа от пьянства, и не было иной заботы, кроме стремления ограничить потребление водки всеми человечески доступными способами, не гоняясь ни за выгодою для казны, ни за тем, чтобы казна пухла, а народ нищал и развращался". "После меня», – продолжал оратор, – все пошло прахом. Забыты заветы основателя реформы, широко раскрылись двери нового кабака, какими стали покровительствуемые министерством трактиры, акцизный надзор стал получать невероятные наставления, направленные к одному – во что бы то ни стало увеличивать доходы казны, расширять потребление, стали поощрять тех управляющих акцизными сборами, у которых головокружительно растет продажа этого яда, и те самые чиновники, которые при мне слышали только указание бороться с пьянством во что бы то ни стало, стали отличаться тем, что у них растет потребление, а отчеты, самого министерства гордятся тем, как увеличивается потребление и как растут эти позорные доходы. Никому не приходит в голову даже на минуту остановиться на том, что водка дает у нас миллиард валового дохода или целую, треть всего русского бюджета. Я говорю, я кричу об этом направо и налево, но все глухи кругом, и мне остается теперь только закричать на, всю Россию и на весь мир: "Караул..."". Это слово "Караул" было произнесено таким неистовым, визгливым голосом, что весь Государственный совет буквально пришел в нескрываемое недоумение не от произведенного впечатления, а от неожиданности выходки, от беззастенчивости всей произнесенной речи, от ее несправедливых, искусственных сопоставлений и от ясной для всей залы цели – сводить какие-то счеты со мною и притом в форме, возмутившей всех до последней степени. Председатель объявил перерыв, ко мне стали подходить члены Совета самых разнообразных партий и группировок, и не было буквально никою, не исключая и явного противника винной монополии А.Ф. Кони, – кто бы не сказал мне сочувственного слова и не осудил наперерыв возмутительной митинговой речи. Я выступил тотчас после перерыва и внес в мои возражения всю доступную мне сдержанность. Она стоила мне величайших усилий и напряжения нервов… по совести… общее сочувствие было на моей стороне, Витте не отвечал мне и ушел из заседания, не обменявшись ни с кем ни одним словом, а проходя мимо меня демонстративно отвернулся. После этого, в декабре, до рождественского перерыва было еще всего одно или два заседания.

Государственный совет перешел к постатейному рассмотрению, а после нового года, по частным возражениям того же графа Витте дважды останавливал рассмотрение, передавая спорные вопросы на новое обсуждение двух своих комиссий – финансовой и законодательных предположений. В этих заседаниях опять были невероятные по резкости тона выступления Витте, и в двух наиболее существенных спорных вопросах он снова остался в ничтожном меньшинстве, – настолько искусственность и предвзятость его мнений была очевидна для всех. Он буквально выходил из себя, говорил дерзости направо и налево, и члены комиссии кончили тем, что перестали ему отвечать и требовали простого голосования, так беззастенчивы и даже возмутительны были его реплики. Голосование было решительно против него, и дело возвращалось в Общее Собрание в том виде, в каком оно вышло из него, по его же требованию»[1].

Далее на политическую сцену вышел сам Николай II: «Государь вернулся из Ливадии около 16-го декабря. На первом же моем докладе, протекавшем в обычной приветливой форме, он просил меня рассказать ему, что происходило в Государственном совете, и когда я точно, с дословными подробностями передал всю возмутительную сцену первого заседания, он обратился ко мне с обычной ласковой улыбкой и сказал: "Я надеюсь, что такая выходка не слишком волнует вас. Я и сам был бы рад, если бы оказалось возможным сократить пьянство, но разве кто-либо имеет меньше права, чем Витте, говорить то, что он, сказал. Разве не он 10 лет применял винную монополию, и почему же ни разу после своего ухода из министров он не сказал ни одного слова против того, что говорит теперь, а напротив того, каждый раз защищает вас от тех нападок, которые появляются против вас в Думе. Я не понимаю, что же теперь случилось нового?". На этот вопрос я ответил в шутливой форме, что изменилось то, что министр финансов слишком засиделся, и что тетерь стало модным спортом охотиться на него. "Пожалуй, что вы и правы", – сказал государь… С окончанием короткого рождественского ваканта заседания Государственного совета возобновились в той же разгоряченной атмосфере, которую создало выступление Витте, нашедшего себе ревностного пособника в лице только А.Ф. Кони и В.И. Гурко. В половине января ко мне заехал Председатель Совета Акимов посоветоваться, что делать с создавшимся невыносимым положением, которое поддерживается распускаемыми слухами о том, что государь поддержи-

[1] Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг… С. 261–262.

вает взгляды Витте, что это известно последнему, и он строит на этом такие несбыточные планы, как тот, что, сваливши меня, ему удастся снова занять пост министра финансов, – на этот раз в роли поборника народной трезвости. Акимов прибавил, что на этой почве нет ничего удивительного, что в Общем собрании получится неожиданное голосование или, во всяком случае, разыграется какой–либо неожиданный скандал. Мы условились, что я напишу государю письмо от имени нас обоих и буду просить, чтобы он принял нас вместе и дал нам возможность доложить о тех демагогических приемах, к которым прибегают поборники трезвости, целясь на самом деле не в достижение трезвости, а, в разрушение финансового положения России, которое положительно не дает покоя Витте... Доклад мой и Председателя Государственного совета состоялся 21-го января, в 4 часа дня... Мне пришлось говорить недолго. Зная, что государь не раз высказывал уже мысль о том, что наши меры борьбы против развития пьянства очень слабы и мало действительны, я старался устранить аргументацию Витте, что я не только не помогаю той борьбе, но напротив того торможу всякие почины в этом отношении и делаю это исключительно из боязни ослабления средств казны... Вы знаете, что я не граф Витте, я не могу заставить государя следовать моей воле, а могу только разъяснить откровенно перед ним тот вред, который испытывает государство от нашей административной неурядицы. ... Государь отпустил нас, сказавши, что он благодарен за все разъяснения, что настроение Витте ему давно известно и что он просит меня не обращать на его дерзости никакого внимания, так как все оценят его неожиданную склонность к народному отрезвлению после того, что он сам 10 лет только и делал, что поощрял увеличение потребления водки. На этом мы расстались, и, возвращаясь вместе с Акимовым в вагоне, я впервые услышал от него крайне поразившее меня замечание: "А вы не слышали, что будто бы вся эта, кампания трезвости ведется Мещерским, главным образом, потому, что ему известно, что на эту тему постоянно твердит в Царском Селе Распутин и на этом строит свои расчеты и Витте, у которого имеются свои отношения к этому человеку"... Государь верно предполагал лично говорить со мною о моем увольнении и колебался сделать это, переживая, вероятно, не легкое раздумье. Что решение его расстаться со мною уже в это время созрело... Утро, 29-го января, после бессонной и тягостной от неотвязчивого раздумья ночи началось в обычной обстановке. Жена пошла на свою обычную прогулку, а я засел в моем кабинете за работу. Ровно в 11 часов

курьер подал мне небольшого формата, письмо от государя в конверте "Председателю Совета министров"... Не распечатывая его, я знал, что оно несет мне мое увольнение. Вот что в нем было изложено: "Владимир Николаевич! Не чувство неприязни, а давно и глубоко сознанная мною государственная необходимость заставляет меня высказать вам, что мне нужно с вами расстаться. Делаю это в письменной форме потому, что, не волнуясь, как при разговоре, легче подыскать правильные выражения"»[1].

Принц С.С. Ольденбург выдвинул примерно такую же версию отставки В.Н. Коковцова: «Быстрый экономический рост России, столь явный, что его не мог никто отрицать, привлекал внимание критики к отдельным отрицательным сторонам хозяйственного быта. Налоги давали с каждым годом все больше – без повышения ставок. Несмотря на растущие военные расходы и ежегодное повышение кредитов на нужды образования, дефицитов по бюджету не бывало. Но огромная часть государственного дохода поступала от винной монополии (по смете на 1914 г. – почти миллиард на общую сумму в три с половиной миллиарда). Появление в деревне свободных средств вызывало увеличение пьянства; потребление водки с 1911 г. по 1913 г. увеличилось на 16 млн ведер (на 17 % за два года). Газеты были полны обличениями "хулиганства" в деревнях и городах. В народе появились, в виде отпора, трезвеннические секты, получившие широкое распространение. Источником зла объявили казенную винную лавку. Хотя частные кабаки ничуть не меньше, а скорее больше способствовали распространению пьянства, хотя во всех странах существовали с незапамятных времен налоги на напитки – в широкой народной и обывательской среде большое впечатление производили речи о "пьяном бюджете", о том, что "казна спаивает народ". Государь болезненно воспринимал этот народный укор государству, выразившийся в трезвенническом движении. Он ощущал известную моральную обоснованность этого укора. На трезвенников обратили внимание и политические партии. Союз 17 октября устроил несколько больших собраний, посвященных этому движению. На одном из них (14 мая 1913 г.) профессор И.М. Громогласов и известный член Третьей Думы П.В. Каменский выражали сожаление о том, что сейчас у власти не Столыпин, "чуткий ко всяким подобным народным движениям". Насколько известно, и Распутин, на личном опыте хорошо знакомый с "соблазнами вина", не раз говорил, что "нехорошо спаивать

[1] Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг... С. 263–269.

народ". Еще Третья Дума, по инициативе фанатика-трезвенника, самарского миллионера "из народа" Челышева, приняла проект усиления мер борьбы с народным пьянством. Основной чертой этого проекта было предоставление городским думам и земским собраниям права запрещать открытие и требовать закрытия винных лавок в определенных местах. Этот проект дошел до Государственного совета только зимой 1913–1914 гг. и вызвал бурные прения. В.Н. Коковцов мало верил в действенность запретительных мер против пьянства и заботился о том, чтобы эти меры не нанесли ущерба государственным финансам. На этой почве пришлось столкнуться в Государственном совете с коалицией самых разнообразных элементов. Государь все более проникался убеждением в том, что пьянство – порок, разъедающий русское крестьянство и что долг царской власти – вступить в борьбу с этим пороком. Он в то же время видел, что В.Н. Коковцов не верит в возможность такой борьбы. Слухи о взглядах государя проникли в "сферы", и граф Витте начал выступать в Государственном совете с яростными обличениями политики министерства финансов, которое якобы совершенно "извратило" винную монополию и довело народ до такого состояния, что приходится кричать "караул". Витте выступал чуть ли не в каждом заседании Государственного совета, настаивая на "фиксации" дохода от продажи питей: казна должна была брать себе только определенную сумму (например, 600 млн), а остальное должно было идти на "меры борьбы с пьянством" – пропаганду, устройство народных развлечений, изготовление всяческих фруктовых вод и т. д. Предложение это было в достаточной мере нелепым, так как оно сокращало доход казны, ничуть не уменьшая пьянства. Государь некоторое время, видимо, колебался – ему не хотелось расставаться с В.Н. Коковцовым; он высоко ставил его деятельность, глубоко уважал его спокойную твердость, вполне разделял его точку зрения о повелительной необходимости сохранить мир. Против В.Н. Коковцова велась кампания с разных сторон: на него нападал в "Гражданине" князь В.П. Мещерский, с ним часто расходились его коллеги по кабинету – Сухомлинов, Маклаков, Кривошеин. Против него направлялись, по должности премьера, нападки А.И. Гучкова на "преемников Столыпина". Но государь не раз в свое царствование показал, что умеет поддерживать своих министров в самых неблагоприятных условиях – пока он сам с ними согласен. Есть поэтому все основания считать, что отставку В.Н. Коковцова вызвало в конечном счете убеждение государя в невозможности приступить при нем к коренным преоб-

разованиям в деле борьбы с народным пьянством. Слухи о предстоящей отставке Коковцова распространились в середине января 1914 г.; но еще 28 января государь принимал доклад председателя Совета министров, долго говорил с ним о текущей работе, в частности о пересмотре торгового договора с Германией. На следующее утро В.Н. Коковцов получил с курьером собственноручное письмо от государя… Особым рескриптом, опубликованном в "Правительственном Вестнике", В.Н. Коковцову была выражена благодарность за понесенные труды (причем его отставка объяснялась "расстроенным здоровьем"), и он был возведен в графское достоинство. Принимая бывшего министра, государь не мог сдержать слез: ему было до боли жаль, что заслуженный сановник и уважаемый им человек испытывает чувство горечи и обиды. Он согласился по его просьбе назначить в Государственный совет всех трех товарищей министра финансов, подавших в отставку вследствие увольнения В.Н. Коковцова, хотя ему и не нравился такой демонстративный жест. Он предложил бывшему премьеру единовременную выдачу в 300 тыс. руб. на устройство личных дел, но В.Н. Коковцов, со свойственной ему щепетильностью, просил государя этого не делать. В этом отношении он сильно отличался от графа Витте, который в то самое время, как писал свои мемуары, полные выпадов против государя и. В.Н. Коковцова, обратился через того же В.Н. Коковцова к государю с просьбой о пособии в 200 000 руб., которое и получил в память прошлых заслуг (в июле 1912 г.). Преемником В.Н. Коковцова был назначен И.Л. Горемыкин»[1].

30 января 1914 г. на место управляющего Министерства финансов был назначен Петр Львович (Петер Людвиг) Барк, а три месяца спустя, 6 мая, он одновременно занял пост министра финансов. П.Л. Барк родился 6 апреля 1869 г. в Екатеринославе. В 1887 г. он окончил гимназический курс в училище при лютеранской церкви святой Анны в Санкт-Петербурге и поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Окончив курс в 1892 г., он начал службу помощником столоначальника в Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов. П.Л. Барк неоднократно стажировался в Германии, Франции, Голландии и Англии, в том числе в известном берлинском Банкирском доме Мендельсонов, который имел давние деловые связи с Министерством финансов Российской империи. П.Л. Барк

[1] Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Мюнхен: Издания общества распространения русской национальной и патриотической литературы, 1949. Т. 2. С. 105–106.

быстро продвигался по службе: в 1894 г. он был назначен чиновником особых поручений Государственного банка Российской империи, в следующем году – секретарем при управляющем Государственным банком, а спустя еще два года – директором Санкт-Петербургской конторы Государственного банка по отделу заграничных операций. Для молодого человека 28-ти лет занятие столь высокой должности считалось необычайным. Как представитель Государственного банка П.Л. Барк по долгу службы часто был в Париже, Берлине, Тегеране, принимал участие в обсуждении вопросов развития экономических и торговых отношений – все это обеспечило чиновнику весомое положение в петербургских деловых кругах. В 1898–1899 гг. он вошел в руководство двух негласных филиалов Государственного банка, став председателем правления Учетно-ссудного банка Персии и членом Правления Русско-Китайского банка. Особенно активной и разнообразной его деятельность явилась в Учетно-ссудном банке Персии в период, когда министр финансов Российской империи С.Ю. Витте начинал осуществлять свои планы экономической экспансии на Среднем и Дальнем Востоке. П.Л. Барк не только руководил петербургским правлением банка, но к тому же исполнял разнообразные миссии, связанные с деятельностью в самой Персии: кредитные операции по финансированию дорожного строительства, а также операции, проводимые в Персии русским страховым обществом. В 1901 г. он был избран товарищем председателя новообразованного совета фондового отдела Санкт-Петербургской биржи, в подготовке Положения которого он принимал деятельное участие. В феврале 1905 г. чиновник возглавил Санкт-Петербургскую контору Государственного банка, а два года спустя стал директором-распорядителем и членом правления Волжско-Камского коммерческого банка; он также входил в правления ряда транспортных и промышленных компаний. В августе 1911 г. по инициативе председателя Совета министров А.А. Столыпина П.Л. Барк был возведен в чин действительного статского советника и назначен товарищем министра торговли и промышленности С. И. Тимашева. Он принимал активное участие в работе Комиссии по пересмотру торговых договоров и Комиссии по пересмотру таможенных тарифов, а также участвовал в разработке законодательных актов по промышленности[1].

[1] Шилов Д.Н. Барк Петр Львович // Государственные деятели Российской империи: Главы высших и центральных учреждений, 1802–1917 гг.: Биобиблиографический справочник. СПб, 2001. С. 60–62.

Октябрист Н.В. Савич впоследствии вспоминал: «Поползли странные слухи. Говорили, что окружение государя всецело разделяет идеи Челышева о необходимости раз и навсегда запретить продажу спиртных напитков, что временная мера должна превратиться в постоянное мероприятие, установленное в законодательном порядке. В связь с этими растущими при дворе настроениями ставили происшедшее несколько месяцев до начала войны увольнение в отставку В.Н. Коковцова. Против последнего уже давно шла глухая борьба, вели подкоп приближенные императрицы. Но убедить государя расстаться с этим верным слугой трона, опытным министром финансов и Председателем Совета министров, было трудно. Чтобы сломить это сопротивление, воспользовались "пьяным вопросом". Прежде всего подготовили государя к мысли, что запрещение продажи вина есть священная задача его царствования, завещанная ему от господа. Его убедили, что он спасет свой народ от величайшего несчастия – пьянства, – сделает его богатым и счастливым, если раз навсегда запретит продажу вина на Руси. В то время государь уже начал впадать в некоторый мистицизм, эта идея ему понравилась. Было ясно, что Коковцов никогда не согласится на упразднение винной монополии. Поэтому первым подготовительным шагом к осуществлению этой идеи должно было быть увольнение этого министра. Это и было осуществлено»[1].

В принципе мнение Н.В. Савича было недалеко от истины, по свидетельству министра финансов П.Л. Барка, Николай II встречался с М.Д. Челышевым и действительно разделял его взгляды: «Это был тип настоящего русского самородка: косая сажень в плечах, густая шевелюра, открытый взгляд; ходил он всегда в поддевке и высоких сапогах. Он был избран в Государственную думу от города Самары и с самого начала сессии занялся энергичной пропагандой решительных мер, направленных на борьбу с пьянством. Он выступал не только с кафедры Государственной думы в общих собраниях, но работал много в думских комиссиях по этому вопросу и прилагал все усилия к распространению своих идей в обществе и печати. Челышев заинтересовал государя своей пламенной проповедью трезвости, удостоился высочайшей аудиенции в Ливадийском дворце в Крыму и произвел очень благоприятное впечатление своей убежденностью и искренностью. Государь подробно мне рассказывал о приеме им Челышева и с улыбкой говорил, что ничего не нашел в нем ненормального. На мой вопрос, почему в Челышеве можно было ожидать ненормального мышления, государь мне ответил, что мой

[1] Савич Н.В. Воспоминания… С. 136–138.

предшественник, граф В.Н. Коковцов неоднократно отзывался о нем, как о полупомешанном человеке, преследуемом навязчивыми идеями»[1].

30 января 1914 г., на следующий день после отставки противника радикальных мер по борьбе с пьянством, Председателя Совета министров и министра финансов В.Н. Коковцова Николай II издал рескрипт на имя нового министра финансов П.Л. Барка, где поручал ему улучшить экономическое положение народа, при этом, не боясь финансовых потерь, так как доход в казну должен поступать из «неисчерпаемых источников державного благосостояния и производительного труда народа», а не из продажи зелья, разрушающего «духовные и экономические силы» большинства верноподданных. П.Л. Барк считал ситуацию с пьянством в России довольно мрачной: «Рескрипт государя при назначении меня управляющим министерством финансов вызвал большой интерес по всей России. Он показывал намерение государя провести новую финансовую систему, уже не основанную на громадном доходе от продажи алкоголя. Императорская декларация открывала новую эру и заключала в себе надежду на национальное возрождение. Некоторые наблюдатели наивно думали, что чудодейственное средство оздоровить Россию найдено и что финансовая система может быть изменена в один день. Даже Председатель Совета министров спросил меня, готов ли уже новый закон и могу ли я выступить по этому поводу в Государственной думе и Государственном совете. Я ответил, что только что вступил в исполнение моих обязанностей, что в своем рескрипте его величество указал только направление реформы и сказал, что детальные инструкции, которые помогли бы мне осуществить его пожелания, мне будут даны позже. Скептики с улыбкой высказывали свое недоверие. Они были убеждены, что пристрастие к алкоголю так вкоренилось в народе, что никакие меры, даже самые суровые, не удержат его от пьянства и всякие попытки регулировать продажу водки будут напрасны. Потребление алкоголя было всегда проблемой в России. С самых первых времен нашей национальной истории русский народ имел привычку пить. У нас было много пословиц, которые выражали общее мнение, что вино и алкоголь необходимы для счастья народа. Даже наши законы отражали эту психологию, и суд рассматривал нетрезвое состояние как смягчающее вину обстоятельство для совершившего преступление. Государство было заинтересовано в продаже напитков с тех пор, как вина и спиртные напитки были обложены налогом. И когда казна желала увеличить свои доходы, она обращалась к наиболее

[1] Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение (Париж). 1965. № 158. С. 76–77.

доходным источникам. С другой стороны, правительство беспокоилось, когда видело слишком большое потребление алкоголя в народе. Разные методы обложения были испробованы. В течение долгого периода откупщики были собирателями дохода с алкоголя, но этот метод доказал на практике свою полную несостоятельность – были большие злоупотребления. Витте, будучи министром финансов, еще в царствование императора Александра III, решил ввести государственную "питейную монополию". Он обладал крупным талантом организатора для проведения в жизнь значительных реформ… желая увеличить доход, естественно имел тенденцию умножать число казенных винных лавок, которые были под его контролем, и был глух к поступающим протестам со стороны губернаторов, а также представителей земств и городов, видевших воочию вред, приносимый на местах пьянством и знавших, что увеличение числа преступлений, разрушение семейных очагов среди крестьянства и бедность рабочего класса были последствием сильного потребления водки… Противники этой системы вели пропаганду в прессе и разными другими способами. Создавались общества трезвости – они хлопотали о денежной поддержке для постройки театров, открытия спортивных площадок, публичных библиотек и читален»[1].

Чтобы исправить положение П.Л. Барк выдвинул свою программу: «Когда я представлял составленный мною бюджет Государственной думе в апреле 1914 г., я сказал, что две категории мероприятий необходимы для борьбы со злом пьянства. Первая должна быть направлена к уменьшению пунктов торгующих спиртными напитками, а вторая должна преследовать цель – поднять моральный и интеллектуальный уровень народа. Но я добавил, что это очень трудная задача и потребуется много лет, чтобы ее осуществить. В нашей стране к пьяному человеку относятся снисходительно, и он даже пользуется некоторой безответственностью перед законом, так как считают, что он уже не может отвечать за свои действия, – необходимо коренным образом изменить наш национальный взгляд по этому вопросу. Необходимы суровые меры и новые законы, но надо помнить, что потребуются многие годы для достижения удовлетворительных результатов. Поэтому я опасаюсь, что, несмотря на энергичные меры со стороны министерства финансов, доход, поступающий с продажей спиртных напитков, не будет значительно уменьшаться в ближайшем будущем, но останется неизменным. Если же это опасение окажется неверным, то я нисколько не буду смущен

[1] Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение (Париж). 1965. № 158. С. 76–77.

тем, что бюджет не будет сбалансирован. Если будет уменьшение в потреблении народом алкоголя, то благосостояние населения, на котором зиждется все обложение, несомненно, возрастет. Тогда нетрудно будет выработать и взимать новые налоги. Я убежден, что подоходный налог станет постепенно основной базой нашей финансовой системы. Уже несколько лет тому назад закон о подоходном налоге был представлен на рассмотрение Думы, но ему не дали хода. Он может быть снова обсужден и пересмотрен и в подходящий момент поставлен на голосование. Другие предполагаемые налоги, с некоторыми из которых Дума уже была ознакомлена, могут быть снова обсуждены, новые уже подготовляются в министерстве финансов. Я закончил мои объяснения, сказав, что министерство финансов имеет под своим контролем 8 500 сберегательных касс и 25 000 винных лавок для продажи спиртных напитков, – по подсчету к 1 января 1914 г. министерство будет стараться закрывать питейные учреждения и открывать вместо них сберегательные кассы. Когда эти цифры будут перевернуты и Россия будет иметь 8500 винных лавок – и 25 000 сберегательных касс, которые показывали бы такой же оживленный оборот, какой имелся в казенных заведениях продажи питей, тогда наша цель будет достигнута»[1].

24 февраля 1914 г. Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей направило управляющим акцизными сборами предписание с просьбой донести, сколько за 1912–1913 гг. сельскими обществами было составлено приговоров о закрытии мест продажи крепких напитков и сколько из них удовлетворено. За эти два года в Тверской губернии был составлен 51 приговор, из них было удовлетворено 40; в Минской в 1912 г. – соответственно 4 и 3 и в 1913 г. – 5 и 3; Орловской – 3 и 3, из них 1 удовлетворен в 1913 г. и 2 в начале 1914 г.; Калужской в 1912 г. – 8 и 1, в 1913 г. – 8 и 4; Виленской в 1912 г. – 7 и 2, в 1913 г. – 6 и 3; Курской в 1912 г. – 3 и 2, в 1913 г. – 2 и 2; Санкт-Петербургской в 1912 и 1913 гг. – 39 и 24; Архангельской в 1912 г. – 7 и 6, в 1913 г. – 3 и 3; Полтавской в 1912 г. – 18 и 15, в 1913 г. – 35 и 27. «В разъяснение вопросов, возникших в некоторых акцизных управлениях при исполнении циркулярного предложения» министра финансов от 11 марта 1914 г., П.Л. Барк 8 июля 1914 г. сообщил управляющим акцизными сборами, «что удовлетворению подлежат все законно состоявшиеся приговоры сельских обществ по ходатайствам как об общем воспрещении всякой торговли крепкими напитками, так и о частичном

[1] Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение (Париж). 1965. № 158. С. 78.

недопущении продажи или только казенных спирта, вина и водочных изделий, или кроме указанных еще других напитков, особо означенных в приговорах. По удовлетворении... [этих] ходатайств казенные винные лавки должны быть закрываемы в ближайшее время, не считаясь с договорами о найме помещений, частные же места продажи подлежат... закрытию по окончании срока выданных разрешений, если в разрешительных свидетельствах не оговорена возможность немедленного прекращения их силы в случае составления запретительного приговора»[1]. В феврале-июле 1914 г. правительство утвердило 800 просьб сельских обществ запретить продажу алкоголя на их территории. Это было на 200 обращений больше, чем за весь период с 1895 г. по 1906 г.

Желая оправдать доверие царя, П.Л. Барк 11 марта 1914 г. выпустил циркуляр местным акцизным управляющим, где просил выработать конкретные предложения для выполнения воли государя (пока что в пределах действующего законодательства): «Надлежит направить все усилия к пресечению... [тайной торговли водкой и винокурения]... Каждые три месяца вами должны быть представляемы... списки продавцов [казенных винных лавок], отличившихся в открытии корчемства с указанием числа случаев открытия для оказания им поощрения денежными наградами». Теперь уже работа закипела на местах. В губернских акцизных управлениях проводились заседания хозяйственных комитетов, где обсуждались конкретные меры. Управляющие издавали свои циркуляры с конкретными мерами, отправляли копии всем другим управлениям и просили их сделать то же самое, что обеспечило координацию действий в масштабах всей страны. Вначале, вплоть до августа, на местах не проявили особого рвения в деле отрезвления народа, называя главной причиной высокого уровня пьянства не государственную продажу водки, а ее незаконный оборот, прежде всего нелегальную перепродажу, именуемую шинкарством или корчемством. В основном все меры были направлены на борьбу именно с этим злом. От продавцов винных лавок требовали выдавать шинкарей и поощрять то же самое от населения. Но со стороны народа особой поддержки этому не нашлось, люди покрывали шинкарей, а лавки продавцов-доносчиков сжигали.

В апреле 1914 г. собралось совещание в Санкт-Петербурге при Главном управлении неокладных сборов и казенной продажи питей с участием управляющих акцизными сборами 7 губерний под председа-

[1] Цит. по: Пашков Е.В. Антиалкогольная кампания в России в годы первой мировой войны… С. 80–93.

тельством начальника указанного ведомства. Была подытожена работа местных управлений, а также приняты новые меры, уже обязательные для всей страны, так как «в настоящее время военные власти озабочены упрочением в войсках трезвости, идя навстречу этому, следует, с соблюдением установленных правил, прекратить всякую торговлю крепкими напитками... вблизи мест постоянного или периодического расположения войсковых частей. Предположение это подлежит осуществлению по почину самого акцизного надзора, независимо от ходатайства о том военных властей». Решено было сократить время торговли крепкими напитками. Продавать разрешалось до 18 часов. Запретили продажу на вынос в городах, а на селе ввели полный запрет в праздничные дни: 1 и 5 января, 9 мая, 29 июня, 20 июля, 29 и 30 августа, 26 сентября, 1 и 2 октября, 6, 24, 26 и 27 декабря, в день рождения императора, наследника и т. д. Запретили продажу 57 % спирта, так как его смешивали с водкой, чтобы увеличить крепость. Ограничили крепость разрешаемых к продаже казенных питий на 37 %. В итоге увеличилось потребление денатурированного спирта, тем более что он не облагался акцизом и был дешевле. На его покупку требовалось специальное разрешение акцизного ведомства, которые народ легко получал. Главному управлению поручено было ужесточить выдачу разрешений[1].

Между тем началась Первая мировая войны, ее причиной стала борьба за передел мира. На рубеже XIX–XX вв. стали складываться две враждебные группировки – Антанта и Тройственный союз. Так, еще в 80-х гг. XIX в. сложился военный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии (Тройственный союз). В 90-х гг. XIX в. образовался военный союз России и Франции, к которому в 1904–1907 гг. присоединилась Англия (Антанта). К 1871 г., когда сложилась германская империя, мир был уже поделен между великими державами. Германия стала претендовать на значительную часть английских и французских колоний, строить планы закрепления на Балканах и Ближнем Востоке, а также захвата и отторжения от России Польши, Украины, Белоруссии, Прибалтики. В свою очередь, Россия также рассчитывала усилить свои позиции на Балканах и Ближнем Востоке, захватить черноморские проливы Босфор и Дарданеллы. Этому активно противодействовали Турция, Германия и Австро-Венгрия. Англия же стремилась сохранить свое господство на мировом рынке и устранить опасного конкурента в лице Германии.

[1] Пашков Е.В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны... С. 80–93.

Франция надеялась вернуть себе, отторгнув у Германии провинции Эльзас и Лотарингию, Саарский угольный бассейн.

По воспоминаниям С.С. Ольденбурга Европа скатывалась к Первой мировой войне постепенно: «Новые сведения о перемене, происшедшей в германском императоре, дошли до государя после поездки В.Н. Коковцова за границу в ноябре 1913 г. Вильгельм II принял русского премьера весьма приветливо, но в беседе с директором Кредитной канцелярии Л.Ф. Давыдовым он жаловался на тон русской печати и говорил, что это ведет к катастрофе, что он видит "надвигающийся конфликт двух рас: романо-славянской и германской", что война "может сделаться просто неизбежной", и тогда "совершенно безразлично, кто начнет ее". В.Н. Коковцов, вернувшись в Россию, представил государю в Ливадии (в середине ноября) доклад о своей поездке, в том числе о беседах с германским императором. Государь долго молчал. "Он смотрел в окно, – пишет В.Н. Коковцов в своих мемуарах, – в безбрежную морскую даль, и, наконец, точно очнувшись от забытья, сказал: "На все – воля Божия!"". Государь знал, что он войны не вызовет, но сознавал в то же время, что не от него одного зависит, удастся ли ее избежать. Следует отметить, что в то же самое время и германское правительство на одном случае проявило готовность считаться с желаниями России. Осенью 1913 г. командующим турецкими войсками в Константинополе был назначен германский генерал Лиман фон Сандерс. Немецкие офицеры и раньше были инструкторами в турецкой армии, но тут речь шла о командной должности, притом в районе проливов. Русская печать стала резко протестовать. В.Н. Коковцов во время своего пребывания в Берлине указал, что назначение Лиман фон Сандерса представляется России неприемлемым. Вильгельм II возмущался, но в конце концов уступил. Так как назначение уже состоялось, его отменили своеобразным образом: германский император произвел Лиман фон Сандерса в чин генерала от кавалерии, турецкий султан пожаловал ему звание маршала; после этого он сделался слишком высоким лицом, чтобы занимать должность простого корпусного командира, и уступил место турецкому генералу. Государь был очень этим доволен. "У меня теперь для Германии только приветливые улыбки", – сказал он полушутливо германскому послу Пурталесу на одном обеде (14 января 1914 г.). Но германский император на докладе посла по этому поводу сделал сердитую пометку: "Этого уже достаточно! Только это мы от него всегда и видели!". За зиму 1913–1914 гг., внешне спокойную в международной политике, на поли-

тических верхах во всех государствах происходил своеобразный психологический процесс. Только очень немногие открыто и сознательно желали войны; это были главным образом военные, из которых, кажется, только австрийский фельдмаршал Конрад фон Гетцендорф решился это высказать в письменной форме. Но очень многие, если не большинство, ответственных деятелей постепенно переходили от учитывания возможности войны – к фаталистическому убеждению в ее неизбежности, и на этом основании начали строить свои дальнейшие предположения и планы. Только сравнительно немногие сохраняли веру в то, что войны можно избежать, если проникнуться твердым желанием ее не допускать. К их числу принадлежал император Николай II. Его точку зрения вполне разделял и председатель Совета министров В.Н. Коковцов. Однако другие члены русского правительства все более проникались фаталистическим взглядом на войну. Военный министр Сухомлинов, отличавшийся оптимизмом, порою несколько легкомысленным, министр земледелия Кривошеин, а со второй половины 1913 г. и министр иностранных дел Сазонов – все они исходили в своих суждениях из того, что войны все равно едва ли избежать. На секретном совещании под председательством В.Н. Коковцова в самом конце 1913 г. при участии Сазонова, Сухомлинова, морского министра адмирала Григоровича и начальника главного штаба генерала Жилинского обсуждались возможности на случай войны, причем было признано, что Россия может рассчитывать на успех, только если поддержка Англии и Франции будет обеспечена; но из участников совещания один В.Н. Коковцов подчеркнул, что война вообще была бы величайшим бедствием для России»[1].

Противоборствующие стороны предполагали ведение краткосрочной войны. Германия вынашивала планы молниеносной войны (блицкриг) на два фронта: сначала разгромить быстрыми и мощными ударами Францию (через две недели после начала войны немцы рассчитывали войти в Париж), а затем – Россию. Австро-Венгрия также планировала воевать на два фронта – против Сербии и России. Франция занимала пассивно-выжидательную, противоречивую позицию, четкого плана действий у нее не было. Англия отводила себе второстепенную роль, всю тяжесть войны она предполагала перенести на плечи Франции и России. Россия основной удар хотела нанести против Австро-Венгрии, а остальные силы направить против Германии. В целом же страны Антанты предполагали разгромить страны Тройственного союза, зажав их в тиски

[1] Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II… Т. 2. С. 104–105.

подневольная, которых поэтому и можно освободить от обязательности пить чарку, выдавая взамен нее деньги, офицеры же всегда могут оставить службу в войсках, раз они не в состоянии по болезни нести всех ее обязанностей"»[1]. Винная чарка была не единственным источником алкоголя в армии. В полковых буфетах и лавках разрешалась свободная продажа водки. Полк из 2 500 человек тратил в среднем ежегодно на спиртные напитки в своей лавочке около 20 500 руб.

В 1899 г. на Пироговском съезде в секции военной медицины все врачи кроме одного высказались за отмену чарки. Вопрос об отмене казенной винной порции был поднят по инициативе Комиссии по вопросу об алкоголизме и в Военном министерстве. Однако в 1900 г. Главный штаб с одобрения военного министра высказался, что отмена казенной винной порции в праздники, которая «не может рассматриваться как злоупотребление спиртными напитками, так как является незначительной», не соответствует быту войск. Он признал невозможным запретить проносить спиртные напитки в казармы и прекратить продажу их в солдатских лавках и буфетах. Однако в декабре 1908 г. приказом по Военному ведомству была отменена выдача чарки, запрещена продажа водки и крепких спиртных напитков в солдатских лавках и буфетах, внесены соответствующие изменения в устав внутренней службы[2]. Ограничение продажи алкоголя в период мобилизации была предусмотрена приказами Военного министерства. Согласно «Руководству для призыва нижних чинов запаса армии и флота на действительную военную службу» (1908 г.) должны были закрываться питейные заведения: «1) в дни и в пунктах прохождения маршевых команд нижних чинов запаса и ратников ополчения при следовании таковых из уездных городов в части войск или в пункты формирования отдельных частей; 2) в дни и в пунктах выступления мобилизованных частей в поход или посадки их в вагоны и 3) во время прибытия и стоянок на станциях железных дорог воинских поездов, причем в этом последнем случае закрытию подлежат места продажи крепких напитков, расположенные от железнодорожных станций на расстоянии до 250 сажен.

Накануне войны Первой мировой войны в правительственных кругах, в обществе, в Государственной думе активно обсуждался во-

[1] Путилов В.В. О спиртном отравлении армии. Бытовые причины этого // Труды комиссии по вопросу об алкоголизме, мерах борьбы с ним и для выработки нормального устава заведений для алкоголиков. СПб.,1899. Вып. 2. Отд. 2.

[2] Протько Т.С. В борьбе за трезвость. Страницы истории… С. 33–35.

прос о введении ограничительных мер на продажу спиртных напитков в случае проведения мобилизации и начала военных действий. 17 апреля 1914 г. по всем губерниям России МВД разослало секретный циркуляр, в котором говорилось о том, что в случае начала военных действий необходимо полностью запретить торговлю водкой. В мае в Думе обоснованно опасались, что в случае войны без подобных ограничений мобилизация может быть попросту сорвана, и предлагали ввести существенные ограничения на торговлю спиртным, а то и «сухой закон». Одним из убежденных сторонников жестких антиалкогольных мер был П.Л. Барк, министр финансов и шеф Отдельного корпуса пограничной стражи. Военный министр В.А. Сухомлинов к маю 1914 г. подготовил проект плана закрытия всех питейных заведений в стране, кроме ресторанов первого разряда в районах мобилизации. В июне он же просил министра внутренних дел Н.А. Маклакова проследить, чтобы во время мобилизации торговля алкоголем была повсеместно закрыта. 22 мая 1914 г. в соответствии с указом царя был издан приказ по военному ведомству № 309 о мерах против потребления алкоголя в армии. Согласно приказу офицеры, появившиеся в нетрезвом состоянии где бы то ни было, подвергались строгому дисциплинарному воздействию вплоть до увольнения со службы. Работа начальствующего офицерского состава оценивалась по степени трезвости подчиненных. Полковым врачам и священникам вменялось в обязанность проводить работу по пропаганде трезвости среди солдат и офицеров. От начальников дивизий требовали в годовых отчетах особое внимание уделять тем вопросам, которые способствуют формированию трезвости среди их подчиненных. Нижним чинам всех категорий, а также запасным и ратникам ополчения во время учебных сборов воспрещалось потреблять любое спиртное где бы то ни было. Нижних чинов, наказанных за употребление алкоголя, запрещалось производить в унтер-офицеры и ефрейторы и повышать в званиях, а также назначать учителями молодых солдат. Унтер-офицеры, подвергшиеся дисциплинарному взысканию за потребление алкоголя, не должны быть терпимы в унтер-офицерских должностях. При увольнении в запас нижним чинам, замеченным в употреблении алкоголя, запрещалось выдавать похвальные свидетельства за службу. Таким образом, уже перед войной армия приводилась в трезвый порядок[1].

[1] Маюров А.Н. Сухой закон в Российской империи – РСФСР (1914–1920 гг.) // Экономические стратегии. 2014. № 4. С. 94–106.

21 января 1914 г. был издан приказ по военному ведомству за № 42. «За последнее время, – говорилось в приказе, – имели место случаи с нежелательными последствиями, которые показали отсутствие выдержки со стороны офицеров, а вместе с тем обнаружили недостаток надлежащего нравственного воздействия и заботливости… со стороны начальствующих лиц… обязанных своим авторитетом давать надлежащее направление молодым офицерам». Далее указывалось, что «государю императору благоугодно было обратить особо серьезное внимание на это явление… и принять самые решительные меры предотвращения возможного повторения подобного в будущем». «Г.г. офицерам, – говорилось в заключении, – предлагаю проникнуться сознанием, что высокая честь ношения офицерского мундира, возлагает на каждого, носящего этот мундир, особую заботу оберегать его от каких бы то ни было нареканий». В соответствии с этим создаются суды офицерской чести «для охранения достоинства военной службы и поддержания доблести офицерского звания» (приказ за № 167 (1914)). На эти суды возлагалось обсуждение следующих вопросов: «Рассмотрение поступков, несовместимых с понятиями о воинской чести, служебном достоинстве, нравственности и благородстве; разбор ссор, случающихся в офицерской среде». В 1914 г. были созданы соответствующие суды для отдельных родов войск: суд офицерской чести Главного артиллерийского управления» (приказ № 98); суд чести офицеров корпуса военных топографов» (приказ № 136); суд чести офицеров казачьих войск (приказ № 167). Был создан даже суд чести офицеров отдельного корпуса жандармов (приказ № 58)[1].

Тем не менее пьянство в армии имело широкое распространение. Об этом неоднократно говорилось в прессе. Так, в московской газете «Вечерние известия» буквально накануне войны, в статье «Алкоголизм в армии» писалось: «За последнее время в военной и частной печати не раз указывалось и приводились статистические цифры о все растущем потреблении алкоголя в армии. Было доказано деморализующее значение алкоголя на армию в смысле дисциплины и состояния воинского духа. Голоса об этом в последнее время стали раздаваться настолько часто и настойчиво, связывая вопрос об алкоголизме в армии с тревожными слухами о войне, что военный министр обратил, наконец, на это внимание и издал приказ против употребления в армии спиртных напит-

[1] Чибинев В.М., Пиджаков А.Ю. Правовое регулирование питейной политики в России в начале XX в. // Мир юрид. науки. 2011. № 1. С. 15–18.

ков». Касаясь этого приказа, газета критиковала его за неконкретность: «К сожалению, приказ дальше угроз о строгом наказании за пьянство не идет и не указывает никаких культурных и конкретных мер по борьбе с этим страшным злом армии». «А бороться, – заключает газета, – циркулярами и угрозами бесполезно»[1].

Всеобщая мобилизация в Российской империи была объявлена Николаем II в ночь с 17 на 18 июля 1914 гг. С ее началом на афишных тумбах появились объявления «Воспрещается на время с первого дня мобилизации впредь до особого объявления: 1) продажа или отпуск, под каким бы то ни было видом, спиртных напитков лицами, получившими в установленном порядке разрешения на производство торговли питиями; 2) продажа или отпуск спиртных напитков как распивочно, так и на вынос, в частных местах продажа питей всех категорий и наименований, пивных лавках и буфетах, на станциях железных дорог и при театрах и прочих увеселительных местах, за исключением ресторанов 1-го разряда, клубов и общественных собраний, причем, однако, из сих последних мест продажа на вынос не допускается. 3) торговля, всякого рода увеселения и игры: а) в ресторанах 1-го разряда, увеселительных садах, театрах и прочих местах публичных представлений, а также клубах и общественных собраниях – позднее 1 часа пополуночи; б) в ресторанах 2-го разряда – позднее 12 часов вечера, и в) в трактирах 3-го разряда и в заведениях трактирного промысла без крепких напитков – позднее 11 часов вечера. Лица, кои окажутся виновными в неисполнении или нарушении сего обязательного постановления, подвергаются в административном порядке заключению в тюрьме или крепости на три месяца или аресту на тот же срок, или денежному штрафу до 3 000 руб.»[2].

Мобилизация характеризовалась большими масштабами: только в июле-августе по всей империи было призвано из запаса 3 млн 115 тыс. нижних чинов. 21 июля 1914 г. последовал указ Николая II «О призыве на действительную службу ратников ополчения I разряда в некоторых местностях империи». Санкт-Петербург внимательно следил за ходом мобилизации. Управление по воинской повинности МВД 22 июля 1914 г. направило в Департамент полиции просьбу информировать ведомство «о случаях нарушения порядка во время приема запасных на сборных пунктах и при следовании их как на эти пункты, так и в части войск по назначению». Уже через три дня министр внутренних дел по-

[1] Вечерние Изв. 1914. 5 июня.

[2] Московские новости. 1914. 30 июля.

лучил первые тревожные телеграммы из Уфимской губернии, где в небольшом городе Стерлитамаке скопилось более 10 тыс. запасных. Голодные, поскольку кухню разгромили сразу, а кормовых денег (т. е. денег на продовольствие) они не получили, мобилизованные разгромили винный склад, несколько магазинов, ранили надзирателя и его помощника, открыли стрельбу по полицейской страже. Весь город, оставшийся фактически без защиты, замер в ожидании грабежей и поджогов. Городской голова Ростовцев просил Санкт-Петербург срочно «заменить воинского начальника, на которого запасные жестоко озлоблены», разрешить выдать им «кормовые на руки», а также «выслать надлежащую охрану», так как вся воинская команда состояла всего из 20 человек, и офицеров в «помощь воинскому начальнику»[1].

Уфимский губернатор П.П. Башилов в телеграмме от 25 июля также бил тревогу и просил о помощи. Вскоре городской голова Ростовцев сообщил подробности разгрома уездного города: уничтожен казенный винный склад в 1 тыс. ведер, несколько магазинов и торговых заведений (убыток составил 100 тыс. руб.), ограблено несколько квартир. Таким образом, из-за нераспорядительности воинского начальника Стерлитамак и его 25 тыс. жителей оказался во власти 12 тыс. пьяных голодных мобилизованных на войну мужиков, к которым «примкнул весь местный преступный элемент». Полиция ввиду своей малочисленности не могла противостоять многотысячной толпе. Стерлитамак, «отрезанный на 100 верст от железной дороги, оказался в осадном положении». От имени жителей города, «всегда готовых жертвовать своей жизнью лишь в защиту престола и родины», Ростовцев уже не просил, а умолял министра внутренних дел дать распоряжение «немедленно» выдать «запасным кормовые на руки и срочно отправить» их всех из Стерлитамака. На следующий день глава МВД Н.А. Маклаков отдал такое распоряжение.

Следующая телеграмма о беспорядках была от Пермского губернатора И.Ф. Кошко, в которой он, сообщая о разгроме запасными винных лавок в «разных местах губернии», просил высокое начальство разрешения открыть винные лавки хотя бы «на два часа в день». «Иначе беспорядки будут расти» и дело может дойти до «кровавых столкновений», – предупреждал он. Из Симбирска вице-губернатор А.В. Ара-

[1] Рудник С.Н. «Сухой закон» и «пьяные бунты» в период мобилизации войск (июль-август 1914 г.) // Первая мировая война и проблемы российского общества. СПб.: Изд-во ГПА, 2014. С. 166–171.

пов сообщил о том, что вполне благополучный ход мобилизации был нарушен «буйством запасных чинов» в уездном городе Сенгилее. Дело дошло до того, что местный воинский начальник на сборном пункте приказал открыть огонь, в результате чего пять человек было убито и четверо ранены, в других местах города беспорядки были прекращены без применения стрельбы. Зачинщики бунта были арестованы и заключены в тюрьму. На всякий случай А.В. Арапов направил в Сенгилей для охраны порядка роту солдат. Решительные действия воинского начальника имели успех – вскоре все 1,5 тыс. мобилизованных были отправлены в Симбирск.

Поскольку сведения о беспорядках стали поступать регулярно, то в Управлении по воинской повинности решили сформировать «особое секретное дело», причем информацию эту приказано было «никому не сообщать». Только 28 июля 1914 г. Департамент полиции отправил в МВД 21 копию телеграмм, одну тревожнее другой. География сообщений довольно обширна: Могилев, Минск, Новгород, Витебск, Уфа, Пенза, Саратов, Царицын, Вятка, Тобольск, Ставрополь, Новониколаевск... Донесения губернаторов и жандармских офицеров были похожи на сводки с театров военных действий. Буйство мобилизованных из запаса сопровождалось не только разгромом винных лавок, но и пожарами, стрельбой, избиениями служащих, насилиями в отношении мирного населения и человеческими жертвами. Согласно официальной сводке «О числе лиц, пострадавших во время бывших в июльскую мобилизацию 1914 г. беспорядков в некоторых местностях империи» всего «пострадало» 412 человек, в том числе 60 должностных лиц и 352 «прочих лиц (в том числе и запасных)». Из этого числа 225 человек было убито, из них 9 «должностных лиц». Больше всего жертв было в Пермской (68 ранено и 47 убито) и Томской губернии (37 раненых и 140 убитых).

Трагедия случилась на Лысьвенском заводе (Пермская губерния). Многотысячная толпа рабочих и мобилизованных запасных требовала «выдачи на руки 350 тыс. руб.» и когда «управляющий округом Онуфрович отказал», толпа загнала в здание управления его, помощника исправника и еще шесть полицейских. В течение трех часов они отстреливаясь, держали оборону. Тогда толпа «натаскала к зданию дров, бочек, облила» все керосином и подожгла, и «когда осажденные» начали «выбегать из горящего здания», все они, кроме Онуфровича, были убиты и изуродованы. Управляющий округом, избитый, «застрелился сам». Обезумившая толпа, умывшись кровью, «перерезала телеграфные

и телефонные провода», подожгла «деревянный мост» и «восемь заводских зданий». Бунт удалось подавить только после того, как губернатор И.Ф. Кошко направил в Лысьву члена губернского присутствия Лихачева с ротой солдат и двумя пулеметами[1].

Наиболее опасная обстановка сложилась в Томской губернии, где принятые на службу нижние чины по пути следования по железной дороге Иркутск – Томск громили винные лавки и станционные буфеты, нападали на пытавшихся утихомирить их жандармских офицеров и стражников. На вокзале Новониколаевска мобилизованных силой вернули в вагоны, при этом было убито девять и ранено двадцать два человека, также случайно был убит кондуктор. Пьяные погромы со стрельбой и человеческими жертвами произошли и в Кузнецке. Губернатор В.Н. Дудинский неоднократно сообщал о разгроме винных лавок в селах Барнаульского уезда, причем в селе Утянском запасные убили ямщика. Всего же в губернии мобилизованные на войну разгромили 52 винные лавки из 600.

О том, что происходило в самом Барнауле, подробно изложил в своем отчете от 31 июля 1914 г. начальник Томского губернского жандармского управления. Как только барнаульское начальство получило телеграммы о начале мобилизации, исправник тут же отдал приказ закрыть в уезде все места «продажи спиртных напитков». Два дня все было спокойно, но 20 июля в сельской местности начались погромы винных лавок. Вечером 21 июля в Барнауле стали появляться пьяные «партии запасных», которые «открыто похвалялись, что то же проделают» и в уездном центре. Местный исправник «просил начальника гарнизона полковника Стажевского вывести из лагеря все четыре роты», чтобы взять под охрану «винный склад, казначейство и тюрьму». Однако полковник «категорически отказался» присылать войска и отправил лишь взвод «из 18 стрелков к винному складу, находящемуся в нескольких верстах от города». Утром 22 июля 1914 г. толпы мобилизованных запасных «направились к винному складу, а за ними потянулись и все подонки города». В этой критической ситуации исправник и начальник расположенного в городе небольшого отряда полковник Плотников вновь обратились «к полковнику Стажевскому, прося немедленно дать в помощь полиции три роты». Однако «полковник Стажевский в грубой форме отказал обоим». Помощник начальника Томского губернского

[1] Рудник С.Н. «Сухой закон» и «пьяные бунты» в период мобилизации войск (июль-август 1914 г.)... С. 166–171.

жандармского управления ротмистр Назаревский вместе с прокурором и исправником отправились к складу, где и пытались уговорить «толпу прекратить грабеж, причем им удалось при помощи городовых запереть несколько человек из наиболее рьяных грабителей в контору». Но силы были неравны, тем более что находившийся при складе «военный караул под командой штабс-капитана Петухова совершенно бездействовал» и когда толпа забросала караульных камнями, те бежали, «не сняв даже часовых». Как сообщал начальник Томского губернского жандармского управления, «бегство караула одобрило грабивших; запертые в конторе, выломали двери, бросились к толпе, крича, что их бьет полиция». Разъяренная толпа напала на ротмистра Назаревского, кто-то ударил его бутылкой по голове. Офицер «упал, потеряв сознание». Прокурор и исправник, согласно документу, «увидев десятки занесенных над ротмистром Назаревским рук с кольями и решив, что они уже не могут спасти его, бросились к экипажу исправника» и умчались в город. Видя такое дело, «бежали со своих постов» и часовые. «После этого начался общий разгром склада и запасные, захватив с собой громадное количество водки, толпами стали возвращаться в город». Кто-то «поднял истекающего кровью и бывшего без сознания ротмистра Назаревского, уложил его на телегу и отвез в город в Управление воинского начальника, где ему и была оказана первоначальная медицинская помощь»[1].

В Барнауле вечером «тысячные толпы пьяных стали громить магазины» и около 21 часов «в разных местах города начались пожары». Пожарным не давали тушить огонь, так как «грабители всюду встречали» их «градом камней и заставили удалиться». Мало того, захватив оружейный магазин, грабители завладели ружьями и револьверами и, рассыпавшись по всему городу, стали палить направо и налево. Полиция (всего 70 человек) была бессильна что-либо сделать. Пожары, стрельба, дикие крики, буйство толпы «вызвало панику среди местных жителей и из города началось повальное бегство». В этой ситуации, около 12 часов ночи полковник Плотников вывел свой взвод на улицу и отдал приказ открыть огонь по беснующейся толпе. Последовали два залпа и пять минут «стрельбы пачками». Наконец, через час все было кончено. Согласно донесению жандармского офицера, во время этих беспорядков было убито около 100 человек. В сгоревших домах и «в "Пассаже" Смирнова» было обнаружено много обгоревших трупов. Полиции

[1] Рудник С.Н. «Сухой закон» и «пьяные бунты» в период мобилизации войск (июль-август 1914 г.)... С. 166–171.

и солдатам удалось арестовать 160 человек. На донесении жандарма директор Департамента полиции оставил лаконичную запись: «Безобразно». Согласно донесению губернатора В.Н. Дудинского в Барнауле запасные, кроме разгромленного винного склада, «сожгли тридцать два богатых дома», маслодельную и сельскохозяйственную конторы, «Русский внешней торговли банк, торговый пассаж, два магазина с оружием, мануфактурные магазины, пристанские пакгаузы». Для окончательного наведения порядка в Барнаул направили четыре роты солдат, две сотни казаков, два орудия. Кроме того, Томский губернатор приказал управляющим акцизными сборами вывезти вино «из всех лавок близ железнодорожных станций», на главные станции были «командированы воинские части и приняты» все меры для «подавления беспорядков». Таким образом, в 35 губернских и уездных городах центральной России было разгромлено 230 питейных заведений.

Тем не менее П.Л. Барк полагал, что именно «идеальная мобилизация» побудила население просить царя ввести «сухой закон» навсегда: «Безукоризненный порядок, в коем происходила мобилизация, настолько отличался от тех тяжелых сцен, которые наблюдались в японскую войну, что это не могло не поразить всего населения, которое к тому же за короткий двухнедельный период увидело и в своем домашнем быту разительную перемену, происшедшую вследствие воздержания от водки, и бесчисленные ходатайства стали поступать к государю о том, чтобы продажа водки была воспрещена навсегда. Сообщив нам о многочисленных полученных им просьбах, государь добавил, что он еще утром принял депутацию от крестьян, которая умоляла его не открывать вновь винных лавок, и посему он желал бы выслушать мнение Совета министров, насколько такое народное желание осуществимо. Все присутствовавшие министры, в принципе, отнеслись сочувственно к тому, чтобы правительство пошло навстречу народному желанию, Председатель же Совета министров указал, что решающий голос в этом деле принадлежит министру финансов, от мнения коего зависит то или иное направление. На вопрос государя, обращенный ко мне, я ответил, что со времени своего назначения исполнял его волю, выраженную в рескрипте на мое имя 30 января 1914 г., и принял все меры к тому, чтобы потребление водки сокращалось, но финансовая реформа, которая имела целью заменить в бюджете иными источниками поступления питейный доход, составлявший третью его часть, рассчитана была на продолжительный срок, и внезапная убыль государственных доходов в размере

одного миллиарда руб. отразится очень серьезным образом при сведении бюджета. Я нисколько не сомневаюсь, что в конечном итоге подъем народного благосостояния, который последует в случае воздержания населения от потребления крепких напитков, с лихвой покроет убыль от уменьшения питейного дохода, но для переходного времени необходимо будет принять целый ряд мер налогового характера. При этом я вспомнил о проекте инженера Н.И. Демчинского, который полагал заменить питейный доход повышением железнодорожного тарифа, и доложил государю, что по примерным подсчетам одно это повышение, проведенное в крупных размерах, могло бы дать от 400 до 500 млн руб., т. е. половину питейного дохода. Высказав полную готовность пойти навстречу народному желанию относительно совершенного закрытия казенных винных лавок, я просил государя дать мне несколько дней сроку, чтобы по возвращении в Петроград представить ему продуманный план для осуществления его воли»[1].

Принц С.С. Ольденбург считал, что именно Первая мировая война спровоцировала Николая II на введение «сухого закона»: «В первые дни войны самые трудные вопросы внутренней жизни казались легко разрешимыми. Государь воспользовался этой минутой для того, чтобы провести смелую реформу, которая была за последние годы особенно близка его сердцу: запрещение продажи спиртных напитков. Сначала запрет был введен как обычная мера, сопровождающая мобилизацию; затем (22 августа) было объявлено, что запрет сохранится на все время войны; он был постепенно распространен не только на водку, но также и на вино, и на пиво. Наконец в начале сентября, принимая великого князя Константина Константиновича в качестве представителя Союзов трезвенников, государь сказал: "Я уже предрешил навсегда воспретить в России казенную продажу водки". И эти слова монарха соответствовали в то время общему народному мнению, принявшему запрет спиртных напитков как очищение от греха; никому поэтому не приходило в голову, что такая законодательная мера, предрешенная царем, могла бы встретить сопротивление в представительных учреждениях. Только условия военного времени, опрокинувшие всякие нормальные бюджетные соображения, позволили провести меру, которая означала отказ государства от самого крупного из своих доходов. Ни в одной стране до 1914 г. еще не принималось такой радикальной меры борьбы с алкоголизмом. Это был грандиозный, неслыханный опыт. Конечно, через некоторое время

[1] Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение (Париж). 1965. № 158. С. 80.

развилось тайное винокурение и появились всевозможные суррогаты спиртных напитков; но – особенно при отсутствии ввоза из-за границы – можно сказать, что потребление спирта в России за первые годы войны уменьшилось в несколько раз»[1].

П.Л. Барк сделал доклад на Совете министров по вопросу введения в России «сухого закона», но полной поддержки не получил: «Когда мы вернулись в Петроград, я на ближайшем заседании Совета министров высказал свои соображения о том, что необходимо воспользоваться исключительно сложившимися обстоятельствами военного времени для немедленного проведения в жизнь питейной реформы, предуказанной государем в рескрипте 30 января 1914 г. Я не скрывал от Совета министров, что за исключением повышенных железнодорожных тарифов другие намеченные министром финансов налоговые мероприятия не дадут немедленных результатов, и что по устранении из бюджета питейного дохода придется считаться с крупным дефицитом. Однако нет сомнения, что военные расходы будут исчисляться миллиардами, их можно будет покрывать только займами, и, таким образом, с огромным бюджетным дефицитом нам все равно предстоит иметь дело как с неизбежным последствием военных событий. При этих условиях увеличение такого дефицита, исчисляемого миллиардами, на несколько сот миллионов в год будет, конечно, менее ощутительно, чем, если бы реформа была отложена на послевоенное время, когда необходимо будет соблюдать экономию во всех областях, и потребуются огромные усилия для восстановления нарушенного народного и государственного хозяйства. Практические мероприятия должны заключаться в том, чтобы прежде всего продлить срок, в течение коего казенные винные лавки и питейные заведения имеют оставаться закрытыми, и безотлагательно разработать подробный проект питейной реформы. Я придерживался данного в высочайшем повелении указания о закрытии питейных лавок лишь на непродолжительный срок, и полагая, что простое закрытие винных лавок и питейных заведений еще не разрешает наболевшего вопроса о народном пьянстве, я находил, что правительство должно без замедления разработать целый комплекс мероприятий не только запретительного, но также творческого, положительного характера, направленных к утверждению в народе трезвости. Большинство моих коллег согласились со мной, другие же полагали, что сроком нужно поставить окончание военных действий и саму реформу приурочить лишь к вос-

[1] Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II... С. 131.

становлению мирного течения жизни, когда, вероятно, придется сделать значительные послабления в вопросе потребления крепких напитков»[1].

Однако Николай II продолжал настаивать на введении «сухого закона»: «Через два дня я подробно доложил государю о происходивших в Совете министров суждениях и представил на его одобрение решение большинства Совета министров о том, чтобы в правительственном распоряжении был указан краткий срок, на который должно быть продлено закрытие винных лавок и питейных заведений; если не ошибаюсь, таким сроком был намечен ноябрь месяц. Государь посмотрел на дело с другой точки зрения и не согласился с этим решением. Он мне сказал, что ходатайства крестьян о запрещении продажи водки навсегда произвели на него такое глубокое впечатление и благодетельные последствия закрытия питейных лавок сказались так ярко в короткий промежуток времени, что он твердо решил не возобновлять казенной продажи питей, депутатам же от крестьян обещал, что продажа водки не будет производиться во время войны, а посему в правительственном объявлении, во всяком случае, должен быть указан этот последний срок. Указание же короткого срока может лишь породить сомнения в народе относительно искренности намерения правительства покончить навсегда с народным пьянством. На это я ответил, что слово, данное царем своему народу решает все дело; не может быть, конечно, никакой речи о том, чтобы существовал в народе хоть малейший повод для сомнения в искреннем желании правительства выполнить царскую волю, ясно выраженную еще 30 января 1914 г., когда государем был дан знаменательный рескрипт на мое имя, и подтвержденную ныне в Москве при приеме депутаций от крестьян. Совету министров остается только строго придерживаться высочайших предначертаний. Таким образом, последовало высочайшее повеление о продлении срока закрытия казенных винных лавок и питейных заведений до окончания военных действий, коим, в сущности, был решен вопрос о коренном изменении нашего бюджета с устранением из него питейного дохода. Вместе с тем был одобрен государем план о безотлагательной разработке всей питейной реформы, обнимающей собой не только запретительные нормы, но также целый комплекс мероприятий положительного характера, направленных на постепенное утверждение трезвости»[2].

Введение «сухого закона» осуществлялось постепенно. Так, 28 июля 1914 г. (18 июля по старому стилю Россия вступила в Первую

[1] Барк П.Л. Воспоминания... С. 81.

[2] Там же. С. 82.

мировую войну) по представлению Министерства финансов Совет министров принял постановление «О повышении продажных цен казенных вина и спирт и размеров акциза со спирта, пивоварения и табачных изделий», которое гласило: 1) устанавливать во всех местностях, где введена казенная продажа нитей, цены на вино в размерах, не превышающих следующих высших предельных цен: а) для очищенного вина крепостью в 40° – в 12 руб. 80 коп. за ведро; б) для ректификованного спирта – в 32 коп. за градус и в) для вина высшей очистки (столового) и водочных изделий – в 16 руб. 80 коп. за ведро; 2) акциз с вина и спирта, выкуриваемого из всякого рода припасов, кроме выкуриваемого на фруктово- и виноградно-водочных заводах из виноградных материалов и сырых фруктов и ягод всякого рода, взимать в размере не свыше 20 коп. с градуса (1/100 ведра) по металлическому спиртомеру или не свыше 20 руб. с ведра безводного спирта; 3) акциз с выкуриваемого на фруктово- и виноградно-водочных заводах спирта из виноградных материалов и сырых фруктов и ягод всякого рода взимать в размере не свыше 14 коп. с градуса (1/100 ведра) по металлическому спиртомеру или не свыше 14 руб. с ведра безводного спирта; 4) акциз с пивоварения взимать в размере не свыше 3 руб. с пуда поступающего в затор солода; 5) с пивоваренных заводов, производящих затирание солода с применением ручного способа или тяги животных и перерабатывающих в течение отчетного года не более 2 000 пудов солода, взимать акциз в размере не свыше 2 руб. 30 коп. с пуда учтенного солода; 6) с выпускаемых с табачных фабрик изделий, кроме облагаемых пониженной бандеролью, взимать независимо от акциза, уплачиваемого за бандероли, дополнительный акциз в размере не свыше 8 руб. с пуда, или не свыше 20 коп. с фунта заключающегося в этих изделиях табака; 7) акциз с табака-махорки взимать в размере не свыше 20 коп. с фунта. Что же касается продажи спиртных напитков, то про предложению П.Л. Барка продажные цены на вино, спирт и водочные изделия были также увеличены: а) для очищенного вина крепостью в 40° – 12 руб. 80 коп. за ведро; б) для ректификованного спирта – 32 коп. за градус; в) для вина высшей очистки (столового) и водочных изделий – 16 руб. 80 коп. за ведро[1].

На заседании 1 августа 1914 г. Совет министров, пришел к заключению о необходимости продлить срок существовавшего запрещения продажи на вынос крепких напитков, а также действовавшие в отношении распивочной торговли ограничительные постановления, по крайней

[1] РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 72. Л. 136–137.

мере, до 15 августа 1914 г. и предложил предоставить министру финансов «озаботиться надлежащими по данному предмету распоряжениями». Также на заседании 1 августа Совет министров одобрил предположение министра внутренних дел об издании следующего обязательного постановления: «1) воспрещается распитие крепких напитков на улицах, дорогах, площадях и в других открытых местах в черте усадебной оседлости селений и в помещениях крестьянского общественного управления; 2) воспрещается появление в общественных местах в черте усадебной оседлости селений и на проездных дорогах в состоянии явного опьянения; 3) воспрещается хранение в селениях крепких напитков в помещениях частных лиц, населяющих эти помещения; 4) владельцам домой в черте усадебной оседлости селений вменяется в обязанность не допускать в принадлежащих им помещениях неразрешенной продажи крепких напитков и о производстве такой продажи немедленно извещать полицию или сельские общественные власти и 5) чайные, а равно столовые, закусочные и всякие иные заведения трактирного промысла без права продажи крепких напитков не должны иметь внутренние сообщения с этими помещениями как содержателя заведения, так и его служащих и проживающих у него лиц»[1].

Вместе с тем Совет министров признал необходимым поручить финансовому ведомству вместе с прочими заинтересованными ведомствами «войти в соображение финансовых для казны последствий» дальнейшего продления запрещения торговли спиртными напитками и выяснить следующее: 1) с какого срока представлялось бы нужным восстановить свободную торговлю спиртными напитками; 2) какие меры переходного характера являлись бы наиболее «целесоответственными», чтобы избегнуть слишком резкого перехода от полного запрещения торговли на вынос к свободной продаже питей. При этом министр финансов П.Л. Барк заявил, что, по его мнению, с 16 августа 1914 г. возможно было бы разрешить продажу виноградных вин, не подлежащих акцизу. Что же касается всех прочих крепких напитков, то необходимо было продлить существовавшее запрещение торговли ими до 1 сентября 1914 г., не предрешая вопроса о дальнейших в этом направлении мерах. Наконец, в отношении продажи денатурированного спирта министр финансов полагал бы желательным разрешить ее в городах с 16 августа, в тех местах торговли, откуда отпуск означенного спирта производился и ранее, но при непременном условии совершенного удаления из этих мест казенного вина

[1] Совет министров // Правительственный Вестн. 1914. 3 августа.

и не подвергшегося денатурации спирта, а также всех не разрешенных к свободной продаже крепких напитков. Обсудив предложения П.Л. Барка Совет министров заметил, что в местностях, объявленных на осадном или военном положениях, намеченные меры подлежат применению не иначе, как с согласия на то военных властей. Также Совет министров не увидел необходимости запрещать в отдельных местностях продажу виноградного вина и денатурированного спирта[1].

На заседании Совета Министров 9 августа 1914 г. было решено продлить до 1 сентября продажу на вынос всех, кроме виноградного вина, крепких напитков, а также действовавшие в отношении распивочной торговли ограничительные постановления, «не предрешая этим вопроса о дальнейших, в том же направлении, мерах». 22 августа 1914 г. последовало высочайшее повеление, «коим существующее воспрещение продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в империи продолжено впредь до окончания войны». Оно называлось «*О продлении воспрещения продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в империи до окончания военного времени*». Текст его был следующим: «*Председатель Совета министров уведомил министра юстиции, что государь император, 22 августа 1914 г., высочайше повелеть соизволил: существующее воспрещение продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в империи продолжить впредь до окончания военного времени*»[2].

П.Л. Барк рассказал о визите к нему М.Д. Челышева, который он совершил после высочайшего повеления 22 августа 1914 г.: «Среди многочисленных людей и депутаций, которых мне приходилось принимать в связи с винной реформой… произвело на меня особенно глубокое впечатление… посещение члена Государственной думы Челышева, убежденного поборника трезвости… В беседе со мной Челышев высказал очень много здравых мыслей по интересовавшему нас обоих вопросу и, как истинный представитель народа, близко соприкасавшийся с его нуждами и познавший насколько гибельно отражается пьяный соблазн на всей народной жизни, проникновенно говорил мне о той радости, которую он испытал при чтении рескрипта государя на мое имя 30 января 1914 г. Этим "матфесупом" как он называл рескрипт, пьянство осуж-

[1] РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 73. Л. 62–64.

[2] Цит. по: Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг. Петроград: Тип. Петроградского товарищества печатного и издательского дела «Труд», 1916. Т. 1. С. 215.

дено с высоты престола, даны твердые указания министру финансов, и на Руси должно наступить отрезвление. Мечта всей его жизни осуществилась. Челышев подробно рассказывая мне о тех затруднениях, которые он встречая постоянно, с разных сторон, когда прилагал все усилия к широкому распространению своей проповеди о вреде пьянства, говорил об успехах этой проповеди с тех пор как голос его раздался в стенах Государственной думы, и не мог равнодушно вспомнить о графе Коковцове, который всюду чинил ему препятствия, стараясь доказать, что его стремление к насаждению трезвости – пустые бредни, неосуществимые у нас на Руси, и смотрел на него как на маниака... Не попав в Четвертую Думу, Челышев очень опасался, что начатая им пропаганда не найдет должных последователей, что враги трезвенного движения возьмут верх и вопрос пьянства нельзя будет сринуть с мертвой точки. Рескрипт государя 30 января 1914 г. воскресил все его надежды; он внимательно следил за деятельностью министерства финансов, которое еще до начала войны успело уменьшить потребление водки, теперь же, когда кабаки закрыты и, в виду ясно выраженной царской воли и решимости правительства, останутся, по-видимому, навсегда закрытыми, он может с облегченной душой сказать себе: "Ныне отпущаеши раба твоего, владыко". Я возразил Челышеву, что практическая борьба с пьянством теперь только начинается; до настоящего времени существовала проповедь, зачастую горячая, но все же это были только слова, ныне слова претворяются в дело, в этот момент главные поборники трезвости не только не могут считать свою задачу оконченной, а должны удвоить, свою энергию, чтобы идеи свои провести в жизнь. Я добавил, что общая наша цель будет достигнута только в том случае, если правительство сможет опереться на местах на таких апостолов трезвости, как он, и я не сомневаюсь, что нам еще часто придется встречаться за дружной совместной работой в области трезвенности. К сожалению, моему пожеланию не суждено было сбыться, так как в следующей году преждевременная смерть унесла в могилу Челышева – этого искреннего, убежденного проводника трезвости... Через несколько дней после посещения Челышева министр земледелия А.В. Кривошеин, здороваясь со мною в Мариинском дворце перед заседанием совета министров, обратился ко мне со словами: "Правда ли, что у вас был Челышев и встав на колени сделал вам земной поклон за вашу решимость покончить с "пьяным бюджетом"?". Я был очень озадачен этим вопросом, так как даже никому из близких не рассказал о том, как меня поразил Челышев, когда

вошел в кабинет и прежде чем поздороваться опустился передо мной на колени и сделал земной поклон. Я взял его за обе руки, помог ему подняться, обнял его и сразу не мог сказать ни слова, настолько велико было мое смущение. Только когда Челышев первый заговорил, я овладел собой и мог ответить на его приветствие. На выраженное мною удивление, откуда Кривошеину стало известно о посещении меня Челышевым, Александр Васильевич Кривошеин ответил мне, что во многих газетах, со слов самого Челышева, напечатана беседа его со мной, причем особо отмечено, как этот поборник трезвости меня приветствовал»[1].

Невыясненным оставался лишь вопрос о запрещении торговли пивом и портером. Министр финансов, основываясь на отзывах должностных лиц на местах, а также на заключениях представителей органов местного общественного самоуправления о нежелательности восстановления свободной торговли указанными выше напитками, вошел в Совет министров с представлением о дальнейшем продлении существовавшего запрещения их продажи на вынос до 1 октября 1914 г. Совет министров заслушал объяснения министра торговли и промышленности С.И. Тимашева, указавшего, что установленное со времени объявления мобилизации запрещение продажи пива и портера поставило многочисленные в России пивоваренные заводы в затруднительное положение. Предприятия эти терпели столь крупные убытки, что, по имевшимся в торгово-промышленном ведомстве сведениям, в случае дальнейшего, после 1 октября, продления установленных в отношении торговли пивом ограничений большинство из них вынуждено было бы ликвидировать свою деятельность. Прекращение деятельности целой группы заводов, являвшихся крупными потребителями продукции отечественного сельского хозяйства, дававших заработок значительному числу рабочих и уплачивавших немалые суммы в доход Государственного казначейства признано было нежелательным. Поэтому С.И. Тимашев полагал необходимым безотлагательно озаботиться изысканием возможных способов к ограждению интересов пивоваренной промышленности при непременном условии «ненанесения» этим ущерба делу охранения народной трезвости.

Совет Министров посчитал, что разрешение свободной торговли пивом в значительной степени подорвало бы «благодетельные» последствия от запрещения торговли хлебным вином и водочными изделиями. Выделываемое в России пиво при высокой, сравнительно, крепости (до 9 % алкоголя) и общедоступности его цены легко в таком случае мог-

[1] Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение (Париж). 1965. № 158. С. 76–77.

ло бы получить чрезмерное распространение, до известной степени заменив собою неразрешенные к продаже водочные изделия. Поэтому Совет министров не мог не присоединиться к заключению министра финансов о необходимости продления до 1 октября 1914 г. запрещения продажи на вынос пива и портера, а также действовавшие в отношении их распивочной торговли ограничении. С тем вместе, однако, Совет министров полагал, что затруднительное положение пивоваренных заводов несомненно заслуживало самого внимательного к себе отношения. Поэтому он признал желательным, чтобы до 1 октября были изысканы способы для ослабления вредных сторон потребления пива, прежде всего путем понижения крепости его примерно до 3–4 % и выработки действенных мер контроля за выносной и распивочной пивной торговлей. Для этих целей Совет министров образовал при Главном Управлении неокладных сборов и казенной продажи питей Комиссию из представителей всех заинтересованных ведомств. Также Совет министров обратил внимание на «значительное разнообразие» в местных законах. Так, несмотря на общее запрещение торговли пивом, в Риге, по заявлению министра путей сообщения, «таковая имела место»; торговля виноградным вином, разрешенная в Москве, не разрешена была в Петрограде; правила, регулировавшие распивочную торговлю в заведениях трактирного промысла и в буфетах при железнодорожных станциях, даже в одних и тех же местностях были различными. Вместе с тем и целесообразность предоставления права торговли всеми без исключения крепкими налитками ресторанам 1 разряда, представлялась сомнительной. В результате этого Совет министров признал необходимым, помимо упомянутой выше Комиссии по рассмотрению связанных с торговлей продуктами пивоварения мероприятий, образовать при Министерстве финансов Особое междуведомственное совещание из министров финансов, внутренних дел, путей сообщения, торговли и промышленности, а также государственного контролера и главноуправляющего землеустройством и земледелием для обсуждения и согласования действовавших в области продажи всех крепких напитков постановлений. На это Совещание постановлением Совета министров от 2 сентября 1914 г. было возложено также обсуждение вопроса о целесообразности установления предельной крепости виноградного вина, а также принятия мер фискального характера, направленных против излишней доступности более крепких сортов виноградных вин и предотвращения замены ими водочных изделий[1].

[1] РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 73. Л. 216–218.

Это Совещание выработало следующие рекомендации: 1) предоставить министру финансов разрешать, на определяемых им условиях, продажу с 1 ноября 1914 г. пива и портера, с тем, чтобы данная продажа производилась в строго ограниченном числе заведений и только в городах, и не иначе как на вынос; в местностях, состоящих на военном или осадном положениях, продажа пива и портера может быть разрешаема лишь с согласия на то военных властей; 2) приостановить дальнейшим производством возникшее предположение о повышении акциза с пуда употребляемого при пивоварении солода, поручив министру финансов подвергнуть разработке вопрос о наиболее целесообразных способах повышенного обложения пива и портера акцизом, в связи с ограничением предельной крепости обыкновенного пива тремя градусами, и, в частности, о возможности такового обложения путем «обандероливания», с тем, чтобы выработанные по настоящему предмету предположения были внесены на утверждение Совета министров до 1 ноября 1914 г.; 3) установить впредь до окончания войны, что, по ходатайствам заинтересованных общественных учреждений о полном прекращении торговли крепкими напитками, «таковая прекращается в подлежащих местностях во всех, без всякого изъятия, местах продажи питей: по ходатайствам сельских и волостных обществ, земских собраний и городских дум – распоряжениями губернаторов и городских начальников, по ходатайствам же прочих заинтересованных учреждений, в случаях признания таковых ходатайств уважительными, – распоряжениями министра внутренних дел»; 4) отпускать из казенных винных складов, по разрешениям управляющих акцизными сборами или Министерства финансов, спирт и вино для химических, технических, ученых, учебных, фармацевтических, косметических и тому подобных надобностей; 5) допустить отпуск для тех же надобностей прочих запрещенных к свободной продаже крепких напитков из частных заведений, по разрешениям местной полиции, с тем, чтобы из аптек пригодные для питья алкогольные вещества отпускались лишь по рецептам врачей или удостоверениям врачебных управлений; 6) сохранить продажу денатурированного спирта и других содержащих алкоголь продуктов, не предназначенных для внутреннего употребления[1].

Однако Совет министров не мог прийти к единогласному заключению по вопросу о возможности разрешения с 1 ноября 1914 г. продажи пива. Два члена правительства (обер-прокурор Святейшего Синода

[1] РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 75. Л. 88–94.

В.К. Саблер и министр внутренних дел Н.А. Маклаков) считали, что нет решительно никаких оснований «колебать столь благоприятно сложившееся положение вещей и вновь подвергать народные массы тому соблазну, против которого устоять они не могут. Таким именно соблазном, несомненно, и послужит разрешение продажи пива». Дешевое по цене, привычное для населения, оно в связи с запрещением продажи прочих крепких напитков безусловно сразу же получит весьма широкое распространение. Между тем опьяняющие свойства пива настолько значительны, что потребление его может свести на нет все принятые к утверждению трезвости меры. Как было отмечено в журнале образованной при Министерстве финансов Особой комиссии, бутылка пива с содержанием по объему в 4 % алкоголя соответствует по количеству содержимого спирта 1/200 ведра сорокаградусного казенного вина, а пять бутылок такого пива – 1/40 ведра водки. Но указанное выше количество алкоголя (4 %) содержат лишь некоторые сорта пива, другие же, как, например, так называемые мюнхенское, пильзенское, мартовское, достигают 5,5 %, а портер и эль по своей крепости значительно превышают и эту норму. К тому же, как было выяснено образованной при Министерстве финансов специальной комиссией, потребление пива в связи с существовавшими способами его изготовления оказывало вредное влияние на человеческий организм, притом в мере, далеко превышавшей степень вреда от содержавшихся в нем чистого алкоголя; особенно губительно действовало пиво на сердце, почки и сосудистую систему. Вместе с тем по заключению той же комиссии пиво, обладая свойством возбуждать жажду, развивало неумеренность в его потреблении, что при дешевой продажной его цене являлось весьма опасным для народной трезвости. Также пиво глубоко проникло в рабочую среду и в сельские местности, совершенно вытеснив безвредные напитки домашнего изготовления.

Между тем предполагалось не только разрешить продажу продуктов пивоварения, но и повысить крепость пива по сравнению с принятой Междуведомственными совещанием и Комиссией нормой (2,5 %) до *3,5 %* и даже 3,75 % чистого алкоголя, с сохранением намеченной комиссией еще большей предельной крепости портера и эля (7 %). Мало того, предлагалось выпустить на рынок, без всякой переработки огромных, в сумме свыше 20 млн руб., запасов пива прежней варки, неограниченной и этими пределами крепостью. Предвидя от такой меры самые неблагоприятные, в отношении упрочения начал трезвости, последствия, В.К. Саблер и Н.А. Маклаков считали своим долгом самым

решительным образом высказаться за продление всех существовавших ограничительных в отношении торговли пивом постановлений до окончания военных действий, «не предрешая дальнейших в этой области после заключения мира мероприятий». Они осознавали всю тяжесть материальных потерь, ложившихся на пивоваренную промышленность, но, со своей стороны, полагали, что где затронут интерес общий – приходится жертвовать интересами частными. Бесспорно, пивоваренная промышленность являлась крупным потребителем продукции отечественного сельского хозяйства и давала заработок значительному числу рабочих, приносила немалые суммы в доход Государственного Казначейства. Но все эти соображения были применимы и к винокуренной промышленности[1].

Председатель Совета министров И.Л. Горемыкин и десять его членов (морской министр – И.К. Григорович, государственный контролер П.А. Харитонов, министр путей сообщения С.В. Рухлов, главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин, министр иностранных дел С.Д. Сазонов, Председатель Государственного совета И.Г. Щегловитов, министр торговли и промышленности С.И. Тимашев, министр народного просвещения Л.А. Кассо, министр финансов П.Л. Барк и помощник военного министра В.А. Сухомлинова А.П. Вернандер) полагали, что прочное утверждение трезвости в населении не может быть достигнуто путем одних только запретительных, в области потребления каких бы то ни было крепких напитков, постановлений. Напротив, нельзя было не опасаться, что слишком решительные меры могут привести к совершенно обратным последствиям. Так, с одной стороны, огульное запрещение всех без исключения содержащих в себе алкоголь привычных для населения предметов потребления легко может вызвать недовольство в широких кругах населения и тем самым нарушить столь необходимое между правительственной властью и общественным самосознанием «взаимодействие, при отсутствии коего сколько-нибудь прочное укрепление начал трезвости недостижимо». С другой стороны, нельзя не считаться и с тем обстоятельством, что слишком резкий переход от свободной торговли – как хлебным вином, так и прочими крепкими напитками – к совершенному запрещению продажи каких бы то ни было питей, заключающих в себе хотя бы минимальное содержание алкоголя, повлечет за собой опасное развитие тайного винокурения, со всеми отрицательными его последствиями,

[1] РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 75. Л. 88–94.

не говоря уже о возможности усиленного распространения потребления всевозможных суррогатов спиртных напитков: денатурированного спирта, эфира и т. д.

Некоторая постепенность в деле насаждения трезвости сулила более верный успех, чем коренная ломка вековых привычек широких кругов населения. Поэтому, запрещая продажу хлебного вина, необходимо не было запрещать потребления хотя и спиртных, но менее вредных напитков, способных до некоторой степени заменить в обиходе водочные изделия и тем предотвратить неизбежные в противоположном случае поиски суррогатов хлебного вина. При таких условиях не было достаточных оснований к запрещению продажи пива, являющегося по своей относительной слабости – в сравнении не только с хлебным, но даже и с разрешенным к продаже виноградным вином – почти «безвредным». Тем не менее в видах «вящего предотвращения неблагоприятного для народной трезвости влияния пива» Министерством финансов были намечены некоторые меры, направленные к понижению крепости допускавшихся в продажу пивоваренных изделий, повышению их продажной стоимости, строжайшему контролю за пивной промышленностью и торговлей и установлению для потребления пива условий, препятствовавших возникновению пьянства. При этом И.Л. Горемыкин и те, *кто его поддерживал,* полагали возможным несколько облегчить предполагаемые в отношении пивоварения крайние, по своей строгости, ограничительные постановления. Так, образованная при Министерстве финансов Междуведомственная комиссия хотела понизить крепость выпускавшегося в продажу пива до 2,5 % содержания алкоголя. По мнению «пивного» лобби в правительстве по техническим условиям производства, перевозки и хранения, а также в силу вкусовых требований – приготовление пива такой крепости являлось для тогдашней пивоваренной промышленности, по единодушным отзывам ее представителей, неосуществимым. Поэтому председатель правительства считал необходимым установить нормальную крепость для пива в 3,5–3,75 % содержания алкоголя. Также *И.Л. Горемыкин* не мог не принять во внимание, что на пивоваренных заводах и на складах скопились весьма значительные запасы пива, оплаченные акцизом. Крепость этого пива большей частью не превышало 3–4 % и лишь незначительное количество было с несколько повышенным содержанием спирта. «Надлежащее контролирование степени крепости означенных запасов, разлитых уже и вполне готовых к продаже, представляется, однако же, невозможным.

Вместе с тем и переработка их, в видах понижения крепости до ныне устанавливаемой нормы, является по техническим условиям недостижимой». Поэтому *И.Л. Горемыкин* полагал возможным уполномочить Министра финансов разрешить выпуск на рынок наличных на заводах и складах запасов пива прежних варок вне зависимости от процентного содержания в них алкоголя. По мнению председателя правительства, это являлось жизненным вопросом для нашей пивоваренной промышленности, переживавшей тяжелое положение, так как убыток одних только пивоваренных заводов достигал 80 млн руб.[1]

Учитывая огромное значение винокуренной промышленности для сельского хозяйства и неминуемость ее ликвидации в случае отказа в приеме подлежащего выкурке спирта, – Министерство финансов решило полностью принять от заводчиков все договоренное на 1914 г. и разверстанное на 1915 г. количество спирта, не делая разницы между поставками, основанными на окончательных договорах или на предварительных соглашениях. В соответствии с этим Главному управлению неокладных сборов и казенной продажи питей при почти полном отсутствии сбыта предстояло принять, – сверх имевшихся в наличии запасов в 43 млн ведер – 30 млн ведер спирта поставки 1914 г. и 94 млн ведер разверстки 1915 г.; между тем емкость имевшихся в распоряжении данного Управления помещений допускала возможность принять не свыше 11 млн ведер. В связи с этим министр финансов П.Л. Барк представил свои предположения: 1) владельцам и арендаторам винокуренных и дрожжево-винокуренных заводов предоставлялось право отказаться, полностью или частично, от поставки спирта, при этом в пользу отказавшихся от поставки отчислялось из полученных ими от казны задатков по 15 коп. за ведро сорокаградусного спирта – при выкурке из хлебных припасов и по 25 коп. за ведро такого же спирта – при выкурке из картофеля или кукурузы; 2) льготы не распространялись на заводы, не производившие винокурения в период 1913–1914 гг.; 3) *спирт,* подлежавший *поставке в 1914 г.* владельцами и арендаторами заводов, не пожелавшими *отказаться от таковой* поставки, принимался не позднее 1 января 1915 г; 4) цены варьировались следующим образом: а) от заводов, которым была разрешена поставка не свыше 50 000 ведер (в Сибири – не менее 12 500 ведер) – 35 % с поставки, но не менее половины предоставлявшейся им без разверстки, по назначенным министром финансов ценам, поставки, б) от 50 001 до 100 000 ведер –

[1] РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 75. Л. 88–94.

30 % с предоставлявшейся разверстки и не менее 17 500 ведер от каждого завода, в) от 100 001 до 200 000 ведер – 25 % поставки и не менее 30 000 ведер от каждого завода, г) от заводов с поставкой свыше 200 000 ведер – 20 % поставки и не менее 50 000 ведер по каждому заводу; 5) в случаях, когда подлежащий приемке спирт был, по соглашению с поставщиками, оставлен у них на хранение, – под спирт этот выдавался аванс, в размере 90 % установленной цены; при этом на покрытие трат по оставленному на хранение спирту отчислялось от его стоимости 0,4 % в год; 6) выдача вновь возникающим винокуренным заводам разрешений на поставку спирта в казну по назначаемым министром финансов ценам временно повсеместно прекращалась, за исключением лишь тех случаев, когда строительство заводов было начато еще до соответствующего постановления.

Совет министров согласился с мнением П.Л. Барка о том, что «впредь до окончательного выяснения, в связи с упрочением трезвости в населении, будущего нашей винокуренной промышленности, надлежит избегать таких мер, которые могли бы неблагоприятно на ней отразиться и тем подорвать эту первостепенной важности для нашего сельского хозяйства отрасль производства». Министр финансов объяснил, что «вверенное ему ведомство имеет в виду употребить все зависящие меры к принятию в течение наступающего года возможно большего количества разверстанного спирта». П.Л. Барк считал, что западные государства, потреблявшие значительное количество спирта для технических целей и сократившие во время войны свое производство, «заявят крупный спрос на русский спирт». Таким образом, этот продукт, хотя бы на первое время найдет сбыт даже в том случае, если существовавшее запрещение продажи хлебного вина полностью сохранит свою силу. Далее будут изысканы способы для развития потребления спирта в технических целях. Совет министров предписал министру финансов принимать спирт 1915 г. производства до 1 января 1916 г., с тем, чтобы не менее 1/3 было принято не позднее 1 сентября 1915 г., а остальные 2/3 – в течение последних четырех месяцев[1].

Один из активистов трезвеннического движения Д.Н. Бородин разразился по этому поводу гневной тирадой: «Грозные попытки со стороны пивоваров и виноделов добиться разрешения продажи пива и виноградного вина – угрожают позиции, отвоеванной нами у народного пьянства. Запрещение казенной продажи спиртных напитков должно

[1] РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 76. Л. 68–72.

быть закреплено и по отношению к пиву и виноградным винам и тем более прочно, чем грознее и опаснее они представляются в руках врагов народного отрезвления… Пивовары и виноделы, распространяя в широком масштабе Записку Совета Съезда промышленников с изложением мнения Медицинского Совета о безвредности 3 % пива, основанного на заключении академика Данилевского, добиваются вселить в населении научную неправду о безвредности пива и виноградного вина и тем достигнуть своих, плохо скрытых алчных целей – разрешения продажи этих, якобы безвредных напитков для спаивания русского народа. Попытка эта зловещая, враг трезвости вооружился, а потому все, кому дорого отрезвление русского народа должны мобилизовать все силы, чтобы раздавить врага и доказать всю фальшь и лицемерие мнимых радетелей русского народа… Запрещение должно быть абсолютно и всякое шатание в сторону, всякие вылазки для возврата к пьяному прошлому – нарушение жизненных интересов русского народа. Совершенно непонятны нам колебания в сторону представителей наибольшего стремления вернуть нас к пьяному разгулу и хулиганству. В Петрограде, например, некоторое время ни водка, ни вино, ни пиво не продавалось нигде, кроме первоклассных ресторанов. Затем нашли это почему-то неудобным и пошли на компромисс: из ресторанной продажи изъяли водку, водочные изделия, коньяк, ликеры и крепкие вина и разрешили погребам продавать легкое виноградное вино, а некоторым ресторанам и многоградусное пиво. Спустя короткое время и этот новый порядок подвергся изменению: признали возможным наряду с легким вином допустить и крепкое, до 16 градусов. С нижних ступеней лестницы (легкое виноградное вино), поднялись на средние (крепкие, по большей части фальсифицирования вина), а там, смотрим, из-за хересов, мадер и портвейнов выплывет знакомый призрак водочных изделий, которые также могут быть крепостью не свыше 16 градусов. Ко всему этому, если удовлетворить домогательство пивоваров и допустить продажу их безвредного 3,7 % пива, то знакомая картина пьяного разгула будет блестяще восстановлена»[1].

Таким образом, полного повсеместного запрета реализации алкогольной продукции не было. Распоряжения о полном запрете оборота алкоголя принимались в отдельных регионах России местными властями. В частности в высочайше утвержденном Положении Совета мини-

1 Бородин Д.Н. В защиту трезвости (По поводу домогательств пивоваров и виноделов). Петроград: Типолитография М. Виленчик, 1915. С. 1–3.

стров от 10 октября 1914 г. «О сроках прекращения торговли крепкими напитками по ходатайствам о том сельских и городских общественных управлений» говорилось: «Волостным, гминным, станичным, сельским, селенным, хуторским, аульным и другим заменяющим их сходам и сборам, а в городах и посадах – городским думам и заменяющим их учреждениям, предоставляется возбуждать, установленным порядком, выраженные в законносостоявшихся постановлениях и приговорах, ходатайства о воспрещении в состоящих в их ведении местностях, а также на расстоянии ста саженей от границ означенных местностей, – продажи крепких напитков»[1]. Первыми на эту инициативу откликнулись Петроградская и Московская городские думы, добившись полного прекращения всяких спиртных напитков. Но в целом полная продажа спиртного коснулась только 22 % губернских городов и половины уездных – в остальных была разрешена реализация вина крепостью до 16° и пива. Продажа водки была разрешена в прифронтовой зоне – ею снабжались солдаты и офицеры.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в России произошла победа «сухого», трезвенного движения, причем в самый неподходящий для этого момент – в период первой мировой войны, когда крах российского бюджета был как никогда опасен. Нехватка денежных ресурсов, да еще в период войны – финансовая и, как следствие, военная катастрофа. При этом следует отметить, что бороться с пьянством необходимо, нужно заменить доходы от водки, чем-то другим, что не приносит столь отрицательного последствия, как алкоголь, например доходами от легкой промышленности и т. д. Однако на это требуется длительное время, возможно, десятилетия, так как нужно перестраивать экономику, с помощью антиалкогольной пропаганды изменить психологию людей. Вводить «сухой закон» во время войны, когда торговля водкой приносит четверть годового государственного бюджета – форменное самоубийство. Однако политическая элита России на это пошла. В связи с этим возникает вопрос: почему? Что касается либералов, то здесь нет особых загадок. Они всегда выступали за поражение нашей страны в любой войне: Крымской 1853–1856 гг., русско-японской 1904–1905 гг. и т. д., так как надеялись после проигранной войны продавить очередной проект прозападных реформ. Логика была простая: если мы проиграли войну, то в стране что-то не в порядке, значит, нужно прово-

1 Цит по: Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войною 1914–1915 гг. … Т. 1. С. 331–332.

за правильностью таковой торговли, при ограничении ее исключительно городскими местностями и при полном и безусловном воспрещении торговли водкой и водочными изделиями», – является одним из наиболее верных способов борьбы с развитием тайного винокурения, а также с заметно усиливающимся распространением всяких суррогатов (эфира, одеколона, политуры и денатурированного спирта). Поэтому все внимание должно быть сосредоточено лишь на упорядочении торговли виноградными винами и на мерах настойчивой и беспощадной борьбы с их фальсификацией и подмешиванием алкоголя свыше установленной нормы. Потребление же натуральных виноградных вин, а также легкого пива едва ли может и должно быть воспрещаемо. Нельзя упускать из вида и того обстоятельства, что полное запрещение продажи вина и пива грозит разорением двух немаловажных отраслей народного хозяйства, какими являются пивоваренная промышленность и в особенности виноделие. В южных губерниях, в Крыму, на Кавказе и в Туркестане виноградарством и виноделием живет значительная часть населения; под виноградниками находится свыше 230 тыс. десятин, представляющих ценность в полмиллиарда рублей и дающих ежегодно до 75 млн пудов винограда, две трети которого перерабатывается на вино. Во всяком случае, вопрос о полном запрещении продажи пива и виноградных вин настолько сложен и важен, что разрешить его, в том или ином смысле, может только правительство. Нельзя допускать, чтобы вопросы столь крупного *общегосударственного* значения решались в зависимости от изменчивых и случайных настроений тех или иных *местных* общественных групп, вне общего соображения с интересами обширных районов нашего отечества. Еще менее допустимо, чтобы один и тот же вопрос о продаже легкого вина и пива разрешался различно для соседних местностей, ибо при современной быстроте сообщений такая бессистемность мер борьбы с нетрезвостью ведет лишь к бесчисленным обходам и лишает это важное дело всякого значения и устойчивости[1].

14 апреля 1915 г. было принято постановление Совета министров «О некоторых льготах владельцам винокуренных, водочных и спиртоочистительных заводов и оптовых складов, находящихся вне района казенной продажи питей», которое гласило: 1) предоставить министру финансов в местностях, находящихся вне района казенной продажи питей: а) освобождать винокуренные, водочные, фруктово-водочные, виноградо-водочные и спиртоочистительные заводы, а также оптовые

[1] РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 81. Л. 15–20.

склады вина и спирта, от уплаты акциза за траты спирта, не превышающие 0,4 % в год на все количество находящегося на хранении заводчика или владельца склада продукта, с соответственным уменьшением отчисления на траты в зависимости от числа дней хранения этого спирта и с тем, чтобы применение данной меры допускалось лишь в отношении к опечатанным акцизным надзором запасам спирта; б) освобождать представленные в обеспечение рассроченного акциза спиртоочистительными заводами и оптовыми складами залоги; в) возвращать винокуренным и спиртоочистительным заводам и оптовым складам акциз, уплаченный за спирт, состоящий в наличности в заводских подвалах и оптовых складах, с тем чтобы суммы возвращаемого акциза определялись местным акцизным управлением по соглашению с подлежащей контрольной ставлением предусмотренных пунктами 1–3 льгот, необходимые для обеспечения сохранности спирта меры; 2) отпустить из средств Государственного казначейства, на расходы по возврату акциза, не свыше 2 млн 200 тыс. руб.[1]

Октябрист Н.В. Савич вспоминал, как непросто осуществлялся «сухой закон»: «Наступил страшный 1914 г., немцы объявили нам войну. Первой мерой власти было запрещение продажи вина в момент объявления мобилизации. Эта мера была встречена сочувственно. Все еще помнили пьяные дебоши в момент частичных мобилизаций 1904–1905 гг. Но мобилизация давно кончилась, а мера эта не отменялась… Барк сразу, как только началась война, использовал это обстоятельство для начала осуществления плана введения сухого режима, временная мера начала превращаться в постоянную. Общественное мнение это приветствовало. Когда Барк заговорил открыто о проведении законопроекта, имевшего целью ввести сухой режим навсегда, это известие было встречено сочувственно, особенно на левых скамьях. За эту меру были все левые, все наше духовенство, это уже составляло больше 40 % Государственной думы. Наконец, очень много людей, еще недавно относившихся отрицательно к этой мере, теперь готовы были ее принять. Одни – потому, что считали себя обязанными поддержать меру, предложенную от имени государя и им явно патронируемую, другие – потому, что не хотели создавать конфликта с верховной властью в момент войны. Война резко изменила психологию многих думцев. Думали только о войне, о борьбе с неприятелем, все остальные вопросы, заботы отошли на задний план. Когда же стало известным, что царь очень дорожит законо-

[1] РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 87. Л. 141–143.

проектом, что отклонение последнего создало бы острый внутренний кризис, то большинство депутатов центра махнуло рукой, решило, что создавать конфликт с короной по этому поводу невозможно, что это помешало бы успешному ведению войны. Прохождение законопроекта о сухом режиме вдруг стало вне сомнения. Любопытно, как в это время менялись люди. Приведу, как пример, тот факт, что Председатель Государственной думы Родзянко, еще недавно относившийся скептически к Челышеву, в своей речи при открытии одной из сессий Думы сказал фразу: "И пьянство, павшее по манию царя". Еще более страстным защитником законопроекта вдруг оказался левый октябрист Годнев. Годнев был полной противоположностью Челышева. Маленький, толстый Годнев и по характеру своему больше походил на обрусевшего азиата, чем на славянина. По крайней мере отличительной чертой его была крайняя злобность, его маленькие, раскосые глазки отражали хитрость и злость, даже его симпатии к чему бы то ни было выражались в проявлении лютой ненависти к тому или тем, кого он считал враждебным предмету его симпатии. Он был плохим оратором, занимался главным образом в Комиссии по исполнению росписи, со сметой государственного котроля. Эта работа больше всего отвечала его характеру, ибо самым большим удовольствием его было кого-то ущемить. Теперь он вдруг проникся озлоблением и к винной монополии, и к ее творцам. Как врач по профессии, он считал себя наиболее подготовленным для того, чтобы быть докладчиком по законопроекту, внесенному Барком, о воспрещении продажи и потребления вина. Под его редакторским пером законопроект принял крайние формы, принцип сухого режима доводился до предела, до абсурда. Противники не считали нужным бороться против этих крайностей, они говорили, что прохождение закона обеспечено, что мера эта настолько резко расходится с народной психологией и вековыми нравами населения, является таким ярким примером насилия правительственной власти, что долго она существовать не может. Пока идет война, народ, быть может, будет еще мириться с этим нарушением его понятий и вековых привычек, но затем всеобщее возмущение должно все равно снести эту новеллу. Крайности закона лишь скорее выявят его абсурдность. Таким образом законопроект попал в общее собрание Государственной думы в редакции автора под титулом закона "О воспрещении пьянства навсегда". В таком виде он и был принят. Сухой режим водворился в России. Население тотчас и резко реагировало. Несмотря на сочувственное отношение нашей общественности, поддержку всей

прессы, всюду началось пассивное сопротивление закону. Народ начал пить денатурат, несмотря на массовые случаи слепоты как следствие потребления примешиваемого к денатурату пропилового спирта. Пришлось даже в силу распоряжения принца Ольденбургского изменить состав примесей, чтобы избегнуть этих печальных последствий. В деревнях скоро начали гнать самогон, население отравлялось отвратительным пойлом, вредным для его здоровья и дававшим большой доход распространившемуся шинкарству. Высшие классы тоже пили, находили возможность получать вина в любых количествах, только попойки стоили дороже. Нижние чины, лишенные обычной чарки вина, с завистью и негодованием смотрели на то, как начальство находило возможность выпить каждый раз, когда этого хотело. Словом, с первых же шагов стало ясно, что закон встретил общее противодействие, что ликвидация его вопрос времени. Но скоро начало выявляться еще нечто, чего не ожидали авторы закона. Лишенное привычного напитка население начало роптать – сперва, раздражаться – потом. Энергия, привыкшая находить выход в потреблении алкоголя, должна была направиться по другому направлению. Она и выливалась в усилении того общего недовольства и раздражения низов против верхов социальной лестницы, которые так ярко проявились в момент наступившего революционного движения»[1].

П.Л. Барк полагал, что сторонники «сухого закона» и особенно либералы опасались разворота назад: «Энтузиазм, вызванный императорским указом, постепенно охлаждался, и некоторое беспокойство начало чувствоваться в кругах, особо затронутых запрещением, чувствовалось, что сильное давление будет пущено в ход, чтобы повлиять на министра финансов и изменить его политику, как только война будет окончена. Я чувствовал это беспокойство в особенности среди членов Государственной думы – независимо от принадлежности их к той или другой партии. Депутаты часто высказывали мне сомнения в искренности кабинета относительно запрещения спиртных напитков. Они дали мне понять, что многие из числа членов Совета министров говорили им в частном порядке, что меры, принятые во время войны, слишком строги, чтобы остаться в силе после ее окончания, когда условия станут нормальными. Вопрос должен будет обсуждаться снова, и менее связывающие решения должны будут вводиться. Депутаты настаивали на том, чтобы министр финансов предложил Думе безотлагательно закон, который пояснял бы предположение императорского указа и имел бы постоянный характер. Интересно

[1] Савич Н.В. Воспоминания… С. 136–138.

отметить, что либеральные элементы Думы с наибольшим энтузиазмом поддерживали полный запрет продажи спиртных напитков»[1].

П.Л. Барк пытался образовать Комитет по борьбе с пьянством во главе с А.П. Ольденбургом или С.Ю. Витте, который бы занимался пропагандой трезвого образа жизни, но эта идея провалилась: «Я часто обсуждал этот вопрос с его величеством. Я считал, что самым лучшим было бы это дело разделить на две части. Первое – уменьшить число питейных заведений и, следовательно, уменьшить доход от винной монополии, возместив его из других источников. Второе – это конструктивный план, включающий меры и пропаганду, рассчитанные на перемену отношения русского народа к спиртным напиткам и ослабление его пристрастия к вину. Ясно, что закон только запретительный не может изменить народной привычки, привитой ему в течение столетий. Настойчивые усилия должны быть предприняты в этом направлении для поднятия культурного уровня народа и для обучения его тому, как использовать свои досуги наиболее разумным образом. Об этом моем плане я уже говорил раньше, но считал, что это не дело министра финансов, и поэтому предложил императору создать Специальный комитет, возглавляемый наиболее выдающимися и известными членами Государственнаго совета для выработки разумного плана. Лично я бы приветствовал назначение принца А.П. Ольденбургского или графа Витте в качестве председателя такой организации. Принц А.П. Ольденбургский, хотя и был уже старым человеком, был известен своей неутомимой энергией и упорной деятельностью в различных самых достойных отраслях. Он был инициатором создания и постройки в Петербурге большого здания, известного под название "Народного Дома", где театральные представления давались по доступным для народа ценам. Крупные лаборатории для научных изысканий были построены на его личные средства, и он был попечителем различных учебных заведений и обществ трезвости. Во время войны император поручил ему контроль над всеми госпиталями. Что касается графа Витте, то он не потерял еще ничего от своей прежней энергии и не был доволен той праздностью, на которую он был обречен как член Государственного совета, участвовавший лишь в общих собраниях. Я говорил о моем плане несколько раз с Председателем Совета министров Горемыкиным, который прекрасно знал вопросы гражданского управления. Горемыкин был хорошо расположен ко мне, и мы оба имели взаимное тяготение, потому что были

[1] Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение (Париж). 1965. № 158. С. 81–83.

назначены на свои посты одновременно. Он всегда был готов дать мне совет, но был очень сдержанным относительно запрета вина, так как не был оптимистом по этому вопросу. Он предупредил меня, что будет очень трудно убедить государя назначить Витте. Председателем такого Комитета, какой я имел в виду. Деятельность Витте в течение беспокойного периода после Манифеста 17 (30) октября 1905 г. и до открытия Первой Государственной думы оставила неприятное впечатление у его величества. Его доверие к Витте было подорвано, и Горемыкин не думал, что государь согласится на мое предложение. Естественно, война отодвинула на задний план вопрос о Комитете и общий вопрос об организации борьбы с алкоголизмом»[1].

Вдохновленные благостной картиной отрезвления, члены Московской городской думы на заседании 19 августа 1914 г. подняли вопрос о полном запрете до конца войны всего спиртного – от водки до пива. «В течение месяца, когда приостановлена продажа водки, – задал тон обсуждению председатель собрания О.В. Воскресенский, – по всей России заметны улучшения, которые всем очевидны. Не только у нас в Москве, но и по маленьким городам и деревням замечается, что русский народ как бы переродился, стал более вдумчиво и сознательно относиться к своим обязанностям. Те люди, которые не думали о труде, в настоящее время трудятся. Даже Хитров рынок преобразился: не видно ни нищих, ни полуодетых несчастных, подверженных страсти спиртным напиткам. Поэтому стремление всей России к тому, чтобы продолжить запрещение продажи спиртных напитков до окончания войны, можно только приветствовать». Коллегу с энтузиазмом поддержал гласный Н.И. Астров: «Мы присутствуем при исключительном, небывалом и величественном зрелище. То, с чего начал свой доклад председатель, представляет редкое явление: от целого ряда организаций и общественных кругов мы получили заявление о том, что нужно прекратить продажу крепких напитков. Это – не единичное явление: в этом же зале недавно присутствовали городские головы, собранные со всей России, и единогласно заявили то же самое. Те же городские головы представили об этой печали русской земли государю императору. Заговорила совесть народная, это – общее мнение, это – общая печаль и нужда. Наше постановление будет внушительнее, будет более соответствовать значению, моменту и предмету, если мы из нашего постановления, из нашей формулы исключим все подробности и детали,

[1] Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение (Париж). 1965. № 158. С. 81–83.

т. е. не будем говорить о 1-м или 3-м разряде, не будем перечислять все виды ядов, которыми отравлялась Россия, а постараемся выработать такую формулу, которая разрешила бы весь вопрос. Я бы предложил такую формулу: "Московская Городская Дума ходатайствует о полном воспрещении продажи спиртных, крепких и хмельных напитков". Сюда подойдут все виды, о которых мы говорим». Присоединившись к общему мнению, гласный Н.В. Щенков обратил внимание на явление, мешавшее полному отрезвлению народа: «Московской городской думе следует наконец твердо заявить о прекращении продажи не только водки, но и виноградных вин, а также нужно ходатайствовать о том, чтобы и денатурированный спирт продавался с разрешения полиции. Сегодня мне передавали, что вчера и третьего дня у винных лавок стояли целые вереницы и покупали денатурированный спирт. Нашлись лица, которые умеют уничтожать скверный запах этого спирта: прибавляют в него красный перец, лимонную корку и горячую воду. Люди начинают пить этот спирт, и в эти дни появились на улицах пьяные. В нашем ходатайстве, безусловно, следует указать и на это обстоятельство. Если мы не примем решительных мер против денатурированного спирта, то отравлений будет масса, и пьянство, которое затихло, возвратится еще в большей степени, и мы будем иметь дело с рядом острых отравлений». В конечном итоге городская дума единогласно решила: обратиться к верховной власти с предложением полностью запретить в Москве продажу всех видов спиртного[1].

По инициативе членов Государственной Думы крестьян И.Т. Евсеева и П.М. Макогона в Государственную думу внесено законодательное предложение «Об утверждении на вечные времена в Российском государстве трезвости» (оно так и не было реализовано). В объяснительной записке к законодательному предложению его авторы писали: «Высочайше утвержденным Положением Совета министров 27 сентября 1914 г. городским думам и сельским общинам, а Положением 13 октября того же года – и земским собраниям на время войны предоставлено было право запрещать торговлю спиртными напитками в местностях, находящихся в их ведении. Волею государя право решения вопроса быть или не быть трезвости во время войны было предоставлено мудрости и совести самого народа. Сказка о трезвости – этом преддверии земного рая – стала на Руси правдой. Понизилась преступность, затихло

[1] Кокорев А., Руга В. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М., 2011. С. 211.

хулиганство, сократилось нищенство, опустели тюрьмы, освободились больницы, настал мир в семьях, поднялась производительность труда, явился достаток. Несмотря на пережитые потрясения, деревня сохранила и хозяйственную устойчивость и бодрое настроение, облегченный от тяжкой ноши – пьянства, сразу поднялся и вырос русский народ. Да будет стыдно всем тем, которые говорили, что трезвость в народе немыслима, что она не достигается запрещением. Не полумеры нужны для этого, а одна решительная бесповоротная мера: изъять алкоголь из свободного обращения в человеческом обществе и перенести его в аптеки и специальные склады, как лекарственное средство и продукт, пригодный для хозяйственных и технических целей»[1].

Сущность самого законопроекта состояла в следующем: «Воспрещается продажа спирта, водочных изделий, виноградных вин, пива и прочих содержащих алкоголь опьяняющих напитков. Виновные подвергаются заключению в тюрьме от 4 месяцев до 1 года; во второй раз – заключению в исправительных арестантских отделениях от 1 года до 3 лет; в третий раз – ссылке на поселение. Необходимое для лечебных, хозяйственных и технических надобностей количество всякого рода спирта изготовляется с разрешения и по разверстке правительственной власти и отпускается из аптек, казенных лавок или специальных складов по рецептам врачей или особым разрешениям, выдаваемым общественными учреждениями. Необходимое для лечебных целей и при отправлении богослужения количество виноградного вина отпускается из аптек, казенных лавок или специальных складов, в первом случае – по рецептам врачей, а во втором – по разрешениям, выдаваемым духовною властью. Врачи и вообще лица, пользующиеся правом прописывания рецептов, за злоупотребления в выдаче рецептов из корыстных или иных личных видов, подвергаются лишению практики и заключению в тюрьме от двух до шести месяцев. Содержатели аптек обязаны вести запись об отпуске спирта и вин. За отпуск без соблюдения правил вина и спирта аптекари подвергаются заключению в тюрьме от двух до шести месяцев и лишаются права содержать аптеку и специальные склады. Денатурат и всякого рода материал, изготовляемый на спирте, допускается в продаже только по разрешительным свидетельствам или книжкам. За появление где-либо в нетрезвом виде виновные подвергаются аресту

[1] Цит. по: Мендельсон А. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. Доклад противоалкогольному совещанию Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова в Москве… С. 52.

от семи до тридцати дней, во второй раз – от одного до трех месяцев и в третий раз – тюремному заключению от одного до трех лет. При министре народного просвещения утверждается особый комитет из представителей земских и городских самоуправление, а также представители ведомств для разработки мероприятий для утверждения трезвенных начал в народной жизни и всякого рода содействия начинаниям местных общественных учреждений и организаций»[1].

П.Л. Барк считал, что провести «сухой» законопроект через Государственную думу будет тяжело: «Все национальные усилия были сосредоточены на войне, и мне казалось неблагоразумным поднимать этот вопрос в 1914 г. и в начале 1915 г., однако на мне все же лежала трудная задача приготовить закон, включающий пожелания государя, выраженные в императорском указе относительно продажи спиртных напитков, и провести закон через палаты. В течение второй половины 1915 г. я говорил несколько раз об этом с моими коллегами по кабинету, но мои предположения оставались без ответа. В этот период с 1914 г. было много перемен в кабинете министров и оставалось только два министра из тех, которые присутствовали в Москве, когда император просил правительство высказаться по вопросу об алкоголе. Председателем Совета министров был в то время Горемыкин. Теперь его сменил Штюрмер, который совсем не интересовался этим вопросом. Вследствие этого было нелегко заставить моих коллег обсудить закон, который министр финансов предлагал представить на обсуждение в Государственной думе. Я оказался в трудном положении. Один из моих сотрудников, Хрипунов, который был директором Департамента монополий и косвенных налогов, предложил мне остроумную процедуру. Закон о некоторых изменениях в применении винной монополии, подготовленный моим предшественником и рассматривавшийся сначала Думой и затем в Государственном совете в 1913 г., с тех пор застрял в многочисленных думских комиссиях. Закон дал повод графу Витте, который в свое время ввел винную монополию, с большой силой осудить министерство финансов. Он заявил, что когда ввел монополию, заменившую предыдущий порядок, он имел намерение уменьшить потребление водки и увеличить производительность страны. Когда он покинул министерство финансов, та цель, которую он преследовал при введении монополии, оказалась

[1] Цит. по: Мендельсон А. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. Доклад противоалкогольному совещанию Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова в Москве… С. 53–54.

все же недостигнутой. Дальнейшие усилия министерства были направлены к тому, чтобы увеличивать доход и, конечно, число винных лавок увеличивалось, против желания населения и губернаторов. Граф Витте сравнивал монополию с Мефистофелем, который управлял министром финансов и его сотрудниками и ввел в заблуждение. Государственный совет предложил ввести разные поправки в закон. Затем он был предложен на утверждение Думы, а оттуда опять в парламентскую комиссию. Хрипунов вошел в контакт с одним из депутатов, Годневым, который был страстным поборником запрета и устроил, что закон с большими поправками снова бы поступил на рассмотрение Думы. Я доложил его величеству о всех этих прениях. Государь сказал мне, что он считает, что потребление водки стало настоящим злом в России, но что, с другой стороны, он хотел бы оберечь интересы виноделов, чтобы виноградное вино продавалось при некоторых формах контроля. Я сказал государю, что Дума предполагает предложить облегчения для винодельческих областей России, с тем, чтобы местное производство могло найти сбыт. Я добавил, что французское правительство несомненно выразит неудовольствие, так как ввоз иностранных вин будет запрещен. Окончательное рассмотрение закона состоялось летом 1916 г. и он был утвержден Государственной думой. Я находился в это время в Париже и, как я и предполагал, французское правительство не скрыло своего неудовольствия по поводу изъятия с русского рынка иностранных вин. Министр финансов Рибо, защищая передо мною интересы французских виноторговцев, просил меня приложить все усилия и мое влияние при рассмотрении закона в Государственном совете по моем возвращении в Россию для допущения французских вин на русский рынок. Я сказал Рибо, что охотно исполню его просьбу, но зная настроение верхней палаты в этом деле, сомневаюсь в успехе. Я намеревался предложить некоторые поправки, но не был уверен в согласии Государственного совета. Я не ошибся. Несколько месяцев прошло, прежде чем дело поступило на рассмотрение в Государственный совет. Я вернулся в Россию во время роспуска палат. Новая сессия должна была открыться осенью. Закон же о запрещении продажи спиртных напитков должен был пройти в январе 1917 г. Он поступил на рассмотрение комиссией и прошел единогласно на первом же заседании. Общее же собрание для его окончательного утверждения должно было состояться 27 февраля (12 марта). Но революция положила конец этой благодетельной реформе»[1].

[1] Барк П.Л. Воспоминания… С. 86–89.

В Петрограде и Москве по инициативе местных властей «сухой закон» принял более жесткие формы, чем в целом по империи: с осени 1914 г. установился тотальный запрет на продажу всех видов алкогольной продукции, не исключая виноградное вино и пиво, во всех торговых заведениях, не исключая первоклассные рестораны. Но в то же время в большом городе существовало огромное количество каналов его обхода. Столичные жители очень скоро приспособились к существующим условиям и изобрели огромное множество способов добывать алкоголь для питья легальным, полулегальным, а чаще противозаконным способом, благо непоследовательный, ограниченный, непродуманный закон и аналогичное исполнение предоставляли широкое поле для деятельности. В качестве заменителя водки в ход пошли всякого рода спиртосодержащие жидкости: денатурат, политура, одеколон, «киндер-бальзам», серный эфир и т. д. В обиходе военного времени прочно обосновалось слово «ханжа» – обозначение смеси разведенного денатурата с различными добавками. Например, в Москве на Хитровке, где, по сообщению врачебного надзора, к концу 1914 г. число обитателей ночлежек заметно сократилось, но пьянство не уменьшилось, «ханжу» предпочитали готовить на клюквенном квасе. «Ханжа», уже почти забывшееся народом слово и бывшее отголоском китайской экспедиции и японской войны, где русские имели случай познакомиться с ужасным дальневосточным "ханшином", приобрело популярность на берегах Невы и Москвы не меньшую, чем на Амуре и Печилийском заливе. Многие пили денатурированный спирт, ничем его не сдабривая. В таком употреблении оно носило простые имена: «горючий спирт», «синяя водка». Особенно страстно преданные ему любители звали его ласково: «винотурка» (денатурка – денатурат), т. е. вино, валившее с ног, как лихой турка. Из политуры путем недолгой отгонки изготовлялась «болтушка». Вспомнил народ и давно забытые «бражку» и разные сорта водки «самогонки» и «самосидки»: «Первак», «Друган», «Третьян». От калмыков переняли их мутную, вонючую «кумышку», а также «арыку» из простокваши». Также существовали такие напитки, как «лиссабончик», «союзная мадера», «лапландский антитрезвин», «кишмишевка», «калья-малья». Вместе с названиями новых «вин» в обиходе появились новые глаголы: «Болтухнем, брат, что ли? Н-да, пора "подлиссабониться". Где прежде "хареса размадеривали", теперь станут "винотурку антитрезвить"»[1].

[1] Кокорев А., Руга В. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны... С. 211.

На местах власти, вполне осознавая опасность продажи алкогольных изделий в период проведения мобилизации запасных нижних чинов, применяли репрессивные меры к нарушителям. Но многие торговцы все же стремились выгодно реализовать ходовой товар, пользовавшийся в эти дни повышенным спросом. И несмотря на официально закрытые лавки, запасные при желании всегда находили выпивку. По окончании мобилизации к губернаторам стали обращаться буфетчики и другие торговцы спиртным с просьбой разрешить снова открыть продажу спиртных напитков. Получив отказ, некоторые из них заявляли о добровольном закрытии торговых заведений и прекращении продажи вина, однако сами осуществляли подпольную торговлю. За подобные нарушения власти приговаривали виновных к штрафу 3 тыс. руб. или трехмесячному заключению. Для многих пойманных на нарушении торговцев более приемлемым было второе наказание. Водочные спекулянты предпочитали ограничение свободы финансовой потере, заботясь о сохранении средств и развитии другого бизнеса[1].

Местная экономическая элита в лице крупных торговцев предпринимала попытки саботажа сухого закона в органах местного самоуправления. Губернаторы и акцизные чиновники получили дополнительные указания удовлетворять все просьбы населения о запрете на торговлю спиртным. Разрешение «принимать решение на местах» относительно винной и пивной торговли было отчасти продиктовано реалистичной позицией правительства, которое считало, что полный сухой закон может работать лишь при поддержке населения. Региональные городские думы не имели единой позиции по запрещению продажи алкогольных напитков. На деле это привело лишь к усугублению ситуации с продажей алкоголя: виноградные вина разбирались публикой нарасхват, несмотря на высокую цену – 20 руб. ведро. Жители и торговцы начали изготавливать на основе виноградных вин суррогаты, сдабривая их табаком или другим дурманом.

Для привыкших в выпивке актуальным являлось не теоретизирование о вредности или полезности водки, а поиск ее заменителей. Повсеместно регистрировалось потребление различных суррогатов. Участились и случаи отравления этими алкогольными аналогами, которые, по отзывам современников, уже в сентябре 1914 г. стали бытовым явле-

[1] Щербинин П.П. Алкоголь в повседневной жизни российской провинции в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестн. Челяб. ун-та. Сер. История. 2003. № 2. С. 62–72.

нием. Самым популярным «опьянителем» стал денатурат. Вообще денатурированный спирт предназначался для освещения и отопления. Спрос на него определялся и потребностями беженцев, которые использовали его в домашнем обиходе в качестве согревательного и осветительного материала, но главным было все же употребление его населением в качестве напитка в сдобренном различными ослабляющими его вкус и запах веществами. Несмотря на все меры властей, денатурат все же попадал на рынок, продаваясь там тайно по немыслимой цене – до 60 руб. за ведро. Часто пили бражку, смешивая ее с денатуратом, отчего, по признанию одного из выпивох, «Целую неделю ходил без памяти. Кругота в голове. Идешь и не знаешь куда, а ляжешь – не поднять ни заду, ни головы. Не дай бог, кто ее и пьет». Одна из женщин, бывших в услужении у священника, рассказывала, что когда она сходила в акцизное управление и взяла по специальному разрешению денатурат, то по дороге к ней, увидев бутылку, приставал крестьянин, умолявший продать эту бутылку за любые деньги, давая 3–4 цены сверху. Отмечались случаи, когда прислуга промышляла тем, что, выкрав несколько талонов на получение денатурата, перепродавала их особо «страждущим». Иногда пьяницы давали прислуге разбитую бутылку, предлагая купить целую, а «барыне» объяснить, что разбила и что купит новую на свои деньги. Часто прислуга просила платить ей жалованье не деньгами, а денатурированным спиртом. Имелись и специальные посредники, которые, состоя вне подозрения, получали право на покупку денатурированного спирта с исключительной целью его перепродажи по более высокой цене. В Московских казенных лавках денатурат продавался легко: около лавок всегда можно было встретить лиц, продававших за 20–25 коп. талоны на его покупку[1].

Денатурат использовали даже в армии. Прапорщик Д.П. Оськин рассказал об одном из способов очистки денатурата. Об этом ему сообщил его сослуживец: «"Сильно портят противогазы... Знаешь, кто портит?". Боров осмотрелся кругом и, приблизив лицо ко мне, шепотом произнес: "Командный состав армии портит". "Что ты чушь мелешь?". "Не чушь, а факт. По армии издан приказ: замечено, что солдаты во многих частях используют противогазы для очистки через активированный уголь, в них содержащийся, денатурата, лака и других спиртовых суррогатов. Предлагается командному составу установить наблюдение и не

[1] Щербинин П.П. Алкоголь в повседневной жизни российской провинции в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. ... С. 62–72.

использовать противогазов для очистки спиртовых суррогатов". "Ну что ж, приказ вполне законный". "Эх, какой ты дурень! Сразу видно – кацап. У нас в полку никто этим не занимался, так как никто не знал, что противогаз может служить хорошим фильтром для очистки денатурата, а как прочли приказ, теперь все, кто достает денатурат, очищают его через противогаз. Понял?"»[1].

Способы добывания алкоголя были самыми изощренными. Например, работники винокуренных заводов наливали бражку в свои карманы, а потом, выйдя их завода, отжимали и пили ее. Другие процеживали денатурат через горячий черный хлеб, обрезав у него корки, потом кипятили его в самоваре с гвоздикой, корицей, луком или с лимонной кислотой. Часто бутылку денатурата смешивали с двумя бутылками воды и пили. Такой напиток приводил к галлюцинациям, временному помешательству, но пьяницы не могли удержаться от денатурата, даже рискуя ослепнуть или умереть. Власти приказали даже наклеивать на емкости с денатуратом этикетки, разъясняющие его пагубность, но это мало помогало. Потребление всевозможных суррогатов в деревне и городе резко отличалось. В то время как в деревне охмеляющим напитком служили почти исключительно изготовляемые домашним способом изюмовый квас, брага и самогонка, городские жители предпочитали всевозможные суррогаты в виде одеколона, эфира, политуры, лака и денатурированного спирта, который потреблялся преимущественно в смеси с квасом или фруктовой водой. Жителям городов, привыкшим к алкоголю, пришлось вместо водки употреблять древесный спирт, киндербальзам и другие спиртосодержащие препараты, которые продавались в аптеках.

Для якобы лечебных целей в аптеках (цены на препараты с содержанием алкоголя в аптеках в первый месяц войны выросли на 25 %) можно было приобрести некоторое количество алкогольных напитков – спирт, водку, коньяк, виноградные и фруктовые вина; спиртосодержащих лекарственных препаратов – гофманские, калганные, анисовые капли, детский и рижский бальзамы и все прочие препараты, приготовленные на спирту. Без рецепта можно было получить не более 15 г лекарственных средств для приема внутрь и не более 30 г для наружного употребления. Все остальные препараты из аптек выдавались покупателям исключительно по рецептам, заверенным печатью и подписью врача. Оговаривалось и предельное количество веществ, отпускаемых

[1] Оськин Д.Р. Записки прапорщика. М.: Воениздат, 1998. С. 15.

аптеками в одни руки: винный спирт – не свыше 200 г; коньяк, ром, французская водка – не свыше 150 г, или 1/4 бутылки; крепкие виноградные вина – не свыше 400 г, или 1/2 бутылки; легкие виноградные вина и шампанское – не свыше одной бутылки. Врачи «широкой рукою подписывают рецепты на спирт и крепкие напитки, выписывают последние в значительных количествах, якобы для надобностей лазаретов и лечебниц (где они совершенно не нужны), используя их для себя, своих друзей и знакомых. Многие предприимчивые представители этой почтенной профессии сделали из выписки рецептов на алкоголь источник дохода и неплохо на этом заработали[1].

Получив рецепт у врача за материальное вознаграждение или по причине реального недуга, обыватель направлялся в аптеку. Причем между так называемыми «врачами-кабатчиками» и аптекарями со временем установилась взаимовыгодная связь: спирт можно было получить во всякое время и в любой аптеке, если обратиться к «их» врачу. Тот брал за визит 3 руб. и прописывал рецепт на спирт и еще на какое-нибудь лекарство, которое стоило около 4 руб. Таким образом, 200 г спирта (бутылка водки) обходились в 7 руб., что было недорого: другие способы требовали более существенных материальных затрат. Горожанам, не посвященным в эти тонкости, приходилось отстаивать огромные очереди, часто безрезультатно, потому что вина, коньяки, спирт, да и лекарственные средства на спиртовой основе заканчивались молниеносно. Излюбленным «напитком» обывателей среднего достатка становился одеколон. Приобрести его можно было в аптеках и аптекарских магазинах поначалу практически беспрепятственно. Одеколон этот, пользовавшийся особым спросом городских обывателей, обладавший слабым запахом и весьма умеренной крепостью, вытеснил на многих парфюмерных заводах всю остальную продукцию[2].

Впоследствии местным властям пришлось запрещать продажу одеколон, который можно было пить. Например в «Русских ведомостях» была такая статья: «Вчера и третьего дня по распоряжению градоначальника генерал-майора Е.К. Климовича чинами полиции был опечатан в лавках одеколон, годный для питья. Одеколон этот был выпущен в продажу московскими фабрикантами и в изобилии закупался крупными и мелкими аптекарскими магазинами, а также писчебумажны-

[1] Чагадаева О.А. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны. По материалам Петрограда и Москвы. М., 2016. С. 131.

[2] Там же. С. 132.

ми и табачными лавочками, в которых разрешена продажа цветочного одеколона и владельцы которых, воспользовавшись этим, ввели у себя в продажу одеколон не цветочный, а годный для питья (без запаха, без эфирных масел и бесцветный, не дававший белой мути при смешивании с водой). Вчера такой одеколон был изъят из продажи, причем все имевшееся в наличности количество одеколона было опечатано и оставлено под расписку владельцев магазинов у них на хранении»[1].

Несмотря на это, спрос на одеколон продолжал расти. «В числе разного рода суррогатных спиртных напитков, усиленно потребляемых ныне населением, одно из первых мест принадлежит, бесспорно, одеколону, спрос на который за истекший год, по имеющимся сведениям, заметно увеличился», – констатировал Департамент полиции в январе 1916 г. Был сделан запрос о количестве спирта, отпущенного парфюмерным заводам в 1913 г. и 1915 г. Для выделки парфюмерных и косметических изделий, согласно сведениям управляющего акцизными сборами по Московской губернии, московскими казенными винными складами отпущено было ректификованного спирта: в 1913 г. – 201 270 225 ведра в 40°, в 1915 г. – 3 039 588 625 ведра. Таким образом, в Московской губернии в военное время спрос на одеколон увеличился на 50 %. Особенно интересен тот факт, что в Москве и Петрограде на протяжении всего военного времени в большом количестве открывались все новые и новые косметические и парфюмерные заводы, несмотря на то, что одеколон вряд ли можно отнести к продуктам первой необходимости.

Искали и легальные способы добычи алкоголя. В акцизные управления поступали многочисленные просьбы выдать водку для «технических надобностей»: духовенство просило ее для очистки куполов и для сладких пирогов, парикмахеры для приготовления из спирта духов, свечной завод для изготовления свечей, помещики для обтирания собственного тела и лошадиных ног, военные просили спирт для перевязки раненых. Вероятно, водка находила другое применение, однако такие выдачи продолжались. Для лечения больных в военное время должны были выдаваться специальные разрешения губернатора на получение по рецептам коньяка, рижского бальзама или спирта для лечебных целей. Однако и эти преграды обходились нуждающимися в алкоголе, когда удавалось договориться с аптекарями или врачами.

В целях опьянения использовались и, казалось бы, совершенно «несъедобные» вещества. Так, сухой спирт, на покупку которого осо-

[1] Русские ведомости. 1915. 14 июля.

бого разрешения не требовалось, так как его «невозможно без помощи лаборатории привести в жидкое состояние», все же умудрялись употреблять внутрь. «Потребители» его разогревали и после того, как он расплавится, смешав с квасом, выпивали. Иногда спирт, действительно, не поддавался плавлению и при нагревании только размягчался, но любители спиртом этим, как маслом, намазывали хлеб и с удовольствием съедали. Съеденная «сухая ханжа» вызывала такое же опьянение, как и выпитая. Особо отъявленные пьяницы по всей стране изобретали различные примеси для достижения более «качественного» опьянения: «В омскую химическую лабораторию поступает много образцов браги домашнего изготовления. В пробе, присланной из Иссык-Куля, обнаружен гашиш... В некоторых рудниках Пермской области был обнаружен такой суррогат водки: смесь красного вина с раствором динамита и курительной махорки»[1].

Алкоголь превратился во что-то наподобие «валюты», без которой не решалось ни одно дело. Прапорщик Д.П. Оськин описал одну историю: военным потребовался вагон и они обратились к начальнику станции: «"Голубчики, все разбито, требует ремонта. Мастерские не работают, к тому же сейчас рождественские праздники". "А если мы сами организуем ремонт вагона, то вы нам позволите воспользоваться?". "Пожалуйста". "Может быть, вы дадите нам записочку, к кому можно обратиться с вашим разрешением". "Сделайте одолжение". Начальник станции набросал записку к какому-то мастеру. Узнав, где его найти, мы отправились по путям в небольшие мастерские. Мастерские пусты. Старшего слесаря нам удалось разыскать в небольшой будочке шагах в двухстах от мастерских. Он сидел в компании двух рабочих, они выпивали. Услышав нашу просьбу о ремонте вагона, мастер воодушевился: "Сколько платите?". "А сколько хотите?". "Три бутылки коньяка, и через три часа вагон будет готов". "Отлично. А где можно найти коньяк?". "Это, голубчики, вы уж сами ищите. Если бы я знал, то и без вас бы выпил". "Делайте, мы принесем". "Как принесете, так и делать начну". Пошли обратно в город. "Знаешь что, – сказал я Святенко, – по-моему, коньяк можно достать у Вулкамича. У него в гостинице наверняка запасы имеются". Приходим к Вулкамичу: "Для того чтобы вагон был прицеплен, его надо смазать, а смазка требует не менее пяти бутылок коньяка. Не можете ли вы нам одолжить?". "Дешево вам обходится выезд.

[1] Чагадаева О.А. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны. По материалам Петрограда и Москвы… С. 135.

А не думаете, что кроме кишиневской станции вам придется смазывать и на других?". "Возможно", – согласились мы. "Вы были приличными постояльцами и становитесь еще более приличными, поскольку покидаете мою гостиницу. Я вам с удовольствием дам, понятно за плату, пять бутылок коньяка и на всякий случай четверть спирта". "Очень вам благодарны"... С тремя бутылками коньяка мы снова отправились на вокзал. Мастер и бывшие с ним двое рабочих немедленно взяли инструменты и отправились вместе с нами разыскивать подходящий вагон. Через четыре часа вагон был готов. Осталось найти технического надсмотрщика, который засвидетельствовал бы пригодность его для движения. Пришлось и ему дать немного спирта»[1].

Начиная с осени 1914 г. из деревни стали приходить почти ежедневные сообщения, что тяга к опьяняющим напиткам в русском народе не умерла. Например, село Лунино Мокшанского уезда Пензенской губернии всегда славилось своим пристрастием к водке, и после запрещения виноторговли здесь стало развиваться квасоварение. В Лунине квас варился бочками до 80 ведер, каждая чайная продавала квас по 40–60 ведер за базар. Некоторые занимались оптовой торговлей и варили его до 100 ведер к каждому базару. Что же пили в деревне? Обычно изготавливали брагу, добавляя в нее куколь, варили квас под названием «воронок», в который добавлялся отвар табака. В обиход также входил «сычной квас», он изготовлялся из отбросов при промывке пчелиной вощицы. Отличался он сильным опьяняющим свойством, что 2–3 стакана валили с ног даже сильного, здорового человека. Обыкновенный хмельной квас приготавливался из воды с примесью пшеничной муки, дрожжей, сахара и хмеля. А некоторые добавляли туда для крепости денатурированный спирт и табак. Хмельной квас вошел в широкое употребление в деревне. Прежде всего, в праздники квасом упивалась молодежь и алкоголики. О положении «пьяного вопроса» в деревне можно было судить по письмам обывателей, поступавших в редакцию газет. Например, житель села Дарьино Саранского уезда сообщал: «Прежде всего, в каждой деревне есть 2–3 шинка, которые снабжают все население деревни медовым квасом. Новобранцы гуляют по целой неделе, при их проводах готовится большое количество кваса, еще добавляют туда табак с перцем, чтобы крепче был». «В нашем Наровчатском уезде на смену водки явилась пьяная бражка. Пьют почти поголовно. Бабы не отстают. Особенно распространена бражка в с. Кавендре. Продают

[1] Оськин Д.Р. Записки прапорщика... С. 188.

по 1 руб. 50 копеек за четверть. Один ухитрился за Рождество продать 12 ведер. Как-то посадили двух баб на 1 месяц под арест, но они не тужат, у них в семье еще свекровь осталась, она теперь занимается варкой и продажей», – писал местный житель. Сообщение из с. Голицино Нижнеломовского уезда: «Стали изобретать «самогонку» – самодельный спирт. В близлежащих селах почти в каждом доме занимаются добыванием «самогонки», и не только для себя, но и на продажу, за 1 бутылку по 1 руб. или по 1 руб. 50 коп. Когда полиция все же стала преследовать этих винокуров, они из домов сбежали в лес. Около города есть гора, покрытая лесом, там устроили несколько «винокуренных заводов». Вырывали яму – «горонок», ставили котел и горшок и дело готово, сообщает корреспондент Вестника Пензенского земства[1].

Радовало то, что в воюющей с нами Германии с алкоголем были тоже проблемы. Так, «Русские ведомости» писали: «Нашим врагам тоже приходилось несладко. Летом 1915 г. в Германии разразился пивной кризис. Из германской действительности. Пивной кризис. "Кельнер, кружку пива!". "Простите, пива нет". "Как нет? Что такое? Так еще рано, а пиво уже вышло?". Такую картину из берлинской жизни рисует "Berliner Tageblatt" в начале июля. "Владелец пивной с радостью отпустил бы сколько угодно пива, если бы только у него было пиво, – продолжает газета, – Давно уже надвигался на Берлин роковой час, и теперь он настал. Нехватка пива становится для нас фактом. А лето, как нарочно, такое знойное, такое засушливое. Вечно синее небо, жгучие лучи солнца, – и жажда непомерная». Еще с первого марта производство пива сокращено в Германии на 40 % ради экономии в ячмене… Для армии пиво требуется действительно в громадном количестве: в Баварии реквизируется 20 % производства; в других частях Германии пиво для армии пока закупается, но ходят слухи, что и здесь скоро придется прибегать к реквизиции"»[2].

В октябре 1916 г. Совет министров решил запретить свободную продажу денатурата. П.Л. Барк в преамбуле Постановления указал: «Воспоследовавшее с объявлением мобилизации повсеместное воспрещение продажи вина, спирта и водочных изделий, благотворно отразившись на всей хозяйственной жизни страны, в то же время, однако,

[1] Юдин С.О. Реализация антиалкогольной политики в Пензенской губернии в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. – февраль 1917 г.) // Первая мировая война в истории российской нации. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. С. 187–191.

[2] Русские ведомости. 1915. 15 июля.

повлекло за собой довольно значительное развитие в некоторых слоях населения потребления всякого рода суррогатов спиртных напитков и в том числе, между прочим, приготовляемых из спирта и отбросов спиртоочистительного производства лака и политуры. Озабочиваясь возможным пресечением указанного явления, министр финансов приходит к заключению о необходимости положить предел свободной продаже означенных изделий, поставив таковую под ближайший контроль чинов акцизного надзора». Наряду с этим П.Л. Барк предложил: «В видах действительного соблюдения проектируемых правил отпуска спиртосодержащих лака и политуры, равно как и воспрещенного уже к свободному обращению денатурированного спирта, установить надлежащую денежную, за нарушение соответствующих постановлений, ответственность».

Данное постановление гласило: 1) продажа лака и политуры, приготовленных из спирта или отбросов спиртоочистительного производства, допускается, по предварительному в том заявлению местному управляющему акцизными сборами: а) из лавок, открываемых для продажи только этих изделий, б) аптекарских магазинов, в) москательных лавок. Министром финансов по ближайшему с министром торговли и промышленности соглашению может быть разрешаема в отдельных местностях продажа означенных изделий, с соблюдением требования предварительного о том заявления управляющему акцизными сборами, а также из других, кроме перечисленных торговых заведений; 2) министру финансов предоставляется: а) издавать правила о порядке учета и хранения на лаково-политурных заводах и в торговых заведениях лака и политуры, изготовляемых из спирта или отбросов спиртоочистительного производства, а также о передвижении этих изделий из данных заводов в торговые заведения и из одних заведений в другие, б) определять условия отпуска лака и политуры, с допущением свободной их продажи, отпуска по особым личным разрешениям, либо на иных основаниях; 3) должностным лицам акцизного надзора предоставляется право свободного доступа во все торговые заведения и склады, в которых производятся продажа или хранение лака и политуры; 4) владельцы или арендаторы заводов и заведений, виновные в нарушении изданных министром финансов правил учета, хранения, передвижения и отпуска, изготовленных из спирта или отбросов спиртоочистительного производства лака и политуры, а также денатурированного спирта, подвергаются: в *первый* и *второй* разы – денежному взысканию в размере не

свыше ста рублей, и в *третий* раз – денежному взысканию в размере не свыше ста рублей и, сверх того, лишению права на получение спирта и отбросов спиртоочистительного производства для изготовления лака и политуры, а равно денатурированного спирта, и на торговлю означенными изделиями[1].

Многие недостатки, которые были свойственны русскому населению Европейской России, в Сибири приобретали еще более существенный размах. Это касалось и пьянства, которое в Сибири развивалось более значительными темпами. Причин для этого было много: 1) уголовная ссылка, из которой формировалась существенная и не самая лучшая (в смысле потребления алкоголя) часть населения; 2) географическая удаленность от метрополии и масштабы самой окраины, что ослабляло «присмотр» за населением со стороны полиции и церкви; 3) относительно высокий, по сравнению с крестьянством центра страны, уровень жизни, позволявший тратить на алкоголь больше средств; 4) Челябинский тарифный перелом, который ставил барьеры на вывоз сибирского хлеба за Урал, что, в свою очередь, создавало переизбыток зерна в Сибири, которое в результате шло на производство водки; 5) отсутствие хороших дорог между центрами производства зерна и рынками его сбыта, толкавший местных крестьян, которым было экономически невыгодно везти зерно на продажу (дорожные издержки себя не оправдывали), также производить водку домашним способом у себя в хозяйстве; 6) тяжелое материальное положение переселенцев (особенно в столыпинский период), многие из которых пошли по пути нелегальных заработков, производя кустарную водку на продажу. Особенно этим делом злоупотребляли переселенцы из западно-российских губерний, где особенно было развито сельскохозяйственное винокурение[2].

В целом «пьяный» вопрос в Сибири всегда стоял остро, но особенно он усилился во второй половине девятнадцатого века. Так, по свидетельству Канского уездного исправника И.А. Хмелевского (Енисейская губерния), в данный период сибирскому мужику «жить было можно: земли было вволю, леса сколько угодно, рыбная ловля, звериный и ореховый промысел – некий клад; заработки на золотых промыслах – бешенные, а главный Сибирский тракт – дойная корова». Благодаря этому «денег в народе была масса; от избытков все находились как в чаду, а в воздухе стоял какой-то неумолкаемый и безалаберный гул». Одна-

[1] РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 120. Л. 69–70.

[2] А.Б. Самогонка // Сибирская деревня. 1914. № 11. С. 10.

ко прошло время, и все изменилось: «в земле ограничили, пользоваться бесконтрольно лесом стало нельзя, кедровники сами же истребили, зверь ушел в глубь тайги, на золотых промыслах домывают последние «жилы», а о главном почтовом тракте (после строительства Транссибирской магистрали – *прим. автора*) осталось одно воспоминание». Таким образом, «золотое» время прошло, все «денежные избытки» были пропиты и «ушли в кабак», однако «неудержимая наклонность к пьянству» осталась. Кабаки же (несмотря на экономические трудности) не только не исчезли, но и «возросли в числе, а операции их расшились», даже в самые неурожайные годы они работали с прибылями. Основания для этого были следующими: 1) кабак был практически единственной «утехой» в деревне и его посетителями часто были местные «почтенные лица и заправилы»; 2) по финансовым оборотам этих злачных мест податные чиновники могли судить о благосостоянии крестьян (если дела в них шли плохо – значит, население действительно обнищало, а если – хорошо, а налоги при этом задерживались, то делался вывод, что происходило это намеренно и, соответственно, предпринимались необходимые меры для того, чтобы заставить крестьян уплатить недоимки); 3) каждый год бывало по 2–3 «съезжих» (старинный местный обычай) праздника, каждый из которых длился по три дня; 4) свадьбы (даже на самом бедном мероприятии данного типа выпивалось по 5–6 ведер сивухи); 5) традиция пить на сельских сходах или после окончания их работы (здесь пропивалось от 100 до 500 руб. в год), где даже существовали тайная статья и специальные «сальные» книги (тщательно скрывавшиеся от государственных чиновников), в которых записывались расходы на водку и «сладкие заедки»: конфеты, пряники, осетрину; 6) привычка оплачивать чьи-либо услуги водкой (нанять ямщика стоило ведро водки, сельского писаря – два ведра, выдать приговор сельского общества или удостоверение – ведро, принять или уволить крестьянина из общества – ведро или два) и благодарить за предоставление работы (например, пастухи, нанимаемые сельскими сходами, обязаны были «выставить по ведришку»)[1].

Только по официальной статистике, в 1906 г. в Сибири было выпито 6 046 000 ведер водки, в 1907 г. – 5 986 000, в 1908 г. – 6 385 000, в 1909 г. – 6 403 000, в 1911 г. – 6 188 000, в 1912 г. – 6 546 000. В целом потребление алкоголя в Сибири была несколько выше, чем на терри-

[1] Записка канского уездного исправника И.А. Хмелевского // Енисейская губерния. СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1903. – С. 117–121.

тории Европейской России. Так, по данным за 1908–1910 гг., среднее потребление на одну населения в центре страны составляло 0,595 ведра водки, а в Сибири – 0,713. При этом Западная Сибирь на душу населения (Тобольская губерния и Акмолинская область – 0,619 ведра, Томская губерния и Семипалатинская область – 0,633) потребляла алкоголя несколько меньше, чем Восточная (Забайкальская область – 0,620 ведра, Енисейская губерния – 0,761, Иркутская губерния и Якутская область – 0,864). Даже в голодный для Сибири 1911 г. тенденция опережения в «пьяном» вопросе центра страны (хотя и в меньшем масштабе) сохранялась. Так, в этом году на территории Европейской России было выпито 84 124 498 ведер водки или 0,603 ведра на душу населения, а в Сибири – 6 189 835 и 0,633 соответственно. Статистика тех дней показывала, городское население Европейской России выпивало водки в 5 раз, а столичное – в 7 раз больше, чем деревенское. Например, за период 1904–1908 гг. в городах центра России пропивалось в среднем на душу населения по 12 руб. 07 коп. в год, в уездах – 3 руб. 66 коп. Такая же тенденция сохранялась и в Сибири. Так, за тот же период в сибирских городах на спиртное было потрачено 25 руб. 47 коп. в год, в уездах – 5 руб. 83 коп.[1]

Таким образом, сибирское потребление спиртных напитков на душу населения имело тенденцию «расти по направлению к востоку». Происходило это по следующим причинам: 1) в Забайкальской области заканчивалась территория, на которую распространялась казенная винная монополия и дальше продажа водки находилась в частных руках. В связи с этим алкогольные напитки здесь продавались не только в специализированных заведениях, а и в винно-бакалейных лавках, т. е. практически везде; 2) близость границы с Китаем, которая составляла до 3 тыс. км и охранялась всего 200 объездчиками и 50 контролерами, спровоцировала ввоз в российские пограничные области контрабандного спирта из Маньчжурии. Этот спирт был очень дешевым и поэтому пользовался популярностью среди населения Сибири. Причем причиной резкого увеличения спирта из Маньчжурии послужили неумелые действия российского правительства, которое при строительстве Транссибирской магистрали решило завоевать новые рынки сбыта и стало выдавать премии за вывоз спирта в Китай для их «внутреннего» употребления. При этом почти весь ввезенный в данную страну спирт «сте-

[1] Д.С. «Пьяный» вопрос // Сибирские вопросы. 1912. № 9–10. С. 7–21; Морозов К. Текущая жизнь (Борьба с «зеленым змием») // Сибирские записки. 1917. № 1. С. 89–109.

кался» в Маньчжурию. Китайцы, в свою очередь, решили отправить данный спирт обратно в Россию, и, используя контрабандистов, они наладили поставку этого «русского иностранца» на нашу территорию. Из центра контрабанды, г. Харбина, ежегодно в Приморскую область вывозилось 750 000 ведер спирта, а в Забайкальскую – 270 000. Вместе с тем следует отметить, что Западная Сибирь (из-за значительно большего количества населения) по общему количеству в целом потребляла около двух третей приходившейся на Сибирь водки. Например, за 6,5 лет (в 1906–1912 гг.) она пропила 387 656 000 руб. В восточных районах Азиатской России чемпионом по потреблению алкоголя был Приамурский край, где за тот же период времени полмиллиона населения потратили на спиртное 57 330 000 руб.[1]

Пьянство в этот период было распространено не только среди русских, но и среди нерусского населения. В частности, согласно данным корреспондента «Сибирской деревни» А. Макарова: «Пьянство среди инородцев Минусинского уезда процветает. Каждое торжество, каждый праздник не проходит без приношения обильной жертвы "пьяному богу веселья". Умер кто-нибудь в семье инородца, нужно свершить поминки. Сейчас же начинают «сидеть» домашнюю водку из хлеба, «самосядку», которую обыкновенно приготавливают в большом количестве. Известие об этом быстро распространяется по всему улусу, и любители выпить понемногу сбираются в юрту усопшего. Здесь начинается попойка, пьют все без исключения, от малого до великого. Когда запас "самосядки" иссякнет, начинают ходить из юрты в юрту, ища водки и продолжая попойку». Когда в русских деревнях и селах устраивались базары, то в этот день, согласно А. Макарову, «бывает невозможно пройти по улицам, особенно около монополии (места продажи водки – *прим. автора*). Инородцы берут в винной лавке водку и затем размещаются на улице, на земле и начинают попойку. Крики и звуки заунывных татарских песен оглашают воздух»[2].

Царское правительство предпринимало попытки спасти некоторые нерусские народы от пьянства. Логика была следующей: «водка вредна инородцу, следовательно, ему не нужно ее давать; кулаки, спаивая дикарей, обирают их – нужно воспретить им торговать водкой; если они ухитряются делать это вопреки воспрещению – нужно воспретить

[1] Морозов К. Текущая жизнь (Борьба с «зеленым змием»)… С. 89–109.

[2] Макаров А. Пьянство среди инородцев Минусинского уезда // Сибирская деревня. 1914. № 20. С. 14.

им ездить в землю инородцев». В связи с этим 6 июня 1904 г. было Высочайше утверждено мнение Государственного совета, согласно которому с 1 июля 1904 г. ввоз и продажа вина на территорию Туруханского края была строго запрещена. Однако уже через несколько лет оказалось, что «легко было издать запрещение, но трудно его выполнить». Количество водки в данной местности не уменьшилось: летом ее везли «на всех сплавных судах», зимой – «зимником на подводах». Надзор за ее провозом отсутствовал (не учреждать же таможню!); единственной мерой пресечения данного явления были обыски, которые иногда устраивали урядники. Но по мнению корреспондента журнала «Сибирские вопросы» В. Анучина, это было «одной комедией – урядник один на 700 верст и против него все жители поголовно, немного нужно хитрости, чтобы провести этого Шерлока..., где есть два или три русских дома, тут есть и кабак. Водку можно достать всегда и в любом количестве. Только один раз случилось, что на масленице водки не хватило, но и тут подоспел купец и "выручил"... Злосчастный инородец, в заботах о котором издано запрещения, пить не перестал, но платит дороже. Прежде, чтобы напиться до зеленого змия, ему нужен был один руб., теперь – три». Большинство туруханских инородцев (енисейцы, бишинцы, карасинцы, тазовцы и др.) были доведены до такой степени нищеты, что пропивать могли только ту пушнину и рыбу, которую утаивали от своих "обставителей" купцов. Последние получали все меньше доходов и давали инородцам все менее значительные кредиты. В результате этого инородцы вынуждены были «терпеть лишения: зимой... и летом они урезывают себя в пище и сидят впроголодь, чтобы достать лишнюю бутылку водки». Таким образом, от этого положения выиграли только торговцы алкоголем, так как после введения «сухого закона» на территории Туруханского края их прибыли выросли в 2–3 раза[1].

В 1914 г. после введения «сухого закона» торговля алкогольными изделиями была прекращена. На территории Европейской России возникла целая отрасль подпольного самогоноварения. Такая же ситуация была и в Сибири, где самогоноварение особенно внушительными темпами развивалась в глухих таежных губерниях, откуда «хоть тридцать лет скачи, ни до какого государства не доскачешь». Например, по свидетельству одного из инструкторов по кооперации Мариинского уезда Томской губернии, в данной местности был, что ни дом, то завод для

[1] Анучин В. «Пьяный» вопрос в Туруханском крае // Сибирские вопросы. 1909. № 22. С. 14–19.

производства самогонки: «Гонят в тайге, гонят на пашнях и в банях... Урядники берут от 10 до 25 руб. за сокрытие и не составление протокола. В местной «потребилке» (потребительском кооперативе – *прим. автора*) разговоры не о кооперации, а о самогонке. В большом ходу товар: белая жесть (на трубы для перегонки), ведра и дрожжи... Сплошь гонят...По захолустным тропинкам к населенным местам провозятся запасы выработанной самогонки. Часть этой самогонки потребляется на месте, часть везется на продажу скупщикам, которые ездят по деревням... Работают... на Мариинский рынок, а через него и на Томский»[1].

Скупщики, развозившие водку по местам потребления, пользовались для этого самыми разнообразными способами. Например, в Боготоле, где существовало 52 самогонных завода («наперечет известных обывателям») и которые работали на «внешний» (Красноярский) рынок, преобладала крупная «посуда» – дегтярные бочки; в Канске, где было много «пришлого элемента» и потребление происходило прямо на месте, господствовали «домашние» способы перевозки. По железной дороге мелкие партии «самосядки» перевозились в корзинах с разливной посудой, в подушках и матрасах. Десятки «сбытчиков», нагруженных тюфяками, подушками, дорожными корзинками, доставляли «товар» до места. В вагонах данный «багаж» обычно размещался в разных «углах» и в случае «беды», т. е. обнаружения полицией, хозяина было найти невозможно. Что касается крупных партий нелегального спиртного, то следует отметить, что без содействия служащих железной дороги перевозить их было бы невозможно. Поэтому между Тулуном, Черемховым, Зимой, Иркутском и другими сибирскими станциями поддерживались весьма оживленные связи «по транспорту» и распределению «товара». В целом же «весь кипучий сбыт» сибирской самогонки редко проникал дальше г. Новониколаевска. В начале Первой мировой войны в западных и южных районах Томской губернии производства самогонки почти не существовало, так как открытый, степной характер местности затруднял ее «выгонку». Это было «царство медового пива». Однако самогоноварение стало проникать и сюда – местное население научилось гнать напиток «Арачка» из обрата (обезжиренного после сепаратора молока) или простокваши[2].

Сортов самогонки и суррогата согласно газете «Новый колос» было множество: 1) «ханжа»; 2) спирт-денатурат с примесью перца, та-

[1] Морозов К. Текущая жизнь (Борьба с «зеленым змием»)... С. 92.

[2] Там же. С. 96.

бака и белены; 3) шипучка со спиртом-денатуратом; 4) хлебный солод с хмелем и денатуратом; 5) спирт-денатурат с солью; 6) хлебный мед; 7) брага; 8) фруктовое вино; 9) хмельное пиво; 10) одеколон; 11) лак; 12) политура; 13) эфир; 14) древесный спирт; 15) бензин; 16) «капли Иноземцева»; 17) «киндер-бальзам»; 18) водка из сушенного изюма; 19) настойка из черники с жженым сахаром, уксусом и перцем; 20) «медаш»; 21) «пчелка»; 22) «звычай»; 23) спирт домашнего приготовления. Один из мариинских купцов даже изобрел «конъяцкий порошок», который высыпали в купленную самогонку, и «трехзвездный» коньяк был готов. Во многих случаях производство самогонки в Сибири приняло характер такой «правильной фабрикации», что она мало отличалась от казенного производства: все функции процесса («самосядочное» дело, выработка, транспорт, сбыт) было доведено до автоматизма; оборудование подпольных «заводов» по производству кустарного спирта ничем не отличалось от промышленных предприятий. При этом следует отметить, что в разных губерниях уровень качества производства самогонки был разный. Так, в Томской губернии «выгонка» самогонки носила кустарный характер и лишь возникало «культурное» производство. Поэтому муторный запах гари и дороговизна данного «товара» удерживали покупателей от его употребления; в Иркутской и Енисейской губерниях на тот момент уже существовали десятки предприятий «явно капиталистического типа» со штатом наемных рабочих и с дорогостоящими машинами. В большинстве случаев на каждом таком заводе было по 5–6 аппаратов по производству самогонки. Одновременно с этим существовало и несколько крупных заведений. Например, на одном заводе было 19 аппаратов, каждый из которых стоил по 200–250 руб. и был оснащен стеклянными «гоночными» трубами, которые поглощали запах пригари. Крупные предприятия постепенно вытесняли мелкие[1].

Цены на самогонку, несмотря на большой риск по ее производству, затраты по транспортировке, всякие другие «накладные» расходы, связанные с опасностью «предприятия», тем не менее были относительно низкими. Так, оптовая цена на ведро «вольной водки» в г. Мариинске была 22 руб. за ведро, в г. Новониколаевске – 40 руб. Розничные цены были выше. Например, в г. Красноярске «такса» на самогонку была следующая: на местную – 1,5–2 руб. за бутылку, на канскую – 2–2,5 руб., на иркутскую – самая лучшая, крепостью 70–75°, стоила 3 руб., средняя – 2–2,5 руб., «низшая» (желтая, с запахом пригари) – 1 руб. 20 коп. На по-

[1] Новый колос. 1916. (31 мая).

стоялых дворах Мариинска бутылка водки стоила 2 руб., в Томске – до 3 руб. Администрация Сибири относилась к проблеме самогоноварения по-разному. Так, высшие слои писали грозные циркуляры; средние (например приставы) придерживались (в зависимости от качеств человека) противоположных позиций: или принимали решительные меры к закрытию тайных заводов и аресту самогонщиков и скупщиков, или благодушно смотрели на это сквозь пальцы, будучи чем-либо «задобрены». Низшие административные власти (урядники, стражники) в большинстве случаев старались не замечать «самогонных дел» либо из-за боязни озлобить население (в д. Хаю, Пинчугской волости Енисейского уезда Енисейской губернии стражник арестовал приезжего спекулянта спиртом, в результате этого вся деревня восстала, и стражника спас от расправы только приезд пристава из с. Богучанского), либо – тоже из-за взяток. Священники в ряде мест боролись с данным положением дел «словом», кое-где пили самогонку вместе с крестьянами, а иногда и сами ее гнали. Так, священник Григорий Климовский рисовал следующую безрадостную картину борьбы с «зеленым змием», которая сложилась в Енисейской губернии после принятия «сухого закона»: «там псаломщик при свадьбе выпрашивает самогонку; там учитель строит «каверзы» священнику в его стараниях в борьбе за трезвость; там становой пристав проиграл в карты неизвестно откуда добытые десятки рублей; там акцизный собирает вино и самогонку по "добрым знакомым"; там старшина и волостной писарь со всем волостным штатом открыто распивают самогонку в здании волостного правления; там понятые и городовые не только попивают конфискованную водку, но и продают ее; там полная телега солдат везет, поднятую вверх, четверть самогонки и с пением проезжает мимо полиции по главной улице города». Происходили и еще более дикие случаи. Например, зимой из г. Канска в свою сельскую резиденцию выехал один из крестьянских начальников вместе со своей женой. По дороге они оба замерзли. Во время следствия выяснилось, что они просто «опились»: купили в г. Иркутске «целую батарею различных вин», по дороге «перепили излишнее; перепившись уснули». Первым умер крестьянский начальник и «своим грузным телом придавил пьяную жену, которая задохнулась»[1].

По признанию одного акцизного чиновника, борьба с самогоноварением напоминала «работу Сизифа». Пока он искал и «накрывал один завод, в это время возникало тридцать новых». Облавы на станци-

[1] Морозов К. Текущая жизнь (Борьба с «зеленым змием»)… С. 97.

ях и других местах не достигали цели. Вылавливалась «мелкая сошка», а «крупные» производители и сбытчики, предупреждаемые ранее, успевали спрятать как «орудия производства, так и гонимый продукт». А когда власти слишком досаждали, то «предприятие» переводилось в «более укромное место». Обычно обнаружение подпольного завода по производству самогонки происходила следующим образом: «Приезжает акцизный. Выискивает "языков". Обычная цена за "язык" – трешница. Затем – понятые и объезд. Обычно хозяева удирают, а "каштак" остается… его торжественно бьют. Если есть водка, то акцизный разрешает понятым напиться допьяна (это помогает лучше трешницы). Затем – протокол». Опытные и неподкупные акцизные уничтожали "каштаки" сотнями, однако в этом случае им грозила опасность. Например, одного акцизного в Зырянской волости Мариинского уезда Томской губернии убили, другому (в Чумале) – стреляли ночью в окно. Арест самогонного завода в селе Стрелка Енисейского уезда Енисейской губернии сопровождался убийством пристава и самоубийством владельца "предприятия". В результате многие крестьяне из этого села понесли тяжелое наказание. Тем не менее в близлежащих селах (например Маклаково) привычная жизнь никак не изменилась. Там даже арестовали десятского И. Ковальского, который распивал водку вместе с крестьянином Т. Бабкиным[1].

Не так благостно обстояло дело, как сообщалось в официальных отчетах, и с «казенной» водкой. Так, в Енисейской губернии при открытии Канского отделения Красноярского общества трезвости священник отец Григорий Климовский сообщил следующие факты Министерству финансов России о том, что потребление «натуральных» (т. е. произведенных промышленным способом – *прим. автора*) вин и водочных изделий не уменьшилось. Более того, продолжалось поступление в нашу страну алкогольной продукции из-за границы. При этом «официально» нигде нельзя было купить даже рюмку водки. Продажа ее велась либо «секретно» в отдельных кабинетах ресторанов, либо практически открыто в залах в «замаскированной посуде» под видом сельтерской воды, лимонада и пр. (для каждого алкогольного напитка устанавливались соответствующие тайные названия). В Красноярском общественном собрании, например, желающих выпить также сажали за определенные столики. Узнав об этом, енисейский губернатор приказал принять меры, и при обыске у буфетчика был найден солидный запас спиртного, кото-

[1] Морозов К. Текущая жизнь (Борьба с «зеленым змием»)… С. 101.

рое было конфисковано, а на буфетчика был наложен штраф в 3 000 руб. Посетители данного заведения благородно разделили с буфетчиком выплату этого очень крупного по тем временам денежного штрафа. Происходило это потому, что государство только отказалось от обложения спиртных напитков акцизным сбором, но изымать алкоголь из оборота не стало, так как в законодательстве было оставлено множество лазеек, позволявших употреблять спиртные напитки. В частности, запрещалось торговать алкоголем, но производить его разрешалось; нельзя было держать его в магазинах, но можно было хранить на заводах, складах, лавках. Кроме того, отпуск крепких напитков мог производиться с разрешения полиции или военных властей. Также вино (по дюжине бутылок в неделю) разрешалось приобретать подданным Франции и Италии. Очень скоро данные разрешения не безвозмездно были переданы виноторговцам (в результате этого в практически легальный оборот был пущен коньяк). Помимо этого спирт был необходим в медицинских целях, под видом этого аптеки стали заказывать его в огромных количествах; лазареты и лечебницы стали приобретать спирт по льготной цене на казенных складах в размерах, которые в десятки раз превышали их лечебные потребности (например, один лазарет при наличие 15 раненых заказал 300 ведер спирта). Спирт и спиртные напитки необходимы были и на фронте (в окопах, на перевязочных пунктах), в результате этого в местах боев развернулась бойкая торговля алкоголем. «Фронтовые» разрешения торговать алкоголем продавались и тыловикам, которые пользовались ими вдалеке от военных действий. Сверх того, на винокуренных заводах спирт аккуратно «усыхал», «утекал», исчезал при перевозке («билась посуда»)[1].

Огромной проблемой стал поиск замены почти четверти бюджета, который давала продажа спиртных напитков. П.Л. Барк считал, что этого добиться так и не удалось: «В результате решения государя закрыть питейные заведения – министру финансов пришлось взяться немедленно за работу для замены доходов от продажи алкоголя другими налогами… проекты же налогов я намеревался подвергнуть предварительному рассмотрению в небольшой комиссии под председательством Государственнаго контролера П.А. Харитонова… П.А. Харитонов согласился быть председателей комиссии, в которую, кроме графа С.Ю. Витте, были приглашены министры: земледелия А.В. Кривошеин, путей сообщения С.А. Рухлов, торговли и промышленности С.И. Тимашев, член

[1] Морозов К. Текущая жизнь (Борьба с «зеленым змием»)… С. 98.

совета министра финансов П.П. Мигулин и бывший товарищ министра финансов, специалист по налоговым вопросам, член Государственнаго совета Н.И. Покровский. В виду спешности дела заседания происходили несколько раз в неделю, по вечерам, на квартире П.А. Харитонова и вследствие привычки всех участников к продуктивной работе совещание быстро рассмотрело и одобрило предположения Министерства финансов о новых налогах, которые вносились много, отдельными записками, изготовлявшимися к каждому заседанию… Питейный доход был так велик потому, что налог на крепкие напитки захватывал огромное большинство населения, а так как это большинство с закрытием кабаков освободилось от падавшего на него обложения, то представлялось вполне целесообразным привлечь именно это большинство к уплате какого-либо другого налога, более равномерно распределяемого и более справедливого, но захватывающего всю толщу населения. Вследствие сего надлежало обложить такие предметы, которые насущно необходимы в каждом, даже самом скромном обиходе. Граф Витте указывал на то, что каждый человек должен непременно питаться и одеваться, и в поисках за крупными бюджетными поступлениями государство должно изобрести такие налоги, которые захватывали бы продукты питания и одежду. Из продуктов питания граф Витте предложил обложить хлеб, одежду же предполагал обложить при продаже тканей… После весьма обстоятельных прений выяснилось, что большинство нашей коллегии против обложения хлеба каким бы то ни было способом… Что же касается другой его мысли – об обложении одежды, то она встретила, наоборот, всеобщее сочувствие… По моему же мнению, подоходный налог должен был стать краеугольным камнем при перестройке нашей податной системы и к проведению этого налога были направлены все мои помыслы… другой мой проект – относительно обложения военных прибылей акционерных и других предприятий, коему в Государственном совете была подготовлена очень недружелюбная встреча… Интересно отметить, что Государственная дума за все время войны не удосужилась рассмотреть ни одного из моих налоговых мероприятий… Даже к рассмотрению законопроекта о подоходном налоге, на срочном обсуждении коего я энергично настаивал в своем выступлении летом 1915 г., как только возобновилась сессия, Государственная дума приступила крайне неохотно и так тянула с этим делом, которое лежало в Думе с 1907 г., было рассмотрено в бесконечном количестве комиссий и могло быть проведено в несколько дней, что законопроект не был своевременно

передан в Государственный совет и был рассмотрен им только весной 1916 г. Вследствие такой потери времени Министерство финансов лишилось этого дохода в 1916 г. и могло внести свои первые исчисления подоходного налога лишь в бюджет 1917 г.»[1].

Недополученные многомиллионные доходы от казенной винной монополии начали интенсивно компенсировать повышением налогового бремени на спички, соль, дрова, лекарства и пр. Например, табачный доход в 1914 г. достиг 92,8 млн руб., а в 1917 г. наметился к 252,8 млн. За тот же период времени сахарный доход возрос от 139,5 млн до 231,5 млн руб. Придумали чайный налог с бюджетным поступлением в 23 млн руб. Увеличились пошлины с пассажиров и грузов – от 31,4 млн до 201,7 млн руб. возросли цены и на продукты питания. Например, в августе 1914 г. в Архангельской губернии за один русский фунт (490,51241 г) цена говядины 1 сорта определилась в 20 коп., в Петрограде – 27 коп., в Новгороде – 20 коп., в Череповецком уезде Вологодской губернии – 13 коп. Яйца куриные за десяток стоили 22 коп., масло сливочное – 45 коп., сахарный песок – 13 коп., треска – 8 коп. В целях восполнения утраченной винной доходности министром финансов в 1915–1916 гг. последовательно, четырежды увеличивался объем бумажных денег (эмиссия), что привело к падению покупательной способности руб. к 1917 г. на одну треть в сравнении с 1914 г. К 1914 г. Российская империя накопила свыше 1 533 тонн золотого запаса, из которых треть находилась в обращении монетами у населения, а к 1917 г. в Банк Англии наша страна перевела 498 тонн драгоценного металла. Из них 58 тонн были проданы, а 440 тонн «лежали в сейфах Банка Англии в качестве обеспечения» полученных кредитов. Вдобавок население России перестало пускать в обращение золотую монету, что лишило казну еще свыше 300 тонн[2]. Финансовый эксперт от партии кадетов А.И. Шингарев, подсчитал, что к середине 1917 г. «сухой закон» лишил казну 2,5 миллиарда руб. дохода, что составляло около 10 % затрат на войну. Как признался П.Л. Барк царю Николаю II в октябре 1916 г., у правительства ушло два года на компенсацию потерь от запрета продажи спиртного.

Отрицательным последствием введение «сухого закона» был искусственный рост цен на товары народного потребления, который осу-

[1] Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение (Париж). 1965. № 161. С. 87–97.

[2] Калачев Б.Ф. Миф о «сухом законе». Как министр финансов П.Л. Барк российский бюджет опустошил. URL: http://eto-fake.livejournal.com/633178.html

части из пригородных местностей, весьма быстро воспринимавшие дух петроградского гарнизона и обращавшиеся в то же дезорганизованное состояние. Значительно позднее, когда в Петроград стали прибывать части с фронта, они внешностью своей поражали отвыкших от вида настоящих войск петроградцев, но к тому времени аппарат разложения войск был революционными организациями до того усовершенствован, что через несколько дней и свежие войска делались похожими на петроградские… Первые же дни революции воочию показали мне и убедили меня в том, что культурный ход революции в России невозможен и удержать ее развитие в известных рамках немыслимо, почему и Государственной думе ни захватить руководство ею, ни стать во главе ее не удастся. В то время, когда в Петрограде хозяйничали уличная толпа и ничем от нее не отличавшиеся войска… Войска, наводнявшие город, весьма мало были похожи на настоящие войска; это были банды людей известного возраста, весьма мало знакомых с дисциплиной, в виде общего правила ничего не делавших и обуреваемых единственным страстным желанием отправиться домой, т. е. прекратить войну во что бы то ни стало. Самолюбия, хотя бы национального, у них не было совсем, соображений о том, что мы, как русские, связаны известными обязательствами со своими союзниками и не можем в каждый данный момент повернуться и уйти домой, они совсем не понимали и знали только одно – домой и домой»[1].

В конце 1916 г. агенты Департамента полиции узнали о готовящемся перевороте. Об этом упомянул в своих мемуарах октябрист Н.В. Савич: «Глинка, начальник первого отдела думской канцелярии… нашел… великолепный кожаный портфель, набитый до отказа бумагами… председателя Совета министров князя Голицына… он разобрался в содержимом портфеля и, к величайшему своему удивлению, нашел там между прочими бумагами донесение Департамента полиции министру внутренних дел. В этом рапорте Департамент доносил, что существуют целых два революционных заговора, возглавляемых каждый своим независимым революционным центром. Первый из них создался в Москве, его состав чисто буржуазный, в него входят крупные промышленники и политические деятели, объединяющиеся около ЗЕМГОРа (Главного по снабжению армии комитета Всероссийского земского и городского союзов – *прим. автора*) и Военно-промышленного комитета. Эти лица многократно собирались сперва у Коновалова, потом у друго-

[1] Шидловский С.И. Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. С. 101.

го лица и выделили из своей среды революционный центр из пяти лиц, возглавляемый князем Львовым. В состав этого центра входят Челноков – как председатель городского союза, Коновалов – как председатель Военно-промышленного комитета, П.П. Рябушинский – председатель Московского биржевого комитета, и еще одно лицо, имя коего я забыл, которое являлось представителем ВИКЖЕЛя (Всероссийского исполнительного комитета железнодорожного профсоюза – *прим. автора*). Вторая революционная организация, гораздо более активная и опасная, состоит из социалистов. Ее возглавляет революционный комитет из одиннадцати лиц, в том числе несколько членов Думы, как Керенский, Чхеидзе, Скобелев. Полиция тщательно следит за обеими организациями, знает каждый их шаг. Рядом с квартирой, где собираются члены социалистической организации, Департамент имеет помещение, связанное с первой сетью микрофонов, с помощью коих все речи, все разговоры революционеров подслушиваются и стенографируются. Оба центра находятся в связи, работают совместно. Но первый работает в верхах общества и армии и финансирует вторую организацию, а социалисты агитируют в казармах и на фабриках. Получая деньги от первого, они формально принимают его директивы, но они решили быть самостоятельными и захватить власть при удаче переворота в свою пользу. Департамент считал, что настал момент произвести аресты главных деятелей обеих организаций, но так как в числе лиц, подлежащих аресту, имеются члены Государственной думы и Государственного совета, то он не рискует действовать самостоятельно и испрашивает прямого указания министра. Никакой резолюции, видимо, правительством не было принято, доклад мирно лежал в портфеле премьера до тех пор, пока его не принесли в Думу революционные солдаты»[1].

Через какое-то время Н.В. Савич получил подтверждение этим сведениям: «Прошло почти три года. Разбитые остатки Добровольческой армии спешно отступали к Новороссийску… Я попал в самый последний момент на пароход "Святитель Николай", уже переполненный до отвала… однажды ко мне подошел невысокого роста генерал… Это был Климович, который играл когда-то большую роль в Департаменте полиции… Он уверял… премьер был старым человеком со слабой волей, притом абсолютно неподготовленный к трудной роли главы правительства в военное время. Он не торопился с этим неприятным делом, которое лежало без движения в то время, когда революционеры лихо-

[1] Савич Н.В. Воспоминания… С. 211–212.

радочно работали. Так, Департамент и не дождался резолюции правительства на свой доклад. Наступила революция, которая все смела, и Департамент полиции, и Министерство, и трехсотлетнюю историческую власть. Когда я слушал этот рассказ, который так близко сходился с тем, что когда-то я слышал от Глинки, я понял, как прав был Крыжановский, говоривший тоном упрека своим коллегам еще 27 февраля: "Надо было арестовать дня три назад несколько главарей, и ничего подобного бы не было". Если бы на месте слабого Голицына в этот трагический момент русской истории премьером был хотя бы Григорович, то, вероятно, главари революционной организации, если бы таковая вообще в таком случае образовалась, были бы под замком задолго до начала движения, что спутало бы все их расчеты и, возможно, предупредило бы самое выступление. К несчастью для России, после непопулярного, но все же сильного волею Трепова премьером был назначен человек, лично кристально честный, но слабый и старый, который сам отлично сознавал свою непригодность для роли премьера»[1]. Есть данные, что Николаю II сообщили о заговоре и об участии в нем представителей Англии и Франции, но царь не предпринял никаких действий, посчитав угрозу государственного переворота несерьезной.

В середине февраля 1917 г. генерал М.В. Алексеев вызвал Николая II из Царского Села в Ставку в г. Могилев для совещания «по некоторым вопросам». Между тем 25 февраля в Петрограде началась всеобщая политическая забастовка. 27 февраля были созданы Временный комитет Государственной думы во главе с А.И. Родзянко и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов во главе с Н.С. Чхеидзе. Однако информация об этих событиях задерживалась и искажалась военными, Николай II решил вернуться в Царское Село, но время было упущено. 2 марта было заключено соглашение между Думой и Петроградским Советом о создании Временного правительства под контролем Петроградского Совета. В этот же день Николай II отрекся от престола в пользу своего брата Михаила. На следующий день отрекся Михаил. Первоначально царская семья содержалась в Александровском дворце под Петроградом.

А.И. Чернецов, участник Первой мировой войны, находившийся после госпиталя «на поправке здоровья» в своем родовом имении в Орловской губернии, писал в дневнике о том, как Россия скатывалась к Февральской революции: «*12 декабря 1916 г.* – Читал весь вечер при-

[1] Савич Н.В. Воспоминания… С. 209–210.

их словно подменили. Начальник местного жандармского управления генерал Фрайберг попытался было споить моряков, внести разложение в их среду. Числа 5–6 марта по его распоряжению в Гельсингфорс доставили несколько цистерн спирта. Жандармские агенты начали рыскать среди матросов и подбивать их на разгром вокзала, убеждая матросов захватить цистерны и поделить спирт. Никто, однако, на эту провокацию не поддался. Спирт конфисковали, а Фрайберга и его подручных арестовали. Был у меня на "Диане" приятель Егор Королев, большой любитель выпить. Встречаю его как-то на палубе. Настроение, вижу, у него приподнятое, вид возбужденный. "Чего это, – спрашиваю, – с тобой случилось? Вроде как бы ты сам не свой". "Да понимаешь, какое дело... Ходил сейчас с ребятами на вокзал, спирт захватывать". "А, ну тогда ясно. Хватанул, значит, там как следует". Егор разъярился, даже побагровел: "Ты что, очумел? Нешто сейчас время пить? Никто из ребят и капли в рот не взял. Все чин по чину. Вагоны со спиртом мы захватили и охрану выставили, чтоб всякой шантрапе неповадно было". Ну, думаю, раз Егорка от дарового спирта отказался, значит, понимает, что к чему»[1].

27 марта 1917 г. состоялось заседание Временного правительства, на котором присутствовали: Министр-председатель – князь Г.Е. Львов, министр торговли и промышленности – А.И. Коновалов, министр финансов – М.И. Терещенко, министр иностранных дел – П.Н. Милюков, министр народного просвещения –А.А. Мануйлов, обер-прокурор Святейшего Синода – В.Н. Львов, товарищ министра внутренних дел – Д.М. Щепкин, государственный контролер – И.В. Годнев. На данном заседании было принято Постановление «Об изменении и дополнении некоторых, относящихся к изготовлению и продаже крепких напитков постановлений», которое фактически подтвердило политику на продолжение «сухого закона». Постановление включало в себя следующие пункты: 1) «воспрещается повсеместно в России продажа для питьевого потребления крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ, из каких бы припасов или материалов и какими бы способами эти напитки и вещества не были приготовлены»; 2) напитки признаются крепкими, если содержание в них винного спирта превышает полтора процента (градуса) по Траллессу. Напитки с меньшим содержанием винного спирта, а также кумыс и кефир, не считаются крепкими и при отсутствии в них одуряющих или вредных для

[1] Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 31.

здоровья примесей допускаются к свободной продаже и не подлежат оплате акцизом; применение хмеля при изготовлении некрепких напитков не воспрещается. Не относящиеся к напиткам спиртосодержащими веществами признаются: древесный, сивушный (отбросы и отгон при очистке винного спирта) и прочие спирты и всякой крепости их растворы, кроме винного спирта и его растворов. Под винным спиртом подразумевается этиловый спирт, не подвергнутый денатурации; 3) продажа крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ для технических, врачебных, фармацевтических, химических, учебных и тому подобных надобностей, не связанных с питьевым потреблением, производится только на «выделывающих» эти напитки и вещества заводах и заведениях, в аптеках, казенных лавках и складах и в тех местах торговли, которым эта продажа будет разрешена управляющим акцизными сборами по соглашению с губернским комиссаром Временного правительства. Порядок и условия производства продажи крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ определяются министром финансов по соглашению с министром внутренних дел, а отношении отпуска виноградного вина для богослужебных надобностей православной церкви – также и по соглашению с обер-прокурором Святейшего Синода. Вывоз за границу виноградных вин разной крепости, а из винодельческих местностей в невинодельческий – виноградных вин крепостью не свыше двенадцати процентов (градусов) по Траллесу, допускается, с соблюдением установленного порядка во всякое время, не исключая военного; 4) изготовление крепких напитков и относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ разрешается только для указанных в предыдущем пункте надобностей и для вывоза за границу и только на заводах и в заведениях, заявленных акцизному надзору и полиции или в надлежащих случаях, разрешенных в установленном порядке. В винодельческих местностях выделка, с соблюдением действующих законов и правил, натуральных виноградных вин из произрастающего в России винограда признается свободным промыслом; 5) в винодельческих местностях разрешается повсеместно производить продажу натуральных виноградных вин, выделываемых из произрастающего в России винограда, крепостью не свыше двенадцати процентов (градусов) по Траллесу; продажа данных вин вне винодельческих местностей допускается только в городских поселениях. При этом городским и земским общественным управлениям или заменяющим их учреждениям, а в винодельческих местностях также сельским и ста-

ничным сходам, предоставляется издавать постановления, ограничивающие или запрещающие эту продажу виноградных вин. В отношении невинодельческих местностей разрешение входит в действие по истечении года со дня ратификации мирного договора; 6) за продажу крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ без установленного разрешения и за недозволенный отпуск этих напитков и веществ, заведомо для надобностей, не указанных в 3 пункте, виновные, если они не подлежат по закону более строгой ответственности, подвергаются: в первый раз – заключению в тюрьме на срок от двух до четырех месяцев; во второй раз – от четырех до восьми месяцев; в третий – от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев. Если нарушение производилось в виде промысла или обнаружено в торговом заведении, на заводе или в заведении для выделки крепких напитков или не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ, то виновные, кроме указанных наказаний, подвергаются денежному взысканию в размере от 500 до 2 000 руб., при этом в случае обнаружения продажи крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ без установленного разрешения данные напитки и вещества, оказавшиеся у виновных, отбираются для уничтожения[1].

Однако ситуация продолжала ухудшаться. Уже через два-три месяца после Февральской революции, по воспоминаниям Н.Н. Суханова, все стало разваливаться: «Эксцессов на самом деле было много, может быть, стало больше, чем прежде. Суды Линча, разгромы домов и магазинов, насилия и глумления над офицерами, над провинциальными властями, над частными лицами, самоличные аресты, захваты и расправы ежедневно регистрировались десятками и сотнями. В деревне участились поджоги и погромы усадеб. Крестьяне начинали по-своему "регулировать" землепользование, запрещали порубки лесов, угоняли помещичий скот, брали "под контроль" хлебные запасы и не давали вывозить их к станциям и пристаням. Особенно нашумел в первой половине мая грандиозный разгром имения одного большого барина в Мценском уезде. Немало эксцессов наблюдалось и в рабочей среде – над заводской администрацией, владельцами и мастерами. Даже в самом Петербурге произошел в конце мая скандал на Трубочном заводе и был с восторгом подхвачен уличной печатью. Но больше всего "нарушали порядок и государственную жизнь", конечно, разгулявшиеся солдаты. Среди бездействующих столичных и провинциальных гарни-

[1] ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Л. 133–135.

газеты считают, что на встречу нового года москвичи истратили по ресторанам не менее 1 млн руб.!»[1].

18 июля 1917 г. появилась другая запись: «Как-то на днях нужно было пойти в ресторан, по делам, так мы втроем заплатили 93 руб. и были не в "Метрополе" или в "Эрмитаже", а у "Мартьяныча". Съели там по куску белуги, по полтарелки супа с курицей, выпили по стакану кофе (бурда какая-то), еще одну бутылку портвейна и полбутылки коньяку… Я об вине упомянул для того, чтобы засвидетельствовать, что и с пришествием революции, и с устранением полиции пить еще на Руси можно, и взятки кто-то берет по-прежнему, только все это день ото дня дорожает. (За полбутылки коньяку, кажется, посчитали 43 руб.). Спирт через ловких людей можно достать рублей 40 за бутылку… *22 августа 1917 г.* – Кстати, наш курс упал до 227 руб. за 10 фунтов стерлингов, а курица уже дошла до 7 руб. 50 коп. Табаку дешевле 25 руб. за фунт не найдешь, ресторанный обед стоит не менее 10 руб., сахар продают (тайно) по 2–2,5 руб. за фунт, телятина – 3 руб. 50 коп. за фунт, яйца – 40 коп. штука и т. д. и т. д.»[2].

Начались погромы винных складов. Так, с 1 по 3 мая 1917 г. в Самаре не утихал грандиозный пьяный погром. Немногочисленным трезвым гражданам открылись воистину сюрреалистические картины апофеоза отечественной «демократии». Огромные толпы обезумевших от жажды горожан громили винные магазины, склады, погреба, аптеки. Пили все, что горит, и закусывали там же награбленным. Пили из бочек до тех пор, пока упившегося не оттаскивали более трезвые – занять его место. От бутылок, чтобы не тратить время, прямо на месте отбивали горлышки. В страшной толкучке люди резали себе губы и руки, но не переставали пить, обливаясь вином и кровью. Жизнь города была полностью парализована. На улицах шатались буйные и валялись полумертвые. На чрезвычайном соединенном заседании Советы рабочих, военных и крестьянских депутатов приняли резолюцию о принятии решительных мер, был введен комендантский час. Склады Жигулевского пивоваренного завода и ряд винных погребов были затоплены с помощью городских пожарных команд. Многие из одержимых Бахусом бросались вплавь в образовавшиеся пенные потоки и жадно пили, некоторые захлебывались и тонули в мутных хмельных лужах. Долго не прекращались попытки попробовать, сильно ли разбавлено растекающееся по мостовой вино. Алкогольные напитки, до которых еще не успели добраться страждущие, повсюду

[1] Окунев Н.П. Дневник москвича. М., 1990. С. 7.

[2] Там же. С. 49.

уничтожались отрядами вооруженных рабочих Трубочного завода. Только в одном из магазинов – купца Пятова – было уничтожено 10 тыс. бутылок вина и двадцать 50-ведерных бочек. Трубочный завод имел репутацию бастиона местного большевизма. И действительно, главную роль в вооружении рабочих отрядов и организации подавления беспорядков сыграли большевики. Несмотря на патрулирование улиц вооруженными группами и аресты самых активных любителей выпить и побуянить, погромная вакханалия продолжалась трое суток. Толпы с криками «Смерть буржуазии!», «Выпьем все у буржуев!». «Пустим их по миру!» и т. п. продолжали искать заветные бутылки, невзирая ни на какие увещевания властей «беречь завоеванные демократические свободы». Городу был нанесен ущерб более чем в миллион рублей. По улицам текли розовые ручьи, рядом валялись налакавшиеся грязного разбавленного вина разнообразные домашние животные жителей Самары и сами «отдельные жители». Наиболее пострадали от погромов три улицы: Самарская, Заводская и Дворянская. Самарские события дали отголоски по всей губернии. 4 мая пьяные погромы произошли в Бугуруслане, 15 июля – в Новоузенске, 24 августа – в Николаевске и т. д.[1].

6–7 июля 1917 г. в Липецке солдаты разгромили ликерный завод; затем бесчинства начались в Ельце. 8 июля в Новочеркасске «несознательные граждане» пошли громить винный склад, и со второй попытки им это удалось. Началось повальное пьянство, к которому подключились солдаты, посланные для прекращения погрома. В сентябре 1917 г. очевидец-гимназист С.М. Кривошеин описывал разгром винного завода в г. Острогожске Воронежской губернии: «После жаркого митинга большая толпа решила освободить из городской тюрьмы "жертвы" капитализма. Затем новый митинг, где вор-рецидивист Мишка Бугай держал речь: "Смерть богачам-кровопийцам! Разорвем их поганые глотки, – вещал оратор, – чтобы они нас, несчастных не продали за взятый пятак. За мной, уничтожим всех буржуев!". И борьба за социальную справедливость началась с разгрома винного склада – пили из ведер, из солдатских котелков и просто перегнувшись через край огромного чана, пили тут же у бочек, пили во дворе, усевшись у стенок подвала. К заводу бежали со всех сторон всякие проходимцы. Теснота и давка в подвале нарастала с каждой минутой. Солдаты, чтобы не лазить по гладким и скользким стенкам чанов и не черпать водку, перегибаясь

[1] Марченя П.П. Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 г. // Новый исторический Вестн. 2008. № 1 (17). С. 84–95.

через стенки, просто простреливали чаны из винтовок. Струйки водки лились прямо в котелки. Вскоре в подвале ходили по пояс в водке. Кто падал, больше уже не вставал – тонул в ней. Тут же возникали драки пьяных из-за мест у бочек и чанов, из-за прохода в подвалы. Все кончилось чрезвычайно печально. То ли кто-нибудь, выпив, решил закурить в подвале и бросил горящую спичку, то ли кто-то зажег спичку, чтобы найти упавшего товарища, но вдруг в подвале вспыхнул пожар, который моментально охватил все помещение. Началась страшная паника. Все ринулись к выходам. Образовались пробки. Люди с громкими воплями выскакивали из подвалов и с воем катались по земле, стараясь потушить свою горящую одежду»[1]. Но и после этой огненной попойки толпа не успокоились. По призыву Мишки Бугая «Бей, режь всех, купцов-кровопийцев!» направились грабить лавки. Итог – 22 человека умерло от разрыва сердца, 26 сгорело от взрыва цистерны, 9 убито, 60 – ранено.

4 июля 1917 г. в Петрограде состоялась антивоенная демонстрация (400 тыс. человек). Войска, верные правительству ее разогнали. 7 июля был подписан ордер на арест В.И. Ленина, который еще в апреле вернулся из эмиграции, где он жил с 1900 г. (за исключением периода первой русской революции). В.И. Ленин и Г.Е. Зиновьев скрылись, Л.Д. Троцкий (Бронштейн), Л.Б. Каменев и А.В. Луначарский были арестованы. 8 июля князь Г.Е. Львов ушел в отставку, премьер-министром стал А.Ф. Керенский. Он стал проводить более жесткую линию: на фронте была восстановлена смертная казнь; на пост главнокомандующего вместо либерального А.А. Брусилова был назначен более решительный Л.Г. Корнилов. Однако в августе Л.Г. Корнилов поднял мятеж с целью свержения правительства и введения в стране чрезвычайного положения. А.Ф. Керенский выпустил из тюрем большевиков, и за несколько часов мятеж был ликвидирован. 1 сентября 1917 г. А.Ф. Керенский провозгласил в России республику; в октябре был образован Совет республики.

8 октября председателю Временного правительства А.Ф. Керенскому поступила записка от Русского общества для выделки и продажи пороха, в которой сообщалось, что на Шлиссельбургском пороховом заводе скопилось много спирта: «Посторонние заводу элементы… войдя в состав образованного на Шлиссельбургском заводе исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов Шлиссельбургского района, в лице означенного комитета, опираясь на физическую силу – Красную

[1] Кривошеин С.М. Сквозь бури. Воспоминания о Первой Конной. М.: Молодая гвардия, 1959. С. 31.

гвардию и милицию – вооруженные взятым в Шлиссельбургской каторжной тюрьме и доставленным извне оружием, оказывают систематическое вмешательство во внутреннюю жизнь и распорядки завода, разрушая таковые и в корне подрывая авторитет как заводоуправления, так и правления общества... Пьянство, курение и всякого рода воровство и расхищение заводского имущества принимают с каждым днем все более угрожающие для заводской безопасности размеры... Правление общества и заводоуправление при создавшемся положении лишено возможности оказывать какое-либо воздействие на совершенно разнузданные агитацией рабочие массы, и положение в данном отношении грозит еще ухудшиться. В последние дни директор Шлиссельбургского порохового завода получил от начальника местной охранной воинской команды извещение о сложении с команды обязанностей по охране заводских спиртовых складов с передачей таковой заводоуправлению. Фактически означенная команда не только не охраняла спирт от расхищения, но и она, будучи совершенно деморализована, принимала участие в таковом, но, во всяком случае, на ней лежала ответственность за целость складов. Между тем заводоуправление не может принять на себя охрану спирта, потому что те органы, которыми оно располагало для охраны порядка на заводе до государственного переворота, а именно, заводская стража, после переворота явочным порядком были упразднены и были заменены милицией, находящейся в полном распоряжении вышеупомянутого исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов района Шлиссельбургского порохового завода. Означенная же милиция не только не принимает мер к охране спирта, но личным примером поощряет хищение оного, достигшее в последнее время совершенно нетерпимых размеров. Являющееся последствием сего повальное пьянство среди рабочих не может быть предупреждено и обыском выходящих с территории заводских помещений рабочих, так как таковые после государственного переворота отказываются подчиняться существовавшим ранее правилам внутреннего распорядка на заводе, в том числе и обычным обыскам при проходе через заводскую сторожку. Таким образом, с уничтожением всякой охраны спирта отпадает какое бы то ни было сдерживающее начало для его расхищения, и пьянство, без сомнения, выльется в такие формы, при которых будет поставлено на карту не только производство, но и самое существование завода»[1].

[1] Цит. по: Военная промышленность России в начале XX в. Сборник документов. 1900–1917 гг. М., 2004, С. 655–677.

Следует отметить, что апофеозом погрома винных складов нужно считать период после Октябрьской революции 1917 г. (собственно сами большевики этого и не скрывали), но начало и причины ему были положены во время Февральской революции. Без Февраля не было бы Октября. Этому способствовала и «золотая амнистия» 6 марта 1917 г. Общероссийская амнистия была объявлена, как говорилось в самом указе, «во исполнение властных требований народной совести, во имя исторической справедливости и в ознаменование окончательного торжества нового порядка, основанного на праве и свободе». На свободе оказались около 90 тыс. заключенных, среди которых были тысячи воров и налетчиков, прозванных в народе «птенцами Керенского». Фактическое же освобождение заключенных произошло стихийно еще до официального объявления амнистии – вооруженные отряды после падения самодержавия захватывали тюрьмы и освобождали арестантов. Помимо указа об общей амнистии, 14 марта было издано постановление о воинской амнистии и 17 марта постановление «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления». В итоге эти и последовавшие за ними указы Временного правительства об амнистии привели к тому, в 1917 г. на свободу вышли 80 % всех заключенных.

Первоначальные общественные и правительственные настроения, пребывавшие под влиянием эйфории от падения монархии и наступления «свободы», распространялись и на проблему преступности. Многие искренне верили, что большинство преступников были невольными жертвами царизма, а теперь, в условиях свободы и гражданского общества, при исчезновении социальной несправедливости и карательных механизмов бывшие преступники перевоспитаются и станут полезными членами общества. С целями перевоспитания уголовников по всей стране организовывались, обычно по частным инициативам, так называемые исправительные общества. Между тем преступность стала по-настоящему организованной. Уголовники и дезертиры занимали гостиницы и рестораны, превращая последние в свои укрепленные базы.

В процессе революционных преобразований правоохранительная система, существовавшая до Февральской революции в Российской империи, подверглась кардинальным изменениям. В соответствии с «Декларацией Временного правительства о его составе и задачах» от 3 марта 1917 г. было принято решение о замене полиции народной милицией. Предполагалось, что народная милиция будет подчинена органам местного самоуправления, а руководящие должности станут выбор-

ными. 6 марта 1917 г. Временное правительство издало постановление о ликвидации Отдельного корпуса жандармов, а 10 марта 1917 г. – постановление о роспуске Департамента полиции. Фактически управление милицией было децентрализовано и передано местным Советам. Правоохранительные функции выполняли вооруженные подразделения при местных Советах, которые и именовались милицией. Однако их деятельность в большинстве своем сводилась лишь к охране самих Советов. При этом полиция практически перестала существовать. Вскоре после Февральской революции за работниками МВД началась настоящая охота. Нередко жандармы и сотрудники полиции переодевались в гражданскую одежду, чтобы скрыть свою принадлежность к МВД, однако спасало это не всегда. Иногда их выдавали на расправу «доброжелатели». После февраля 1917 г. и до образования уже советской милиции с преступностью практически никто не боролся. Постоянные грабежи и убийства стали нормой того времени. Неизвестными был сожжен архив и канцелярия Корпуса жандармов. Пойманных на рынке воров не судили, а просто устраивали над ними самосуды. Таким образом, для всеобщей анархии все было создано: из тюрем выпустили почти всех заключенных, а полицию разогнали. Винные склады, помимо банков, ювелирных магазинов и богатых квартир, особенно в эпоху «сухого закона», начали становиться лакомой добычей для любого преступного элемента. Это был просто вопрос времени, когда они обратят на него усиленное внимание. И они обратили. Просто на тот момент либералы уже ушли, а большевики пришли, и им пришлось решать этот страшный вопрос, хотя не они его подготовили и поставили.

4.3. Октябрьская революция 1917 года – «Допьем романовские остатки!». Апогей винных погромов

10 октября ЦК партии большевиков после голосования по вопросу «о вооруженном восстании» (10 человек проголосовали «за» и два – «против» (Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев) приняло решение о подготовке вооруженного восстания. 9 октября при Петроградском совете (председатель – Л.Д. Троцкий) был образован Петроградский военно-революционный комитет, который установил связь с воинскими частями, Красной гвардией, рабочими и мобилизовал до 250 тыс. человек. Также

его с замиранием сердца ждали два мальчика. Маркин отбил алкогольный приступ контрреволюции»[1].

При этом нельзя было сказать, что на моряков можно было стопроцентно положиться. По свидетельству анархиста, члена Петроградского Военно-революционного комитета и Всероссийской чрезвычайной комиссии Ф.П. Другова, «первые громы ВЧК были направлены против саботажа чиновников и, главным образом, банковских служащих. Кроме того, продолжалось систематическое изъятие золота, которое складывалось в нашем хранилище штабелями, как дрова. И, наконец, немало внимания и сил уходило на борьбу с уголовными элементами, которые, конечно, не упустили случая для легкой наживы и занялись энергичной "конфискацией ценностей у буржуазии" за свой счет… С ними пришлось воевать подлинным образом, причем погибло немало сотрудников ВЧК. Борьба с бандитами осложнялась тем, что нередко шайки состояли из матросов 2-го Балтийского экипажа, являвшимися в то время своего рода "personae gratae" (по латыни – желательное лицо – *прим. автора*). Это был народ отчаянный, способный на все, и, главное, связанный круговой порукой. Был такой случай, когда я лично, с отрядом ВЧК, захватил вооруженных с ног до головы бандитов в одном из их притонов на Вознесенской улице, в момент дележа добычи. Среди них оказался и комиссар 2-го флотского экипажа, известный под кличкой "Сашка". С трудом удалось нам доставить арестованных в помещение ВЧК, под обстрелом их сообщников. Не прошло, однако, и получаса, как к зданию ВЧК подошел в боевом порядке, почти в полном составе, Балтийский экипаж и предъявил ультимативное требование о немедленном освобождении всех арестованных, угрожая в противном случае "разнести вдребезги ВЧК". Никакие наши увещевания не действовали; вступать же в бой с матросами из-за нескольких бандитов Дзержинский признал, при существовавших тогда условиях, "политически – невыгодным". Поэтому мы решили пойти на компромисс: мы согласились освободить одного "Сашку", с тем, чтобы остальных оставить под арестом до окончания следствия. Часть матросов, оказавшаяся менее хмельной, чем большинство, уговорила экипаж принять эти условия. "Сашка" был освобожден и унесен с триумфом на плечах балтийцев; осада с ЧК была снята»[2].

[1] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 1990. Т. 2. С. 112.

[2] Другов Ф.П. С Дзержинским в ВЧК (Исповедь раскаявшегося чекиста) // Иллюстрированная Россия (Париж). 1931. № 6. С. 3.

Русская поэтесса и писательница З.Н. Гиппиус отобразила эти дни в своих дневниках так: «*31 октября 1917 г.* О Москве: там 2 000 убитых? Большевики стреляли из тяжелых орудий прямо по улицам. Объявлено было "перемирие", превратившееся в бушевание черни, пьяной, ибо она тут же громила винные погреба. Да. Прикончила война душу нашу человеческую. Выела – и выплюнула... *2 ноября 1917 г.* В Москве, вопреки вчерашним успокоительным известиям, полнейшая и самая страшная бойня: расстреливают Кремль, разрушают Национальную и Лоскутную гостиницы. Штаб на Пречистенке. Много убитых в частных квартирах – их выносят на лестницу (из дома нельзя выйти). Много женщин и детей. Винные склады разбиты и разграблены. Большевистские комитеты уже не справляются с толпой и солдатами, взывают о помощи к здешним. Черно-красная буря над Москвой. Перехлест... *18 ноября 1917 г.* Лестница Смольного вся залита красным вином и так заледенела. А ведь это Резиденц-Палас... *30 ноября 1917 г.* Сутки на улицах стрельба пачками. "Комиссары" решили уничтожать винные склады. Это выродилось в их громление. Половину разобьют и выльют – половину разграбят: частью на месте перепиваются, частью с собой несут. Посылают отряд – вокруг него тотчас пьяная, зверская толпа гарнизы (гарниза – гарнизонная крыса – *прим. автора*), и кто в кого палит – уж не разобрать. Около 6-ти часов, когда мы возвращались домой, громили на Знаменской: стрельба непрерывная... *1 декабря 1917 г.* Винные грабежи продолжаются. Улица отвратительна. На некоторых углах центральных улиц стоит, не двигаясь, кабацкая вонь. Опять было несколько "утонутий" в погребах, когда выбили днища из бочек. Массу растащили, хватит на долгий перепой. *2 декабря 1917 г.* Продолжается громленье винных лавок и стрельба... *4 декабря 1917 г.* Винные погромы не прекращаются ни на минуту. Весь "Петроград" (вот он когда Петроград!) пьян. Непрерывная стрельба, иногда пулеметная. Сейчас происходит грандиозный погром на Васильевском. Не надо думать, что это лишь ночью: нет, и утром, и днем, и вечером – перманентный пьяный грабеж... *5 декабря 1917 г.* Ничего особенного. Погромы и стрельба во всех частях города (сегодня 8-ой день). Пулеметы так и трещат. К ним, к оргиям погромным, уже перекидывающимся на дома и лавки, – привыкли. Раненых и убитых в день не так много: человек по 10 убитых и 50 раненых... В Крестах более 800 офицеров сейчас. "Правда" объявила: это "офицеры, кадеты и буржуи расставили винные погреба для контрреволюционного превращения народа в идиотов" (sic!). Как

выпьешь – так оно и ясно. Кончил с погребом – иди громить буржуя. Сам виноват, зачем "контрреволюционно расставлял погреба". Небось, струсят, все отдадут. Потому – наша власть, – и над погребами, и над самими буржуями… *22 января 1918 г.* Всю ночь длились пьяные погромы. Опять! Пулеметы, броневики. Убили человек 120. Убитых тут же бросали в канал. Сегодня Иван Иванович пришел к нам хромой и расшибленный. Оказывается, выходя из "Комитета безопасности" (о, ирония!), что на Фонтанке, в 3 часа дня (и день – светлый), он увидел женщину, которую тут же грабили трое в серых шинелях. Не раздумывая, действуя как настоящий человек, он бросился защищать рыдавшую женщину, что-то крича, схватил серый рукав... Один из орангутангов изо всей силы хлыснул Ивана Ивановича, так что он упал на решетку канала, а в Фонтанку полетело его pince-nez (пенсне) и шапка. Однако в ту же минуту обезьяны кинулись наутек, забыв про свои револьверы... Да, наполовину "заячья падаль", наполовину орангутангье. Отбитую женщину Иван Иванович усадил в трамвай, сам поехал, расшибленный, домой… *24 января 1918 г.* Погромы, убийства и грабежи, сегодня особенно на Вознесенском, продолжаются без перерыва. Убитых скидывают в Мойку, в канал, или складывают (винных утопленников), как поленницы дров. Батюшкова ограбили, стреляли в него, оставили на льду без сознания. Артистку Вольф-Израэль ни с того ни с сего проходящий солдат хватил в глаз; упала, обливаясь кровью»[1].

Революционерка, участница гражданской войны в России, журналистка, поэт и писательница Л.М. Рейснер отметила в своем очерке «В Зимнем дворце», опубликованном в «Новой жизни» 11 ноября 1917 г.: «Первые дни революции (февральской – *прим. автора*) мало повредили дворцу. Несколько разбитых стекол, вот и все. Но затем в дом Расстрелли въехал А.Ф. Керенский. Лучшие комнаты, самые строгие музейные залы он занял под бюро печати, канцелярию, – словом, присутственное место. Все осталось нетронутым, но все затерто, закурено, зашаркано, оглушено пишущими машинками и закапано чернилами. В десяти покоях, выходящих на площадь – водворился караул. Его меняли чуть не каждый день (наш премьер никому не доверял свою особу), и каждый новый отряд хозяйничал по-своему. Грязные тюфяки на полу, продырявленные картины, бутылки и бутылки, и все это не где-нибудь, но вокруг самой "особы", на ее глазах и с ее ведома. … Зачем вообще нужно было вселяться в Зимний дворец? Не будь Керенского во дворце, народный гнев не тронул бы ни

[1] Гиппиус З.Н. Дневники, воспоминания. М., 2001. С. 336–383.

одной безделушки. Разве премьер не знал, что каждую минуту политическая борьба может сбросить если не с кресла, то со стула Николая II, что он подвергает величайшей опасности сокровища искусства, посреди которых он осмелился жить. Так и случилось. Толпа искала Керенского – и нашла на своем пути фарфор, бронзу, картины, статуи и все это разбила... Кабинет Александра II, молельня и т. д. превращены в кучу осколков; мундиры, бумаги, ящики столов, подушки, постель – все решительно искрошили. На первый взгляд очень странно отношение ко всему случившемуся придворных лакеев, сторожей и администрации. Никто из них не покинул дворца во время обстрела. Много ценного сохранено благодаря мужеству и порядочности этих людей... Но еще более опасное внимание черни привлекают в Зимний дворец... на этот раз огромные винные погреба. Их завалили дровами, замуровали сперва в один кирпич, потом в два кирпича, ничего не помогает. Каждую ночь где-нибудь пробивают дыру и сосут, вылизывают, вытягивают, что возможно. Рабочие, матросы обещали разнести все здание, если не прекратится низменное паломничество. Лучше гибель чего угодно, чем зрелище ненасытного, болезненного обжорства, совершаемого в дни величайшей русской революции... Какое-то бешеное, голое, наглое сладострастие влечет к запретной стене одну толпу за другой. Со слезами на глазах рассказывал мне фельдфебель Криворученко, которому поручили защищать злосчастные бочки, о том отчаянии, о полном бессилии, которое он испытывал по ночам, защищая один, трезвый, со своим немногочисленным караулом против настойчивого, всепроникающего вожделения толпы. Теперь решили так: в каждое новое отверстие будет вставлен пулемет... Вызвали пожарных. Включили они машины, накачали полные подвалы воды и давай все выкачивать в Неву. Потекли из Зимнего мутные потоки: там и вино, и вода, и грязь – все перемешалось... День или два тянулась эта история, пока от винных погребов в Зимнем ничего не осталось»[1].

Н.П. Окунев считал, что водка с одной стороны помогла большевикам, а с другой – существенно им помешала: «*29 ноября 1917 г.* – Воинственному азарту наших преторианцев помогает винное зелье. В Петрограде приступом взяты дворцовые винные погреба, и по всей России громятся всякие винные склады. Вино льется рекой, в нем товарищи прямо купаются. Никакими силами нельзя приостановить это пьянство. Сам Луначарский заявил в Смольном, что в Петрограде царит пьяный ужас... Кое-где заранее вино выливают в реки, в канализационные тру-

[1] Рейснер Л.М. Избранное. М.: Художественная литература, 1965. С. 425–428.

и ее промышленности и определяющие в отношении этого производства и винокуренной промышленности права и обязанности акцизного надзора, не отмененные особыми законодательными актами советской власти, остаются в силе; 7) виновные в неисполнении пунктов 2 и 5 настоящего Постановления подлежат привлечению к законной ответственности на основании существующих законоположений[1].

Декрет 19 декабря 1919 г. «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» вообще запретил производство и продажу на территории России спирта: 1) запрещается в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике изготовление без разрешения спирта, крепких напитков, и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ, из каких бы припасов или материалов, какими бы способами, какой бы крепости и в каком бы количестве спиртовые напитки и вещества ни были приготовлены; 2) запрещается продажа для питьевого потребления спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ; 3) напитки признаются крепкими, если содержание в них винного спирта превышает полтора процента (градуса) по Траллесу. Для виноградных вин крепость допускается не свыше 12°; 4) напитки с меньшим содержанием винного спирта, а также кумыс и кефир, не считаются крепкими и допускаются, при отсутствии в них одуряющих или вредных для здоровья примесей, к свободной продаже. Применение хмеля при изготовлении некрепких напитков не воспрещается; 5) не относящимися к напиткам спиртосодержащими веществами признаются древесный спирт, сивушное масло (отбросы и отгоны при очистке спирта) и прочие спирты, а также всякой крепости их растворы, кроме винного спирта и его растворов. Под винным спиртом разумеется этиловый спирт, не подвергнутый денатурации; 6) продажа спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ для технических (врачебных, фармацевтических, химических, учебных и ученых и т. п.) надобностей, а равно и для вывоза за границу производится исключительно из выделывающих эти напитки и вещества национализированных или взятых государством на учет заводов и заведений, из складов, аптек и других мест торговли, которым эта продажа разрешена правительством; 7) изготовление спирта и крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ разрешается только для ука-

[1] Изв. 1918. 15 ноября.

занных в предыдущей статье надобностей и для вывоза за границу и исключительно на заводах и в заведениях национализированных или взятых государством на учет. Порядок и условия продажи крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ для технических целей определяются Высшим советом народного хозяйства по соглашению с Народными комиссариатами внутренних дел и здравоохранения; 8) за выкурку спирта в недозволенных законом местах из каких бы то ни было припасов, каким бы то ни было способом, в каком бы то ни было количестве и какой бы то ни было крепости виновные подвергаются: а) конфискации спирта, припасов, материалов, аппаратов и приспособлений для выкурки; б) конфискации всего имущества и в) лишению свободы, соединенному с принудительными работами на срок не меньше 5 лет. Тем же наказаниям подвергаются виновные в соучастии в тайном винокурении и в пособничестве ему, а также виновные в продаже, передаче, приобретении, хранении, проносе и провозе незаконно выкуренного спирта; 9) наказаниям, установленным в предыдущей статье, подвергаются виновные: а) за умышленное срывание пломб и других знаков обеспечения, наложенных представителями Инспекции косвенных налогов и Управления винокуренной промышленности на контрольные снаряды и перегонные аппараты, в результате этого открывается доступ к спиртовым парам или спирту до учета его контрольным снарядом; б) устройство приспособлений, служащих для остановки, порчи или неправильного действия контрольного снаряда и для отвода спиртовых паров или спирта до учета его контрольным снарядом; в) тайный выпуск спирта, вина и водочных изделий с места их законного хранения или нахождения; г) отпуск из мест законного хранения или нахождения всякого рода содержащих спирт изделий и смесей лекарственного и технического характера на «непредназначенные» надобности; д) продажу, приобретение, хранение, пронос и провоз тайно выпущенных спирта, вина и водочных изделий, а также незаконно отпущенных спиртовых изделий и смесей лекарственного и технического характера; е) перегонку, отцеживание, сдабривание и за всякую переработку денатурованного спирта, лака, политуры и других содержащих спирт изделий и смесей, не предназначенных для питьевого употребления, в целях выделения спирта или ослабления особого их вкуса, запаха или цвета, продажу, передачу, приобретение, хранение, провоз и пронос переработанных: спирта, лака, политуры и других содержащих спирт изделий и смесей; ж) приготовление из законно полученного спирта изделий и смесей ле-

карственного или технического характера с такими от установленных правил отступлениями, которые дают возможность легкого выделения спирта или использования изделий или смесей в качестве опьяняющего напитка; продажу, передачу, за приобретение или хранение для продажи таких незаконно изготовленных изделий и смесей; з) приготовление или хранение для продажи, а также за продажу всякого рода крепких напитков, т. е. с содержанием спирта свыше дозволенного предела, или с добавкой одурманивающих или вредных для здоровья веществ; 10) лица, виновные в устройстве, приобретении или хранении без надлежащего разрешения перегонных кубов, приспособленных для выделки спирта, или шлемов к таким кубам, подвергаются конфискации данных предметов и лишению свободы с принудительными работами на срок не менее одного года; тем же наказаниям подвергаются виновные в приспособлении для перегонки спирта самоваров, котлов или другой посуды, а также в продаже, передаче, приобретении, хранении, проносе и провозе такой приспособленной для перегонки спирта посуды; 11) за распитие незаконно приготовленных и незаконно полученных крепких напитков, в публичных местах, во всякого рода заведениях, а также за допущение такого распития и за появление в публичном месте в состоянии опьянения виновные в том лица подвергаются лишению свободы с принудительными работами на срок не менее одного года; 12) производство дознаний по делам о нарушениях, возлагается на милицию, Инспекцию косвенных налогов, Инспекцию управления государственными за водами винокуренной промышленности и на представителей Народного комиссариата продовольствия. Возбуждение и ведение на суде дел возлагается на подотделы косвенных налогов Губернских финансовых отделов, на распоряжение которых препровождаются дознания, произведенные как сотрудниками подотделов, так и другими должностными лицами. Подотделам косвенных налогов предоставляется: а) направлять полученные дознания для дополнения; б) командировать своих представителей в следственные комиссии и в заседание народного суда в качестве обвинителей; в) обжаловать состоявшиеся приговоры. Возбуждение и ведение на суде дел по нарушениям возлагается на тех же основаниях, на районные управления государственными заводами винокуренной промышленности и на милицию; 13) протоколы о проступках, предусмотренных настоящим постановлением, составляются безотлагательно и в самом месте обнаружения нарушения; в протоколах обозначаются: а) время и место составления протокола; б) ког-

да, где и кем обнаружено нарушение; в) в чем оно состоит; г) имя, отчество, фамилия, возраст, профессия и местожительство обвиняемого; д) имена, отчества, фамилии, возраст, местожительство свидетелей и сущность их показаний; ж) имена, отчества, фамилии и местожительство понятых и сведущих лиц и описание тех действий, при которых они присутствовали; з) объяснение обвиняемого; и) перечисление и подробное описание вещественных доказательств, найденных и задержанных при производстве расследования; к) какие именно задержаны предметы, когда, куда и кому сданы на хранение; 14) дела по нарушениям рассматриваются в народных судах вне очереди экстренным порядком и назначаются, по возможности на один день; советам народных судей с утверждения Народного комиссариата юстиции предоставляется сосредоточивать дела в одном из районных народных судов; 15) народные суды сообщают подотделам косвенных налогов, раускпиртам или милиции копии состоявшихся приговоров, причем срок на подачу ими кассационной жалобы исчисляется со дня получения копии приговора. О времени получения копий приговоров подотдела, раускпирты и милиция уведомляют народный суд; 16) когда за нарушения виновные отвечают как за преступления по должности, дела об этих нарушениях рассматриваются чрезвычайными комиссиями и революционными трибуналами «по принадлежности»[1]. Этот декрет в целом сохранил сущность «сухого закона», введенного высочайшим повелением Николая II и во многом повторяло Постановление Временного правительства от 27 марта 1917 г. При этом оно имело главной целью воспрепятствовать переводу зерна на самогон.

Тем не менее места, где можно было выпить, находились. Н.П. Окунев сделал запись в своем дневнике, где утверждал, что даже в Москве были заведения, в которых можно было употреблять спиртное (хотя и не совсем легально): «*16 декабря 1918 г.* Вчера вечером с приятелями зашел в какое-то подполье (в центре города), вывески никакой нет, и раньше там была кухмистерская. Но и теперь там едят и… пьют… исключительно спирт. Чтобы получить его – целая процедура: надо заплатить вперед какому-то кавказскому человеку 50 руб., и он выдает талончик. С этими талончиками садимся за стол; услужающая девушка объявляет, что у них сегодня буженина и телятина. Спросили первое, потом "опытные" приятели перемигнулись, и мы гуськом поплелись в одну каморочку, из нее

[1] Декреты советской власти. М., 1974. Т. 4. 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. С. 34–37.

да карт – 12,5 и 25 млн, чай – 112 млн фунт, одна коробка килек – 15 млн, сотня гнуснейших папирос – 7 или 10 млн Золотой руб. по старой котировке 23 100 000 руб. … Русские вина белые и красные – самые дешевые, за бутылку – 13 800 000 руб., дорогие – 22 млн. Русские крепкие вроде портвейна и мадеры – от 27 млн до 44 млн. Русское шампанское – 93 млн. Иностранные белые – от 23 до 132 млн, красные от 28 до 50 млн. Портвейн иностранный – от 50 до 83 млн, а шампанское – 217 млн… *3 июня 1923 г.* Последние рыночные цены такие: масло – 36 млн фунт, копченая колбаса – 48 млн фунт, сто папирос среднего качества – 30–40 млн, одна коробка спичек – 1 млн. По выпивальной лавочке (у кого есть на карманные расходы миллиарды) спирт – 250 млн бутылка, пиво – 30 млн бутылка. Чай – 240–300 млн фунт, кофе – 180 млн фунт, хлеб черный (заварной) – 2 млн фунт. Однажды у меня в кармане было 46 млн, а дома ни куска хлеба. Купил газету – 3 млн, сотню папирос – 25 млн, пачку в 10 коробок спичек – 10 млн, коробку зубного порошку – 8 млн, а войдя в булочную, не нашел уже в кармане ни одного миллиончика, – так и пришлось до другого дня остаться без хлеба (хоть зубным порошком питайся!)»[1].

Вместе с НЭПом произошел и взлет самогоноварения. В 1920-х гг. оно буквально захлестнуло Советскую Россию. Причем такое «чертово изобретение», как самогон, получило наибольшее распространение именно в деревне, так как здесь для него наличествовали самые благоприятные условия: относительно слабый административный контроль и наличие постоянно обновляемых запасов зерна. Самогонные аппараты, необходимые для изготовления вожделенного зелья, крестьяне мастерили сами либо заказывали таковые деревенским умельцам (у которых, таким образом, появился дополнительный заработок). В одном из литературных произведений 1920-х гг. нехитрое приспособление для изготовления горячительного зелья описывалось следующим образом: «аппарат, сделанный знакомым из листового железа, похожий на самовар, поставлен был дном на кирпичи, сложенные в виде маленькой печурки, в которой был жар, нагревавший аппарат, а сама самогонка капала из вставленной в трубку соломинки прямо в бутылку»[2].

Д. Воронов считал, что: «Несомненно, что до 1921 г. самогонка пользовалась большим распространением в земледельческих местностях, где крестьяне, не имея рынка сбыта для хлеба в период "военно-

[1] Окунев Н.П. Дневник москвича… С. 491, 495, 501.

[2] Подъячев С. Стихийное бедствие // Красная нива. 1925. № 6. С. 122.

го коммунизма", использовали хлебные остатки на выкурку водки для собственного потребления; со времени же НЭПа и восстановления товарооборота, самогонка пошла в город и обратила на себя внимание. Неурожайный 1921 г. не благоприятствовал значительному росту этого промысла. В голодавших губерниях он далеко не прекращался, но зато в 1922 г. он быстро развился, чему содействовали, кроме урожая, низкие цены на хлеб: неизмеримо выгоднее было переработать его на самогонку, сбыть ее в городе и приобрести нужные фабричные товары. Расслоение деревни, увеличение числа маломощных хозяйств заставили беднейшее крестьянство жадно наброситься на этот доходный промысел. В городах к этому же побуждали все растущая безработица и дороговизна жизни. И в результате выкурка водки сделалась бытовым явлением, потеряла в глазах населения характер преступного промысла, группируя вокруг себя вовсе не преступные элементы, а рядовые, малоустойчивые и экономически слабые слои населения. Этому благоприятствовало и то, что промысел требовал самого примитивного оборудования, по большей части из предметов домашнего обихода, и продукты его имели всегда обеспеченный сбыт… крепость самогонки… определяется крайне грубо… по существу опьяняющее действие самогонки… зависит не только от количества содержащегося в ней алкоголя, но иногда в большей степени от одурманивающих и вообще вредных примесей: главным образом сивушных масел, эфиров, кислот, иногда даже фурфурола. Это – неизбежные составные части самогонки, вследствие примитивности способов производства. Кроме того нередко винокуры добавляют к ней и другие вещества, чтобы усилить ее "забористость", например табачный настой, известь, купорос, хмель и пр. Замечается общее явление, что чем слабее по градусам алкоголя самогонка, тем обильнее в ней все эти примеси и тем она может производить больший одурманивающий эффект, которого добивается потребитель»[1].

Советский экономист Четыркин В.М. писал об этом вопросе следующее: «Глубоко вкоренившаяся в населении потребность в охмеляющих средствах и невозможность легального получения спирта вызвали и поддерживают до сих пор явление тайного винокурения, главным образом, среди сельского населения: оно стало уже не случайностью, по постоянным проявлением текущей жизни и быта. Продукты тайного винокурения – так называемый самогон или самосидка, отличающиеся

[1] Воронов Д. Алкоголь в современном быту. М.-Ленинград: Гос. изд-во, 1930. С. 80–81.

дурным запахом, желтоватым цветом и содержащие значительное количество сивушных масел, альдегидов и жиров, имеют весьма незначительное содержание чистого спирта. По данным анкетного обследования, произведенного Госспиртом летом 1923 г., крепость самогона колеблется от 5–35° и лишь в редких случаях, после вторичной перегонки достигает 70–80°. Главная масса самогона по данным той же анкеты имеет крепость 15–30°... главным производителем самогона в деревне является крестьянин-середняк. Состоятельные элементы из бывших лавочников и кулаков, боясь ответственности, занимаются в редких случаях производством самогона лишь для своего потребления, но зато в случаях перехода на самогонный промысел, поручают эту работу беднякам, вдовам и прочим нуждающимся элементам деревни. Поэтому в довольно значительном количестве выступает в качестве производителя самогона и бедняцкий элемент, причем их работа носит по преимуществу промысловый характер. Очевидно, в этом случае львиную долю доходов получает поручивший и оборудовавший производство самогона. Таким образом, доходность, рассчитанная выше, поступает, очевидно, главным образом середняку и состоятельному элементу через бедняков, причем последние при этом условии получают лишь возможность существовать и берут на себя всю ответственность. Небезынтересно отметить, как распределяется по районам РСФСР промысловое производство самогона. По данным той же анкеты, производство самогона для продажи имеет место главным образом в промышленных районах и близ крупных городов и столиц. Сюда входят губернии: Ленинградская, Московская, Екатеринбургская, Иваново-Вознесенская и др. Деревня или село, находящиеся близ бойкого шоссе и станции железной дороги, недалеко от какого-либо крупного промышленного центра, главным образом готовит самогон для продажи. Значительное же большинство удаленных от центра земледельческих губерний, как-то: Сибирь, Татарская республика, Крым, все губернии Центрально-Земледельческого района, затем Вологодская, Череповецкая, Псковская, Витебская, Костромская, Нижегородская, Смоленская, Калужская и др., производят самогон главным образом для личного потребления, выпуская в продажу от 10–20 % продукции. Таким образом, главная масса производителей самогона в деревне делает это преимущественно для личных целей. Поэтому наблюдается такая картина: самогонный аппарат переходит из двора во двор, служа как бы коллективным имуществом известного круга производителей»[1].

[1] Плановое хозяйство. 1924. № 4–5. С. 77–90.

Уголовного кодекса, еще и ст. 139 того же Кодекса, карающую уже не принудительными работами, а лишением свободы на срок не ниже 6 месяцев. Кроме того, Президиум Советского народного суда возбудил вопрос перед Народным комиссариатом юстиции об увеличении карательной санкции по ст. 140 Уголовного кодекса до одного года лишения свободы[1].

Однако это уголовное преследование за тайное винокурение не дало желаемых результатов, и уже в ноябре 1922 г. эта статья была дополнена следующим текстом: «140-а. Лица, занимающиеся незаконным приготовлением и хранением спиртных напитков в виде промысла (рецидивисты), караются лишением свободы на срок не ниже 3-х лет с конфискацией всего имущества. 140-б. Приготовление спиртных напитков и спиртосодержащих веществ без цели сбыта, а также хранение неоплаченных акцизом напитков и веществ карается штрафом до 500 руб. золотом или принудительными работами до 6 месяцев»[2]. Объявленная до изменения редакции 140 ст. Уголовного кодекса амнистия к пятой годовщине Октябрьской революции не коснулась осужденных за изготовление с целью сбыта и за самый сбыт самогонки, и поэтому все ранее осужденные должны были отбыть свой срок. И, несмотря на огромное количество женщин, осужденных за это преступление, и переполнение ими мест заключения, даже специальная «женская» амнистия ко Дню работниц 5 марта 1923 г. обошла эту группу осужденных, ибо инструкцией Главного управления местами заключения прямо было предусмотрено в пункте 5, что к категории безусловно не подлежащих освобождению относятся те, «освобождение коих определенно связано с опасностью для государственного строя и порядка – в частности, приговоренные за самогон». В результате арестные дома были переполнены этими преступниками, тем более, что организованные специальные камеры по делам о самогонщиках действовали быстро и решительно.

Значительные размеры приобрело тайное винокурение и в Москве. В связи с этим 4 августа 1922 г. Отделом управления Московского совета был издан циркуляр «О борьбе с самогоноварением». Сотрудники милиции активно включились в эту работу. С 1 ноября по 15 декабря 1922 г. московской городской милицией произведено 5 807 обысков, более чем в 3 000 обнаружен самогон и самогонные аппараты. Следует сказать, что некоторые дельцы поставили дело на широкую ногу (в сут-

[1] Аронович А.М. Самогонщики… С. 175.

[2] Уголовный кодекс РСФСР… С. 56.

ки производили 15 и более ведер самогона), вступили в преступную связь с владельцами ресторанов и реализовывали зелье через общепит. Так, в ночь на 15 ноября 1923 г. оперативная группа Московского уголовного розыска проверила рестораны «Саратов», «Ливорно», «Палиха». Во всех обнаружен самогон. Рестораны закрыли. В результате энергичных мер уже к маю 1923 г. число самогонных «заводов» в Москве сократилось, по крайней мере, в два раза. В декабре 1922 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял Декрет «О распределении штрафных сумм, взыскиваемых в судебном и административном порядке за незаконное приготовление, хранение и сбыт спиртных напитков и спиртосодержащих веществ». Штрафные суммы распределялись: 50 % – на премирование сотрудников милиции, 25 % – на вознаграждение лиц, способствующих обнаружению мест производства, хранения и сбыта упомянутых напитков и веществ и 25 % – в доход местных исполкомов. Однако указанный декрет не выполнял своего стимулирующего предназначения для сотрудников милиции, так как премиальные денежные суммы за самогон распределялись поровну между всеми сотрудниками подразделений милиции, включая и административный и хозяйственный аппарат[1].

А.М. Аронович оставил описание самогонщиков: «Уже первое впечатление, в особенности от заключенных женщин, показало при обследовании арестных домов, что в данном случае мы имеем дело не с обычным типом преступника... На опрос являлись женщины бедно, но аккуратно одетые, с налетом домовитости на всем облике. Изможденные лица и впавшие глаза говорили о нерадостной и трудной жизни. При опросе, в противоположность некоторым другим категориям преступников, держались спокойно, не бахвалясь, отвечали на вопросы, и только вопросы о семейном положении или о причинах, побудивших к преступлению, волновали и вызывали слезы. Сразу чувствовалось, что эти заключенные не из числа попавших из притонов, ночлежек и т. п., а те, кто чаще всего встречается в рабочих районах… Изготовление или продажа самогонки не преступление с точки зрения широких обывательских масс. Это ведь не воровство: "Сама деньги за сахар платила". И характерно, что большинство осужденных за самогонку так и смотрит на свое преступление. Это один из видов торговли, нелегальный только в такой же степени, как торговля яблоками или другими предметами

[1] Колемасов В.Н. Борьба с пьянством и алкоголизмом в России в 1917–1930 гг. // Наука. Общество. Государство. № 2 (14). С. 31.

в разнос без выборки соответствующего разрешения. "Была бы служба, этим бы не занимались" – общий голос самогонщиков… Главным образом, самогонщики по происхождению крестьяне и рабочие… и, следовательно, не являются классовыми врагами пролетарской республики… они плоть от плоти и кровь от крови тех же крестьян-рабочих, которые стоят у власти…, совсем незначительный процент тех, чьи родители были торговцами, а интеллигентов совсем мало. А между тем среди убийц, по данным обследования, установлено, что 20 % женщин и 10,5 % мужчин получили воспитание в интеллигентной семье… Вот отдельные выдержки из рассказов, как они "дошли до жизни такой": "Жили до последнего времени ничего, мужа сократили и пришлось", "Была портнихой… – мастерскую закрыли, частной работы нет, биржа не помогает, ребенок и муж-инвалид", "Пока были пайки, перебивались, но жили... а теперь деньги выдают неаккуратно, все дорожает, нет другого выхода". Еще хуже, следовательно, положение такого лица, когда оно, по сокращении штатов, особенно жестоко проведенное после НЭПа, остается и без этой работы и, не имея специальности, должно очень долгое время числиться безработным… Что же их толкает на преступление? Неподготовленность к жизненной борьбе… Революция и гражданская война, обесценение бумажных знаков и отсутствие продукта, переход к натуральному обмену и поездки для получения продуктов на места – все это понемногу выкачивало из скудного имущества одну вещь за другой. В результате с НЭПом этот слой пролетариата оказался наиболее имущественно подкошенным. Как поправить дела, как накормить семью, притом, что жалованье недостаточно, выдается неаккуратно, а деньги дешевеют с каждым часом? Ремесла они не знают, значит, труден побочный заработок, другой работы в силу своей неразвитости они найти не могут. Ведь не надо забывать, что свыше половины женщин безграмотны, а 80 % мужчин только с низшим образованием, т. е. умеют подписать фамилию. А между тем жить надо… Куда деться? На преступление идти? На это рабочая масса, честная в своей основе, конечно, идти не может. И идет по линии наименьшего сопротивления. Их слабое интеллектуальное развитие не делает различия между торговлей самогоном и торговлей разрешенными к продаже продуктами. Понятие вредности самогона у них отсутствует. Оно имеется только в такой степени, как понятие, что курить нехорошо. И поэтому поскольку для занятия этим промыслом, как указывают сами осужденные, "ума не требуется, поставил на примус и гони", то к этому легкому

заработку, не отрывающему от ухода за детьми и дающему возможность вести домашнее хозяйство – пошли те, кто считал, что иным путем он не выбьется из цепких лап нужды. Поэтому-то количество осужденных, несмотря на жестокую репрессию, не уменьшалось. Взгляд на занятие этим промыслом, как на занятие допустимое, "не преступное", способствовал привлечению большего числа. По мнению среды, из которой вышли самогонщики, это занятие равносильно изготовлению и продаже необандероленных папирос. И поскольку последнее, по мнению массы, только нарушение закона, а не уголовное преступление, постольку в отношении изготовления самогонки и ее продажи установился такой же взгляд. Поэтому и репрессия не помогла делу, а наоборот, явилась сама фактором преступности, ибо при конфискации имущества нарушала благосостояние семьи и так уже нарушенное и в результате родила пауперизм, а высылка… создавала из малолетних членов семьи лишние кадры беспризорных и новых кандидатов в преступники»[1].

18 июля 1923 г. было принято Постановление ВЦИК о досрочном освобождении самогонщиков по отбытии 2 месяцев заключения осужденных по ст. 140 и 4 месяцев – осужденных по ст. 140 а. Это постановление было принято в результате работ Особой комиссии, созданной по инициативе Центральной контрольной комиссии и Московского Совета для производства обследования и разгрузки мест заключения. Комиссия работала под председательством председателя Судебной комиссии Верховного суда Сольца. В вводной части постановления ВЦИК указывал, что преступления эти были совершены вследствие вековой темноты и невежества. После этого в газете «Правда» появилась статья «Наша карательная политика», где говорилось о том, что «те преступления, которые охватывают широкие массы трудящихся, которые вызываются бытовыми условиями, острой экономической нуждой... не должны влечь за собой слишком суровых наказаний»[2].

В целом же первые послабления в отношении алкоголя произошли в самом начале января 1920 г. За подписью С. Бричкиной, секретаря Совета народных комиссаров, было внесено изменение в постановление от 19 декабря 1919 г. и было разрешено производить и продавать вино виноградное крепостью до 12°. Несмотря на то, что в начале 1920-х гг. в стране усилилась инфляция, советское правительство не шло на мобилизацию денежных средств путем возврата к алкогольной монополии. Характерна

[1] Аронович А.М. Самогонщики… С. 177–190.

[2] Правда. 1923. 22 августа.

для тех лет дискуссия между журналом «Экономист» и газетой «Правда». В статьях профессора И.Х. Озерова «О регулировании денежного обращения» и «Злой рок нашего бюджета» обосновывалось разрешение проблемы денежной инфляции путем продажи спиртных напитков: «Чистый доход должен составить 250 млн руб. золотом, а по курсу на вольном рынке – 100 триллионов советских денег. Моральные соображения должны здесь отпасть». В сентябре 1922 г. в «Правде» на первой полосе была напечатана статья «Это не пройдет», в которой излагалась позиция советского правительства: «Советская власть, которая существует для народа и его хозяйства... не может становиться на этот гибельный путь уже по одному тому, что в погоне за вилами писаными, или даже верными 250 млн, народное хозяйство понесет такие убытки, такие разрушения, которые никакими миллиардами не окупятся. Бедствия от открытия в настоящих условиях продажи водки не выявятся полностью на другой же день, но они неисчислимы... Но одно мы можем сказать с уверенностью: чтобы ни предпринимали крепостники и биржевики, какие бы мины они ни подкладывали под эту нашу позицию – позицию трезвости, – им ее не взорвать. Наше отступление, в целом, закончено... Но прорыва, который повлек бы за собой сдачу такой командной высоты, какой является для нас народная трезвость, вы нам не устроите... Это не пройдет!». Можно рассматривать как политический наказ записанную по инициативе В.И. Ленина строчку в плане ГОЭЛРО: «Запрещение потребления алкоголя должно быть проведено и далее в жизнь, как, безусловно, вредного для здоровья населения»[1]. 13 ноября 1922 г. в письме И.В. Сталину В.И. Ленин коснулся вопроса казенной винной монополии: «Монополия Внешторга дала нам начало притока золотого фонда в Россию… Мы начали получать возможность и учиться и увеличивать размер этой прибыли…С Внешторгом мы начали рассчитывать на золотой приток. Другого расчета я не вижу, кроме разве винной монополии, но здесь и серьезнейшие моральные соображения, и ряд деловых возражений Сокольникова»[2].

Тем не менее 5 января 1922 года М.И. Калинин подписал декрет ВЦИК «Положение об управлении государственными виноградарством и виноделием», где говорилось, что для «для осуществления всех мероприятий по ведению государственного виноградно-винодельческого хозяйства и для организации государственного виноделия, а также для

[1] Цит. по: Протько Т.С. Вборьбе за трезвость. Страницы истории… С. 103.

[2] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1967. Т. 45. С. 223.

переработки продуктов такового, и сбыта вин, учреждается при Народном комиссариате земледелия РСФСР Правление Государственного виноградарства и виноделия федерации (Винделправление)». Декреты ВЦИК и СНК разрешали: с 3 февраля 1922 г. – продажу пива крепостью не более 6°; с 20 апреля 1922 г. – продажу плодово-ягодных и изюмных вин не свыше 14°, а виноградных вин с содержанием алкоголя не более 20° в полном объеме на всей территории РСФСР и во всех союзных с ней советских республиках; с 7 декабря 1922 г. – производство коньяка крепостью от 40° до 60°. При этом указывалось, что коньяк отпускался только в распоряжение Народного комиссариата здравоохранения для лечебных целей и на сдабривание виноградных вин. Одновременно Народному комиссариату здравоохранения разрешалось отпускать для лечебных целей из имевшихся запасов водочные изделия. Действие декрета распространялось на территорию РСФСР и на все союзные с ней советские республики. Декретом ВЦИК и СНК 27 июля 1922 г. предусматривалась организация Государственного виноградарства и виноделия в РСФСР и союзных советских республиках.

И.В. Сталин затронул вопрос казенной винной монополии даже на докладе «Об объединении советских республик» на X Всероссийском съезде Советов 26 декабря 1922 г., где он сказал: «Товарищи, надо сказать прямо, что наше финансовое положение теперь, на шестом году существования Советской власти, имеет гораздо меньше возможностей развиться в большем масштабе, чем, например, при старом режиме, у которого была водка, чего у нас не будет, дававшая пятьсот миллионов рублей в год, у которого были обеспечены заграничные кредиты по несколько сот миллионов, чего у нас также не имеется. Все это говорит о том, что при таких скудных возможностях нашего финансового развития без сплочения сил, без сложения финансовых сил отдельных республик в одно целое нам не удастся разрешить основных и очередных задач финансового хозяйства наших республик»[1]. За 1923 г. ВЦИК и СНК приняли свыше 20 декретов, направленных на повышение твердых акцизных ставок со спиртных напитков, что отражало устойчивую тенденцию расширения объемов производства виноградных вин, наливок, настоек и спирта, повышения крепости спиртных напитков, расширения мест и объемов продажи их населению.

Летом 1923 г. И.В. Сталин попытался отменить запрет на торговлю водкой и другими крепкими напитками. Он вынес проект постанов-

[1] Сталин И.В. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1946. Т. 5. С. 59.

ления по этому вопросу на июньский Пленум ЦК РКП(6). Это вызвало резкий письменный протест Л.Д. Троцкого, отвергавшего саму возможность легализации водочной торговли. 29 июня 1923 г. Л.Д. Троцкий написал: «На последнем пленуме снова, как оказывается, поставлен вопрос о допущении свободной продажи питей в фискальных целях – вопрос, который я считал погребенным. Ввиду огромной важности дела и той исключительной ответственности, которую берут на себя инициаторы постановки его, считаю необходимым высказаться письменно – тем более, что находясь в отпуску, я на пленуме не присутствовал. Для меня совершенно бесспорно, что наш бюджет может держаться только на успехах сельского хозяйства и промышленности и внешней торговли (экспорт хлеба, леса и пр.). Попытка перенести бюджет на алкогольную основу есть попытка обмануть историю, освободив государственный бюджет от зависимости от наших собственных успехов в области хозяйственного строительства. Заработная плата рабочего далеко еще не достигла довоенного уровня. Тем не менее рабочий класс в целом чувствует себя в состоянии подъема. Если сюда вернется алкоголь, – все пойдет назад, вниз. На проведенную мною анкету о рабочем быте агитаторы-массовики отвечают: два основных фактора изменяют быт, во-первых, восьмичасовой рабочий день и, во-вторых, рабочий меньше пьет, меньше бьет жену и детей. Мы подрежем это движение рабочего класса вверх и деморализуем партию. Не говорю уже о том, в какой мере возврат к доброму старому времени уронит наш революционный престиж в международном масштабе. Решительно протестую против этого предложения»[1].

На следующий день Л.Б. Троцкий подготовил проект резолюции, осуждавший попытку разрешить продажу водки: «Ввиду того, что в партии поднимаются голоса в пользу легализации в том или другом виде водочной торговли с целью извлечения государственных доходов, Пленум Центрального Комитета считает необходимым своевременно положить конец этим тенденциям, которые при своем развитии и успехе могли бы иметь лишь пагубное действие на революцию и партию. Между бюджетом рабочего государства и общим хозяйственным развитием страны не может не быть самой тесной внутренней связи. Устойчивый и жизненный социалистический бюджет может и должен опираться на успехи в области сельского хозяйства, промышленности, внутренней

[1] Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. М, 1990. Т. 1. С. 81–82, 108–109.

и внешней торговли. Попытка изъятия народных средств при помощи алкоголя, подрывающего эти народные средства и деморализующего правящий рабочий класс, неизбежно привела бы к экономическому тупику, сорвав едва лишь намечающийся процесс хозяйственного оживления и подъема. Заработная плата рабочего, приближающаяся к двум третям довоенного уровня, сразу обнаружила бы свою недостаточность с возвращением алкоголя в жизненный обиход рабочего. В качестве результата явилось бы понижение производительности труда и деморализация. Широкие круги партии не могли бы увидеть в легализации алкоголя ничего, кроме меры отчаяния. У десятков тысяч лучших работников опустились бы руки, не говоря уже о том, что значительные круги партии оказались бы неспособны противостоять легализованному рабочим правительством алкоголю. Все приведенные соображения побуждают Центральный Комитет решительно отвергнуть и осудить всякую мысль легализации водочной монополии или других форм свободной продажи водки. Только правильная и напряженная работа по поднятию промышленности и сельского хозяйства, по упорядочению и расширению внешней торговли в соответствии с решениями XII съезда партии может обеспечить устойчивый и жизненный бюджет как составной элемент планового социалистического хозяйства». Пленум не поддержал по этому вопросу ни И.В. Сталина, ни Л.Д. Троцкого. Как писал Г.Е. Зиновьев И.В. Сталину в июле 1923 г. из Кисловодска, «беда в том, что и наши – Серго, Ворошилов, Бухарин – сильно колеблются… Даже Молотов, кажется, имеет большие сомнения». Политбюро приняло решение, предлагавшее воздержаться от помещения в «Правде» дискуссионных статей о продаже водки. Оспорил такое мнение троцкист Е.А. Преображенский – член редколлегии «Правды». И.В. Сталин провел на Политбюро постановление о снятии его с этого поста. Одновременно в отсутствие главного редактора Н.И. Бухарина была назначена новая редакционная коллегия.

Октябрьский Пленум ЦК ВКП(б) 1924 г. по настоянию И.В. Сталина, Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и еще четырех их единомышленников принял решение о введении водочной монополии. Против введения государственной винной монополии возражали многие, в том числе старые большевики. Н.К. Крупская в прениях на Октябрьском 1924 г. Пленуме ЦИК призвала «бороться против законов о введении монополии», при этом обратила внимание «на полную необоснованность цифровых данных Госплана, на отсутствие даже попытки выяснить причины рас-

пространения самогона, "на отрицательное отношение Владимира Ильича к торговле сивухой"»[1].

Против продажи алкогольных напитков выступил и Л.Д. Троцкий: «Товарищи, мне не совсем ясно, как быть с частным вопросом, который вошел в доклад товарищ Сокольникова, о том, что Совнарком постановил увеличить градус наливок на 10°. В партийном порядке этот вопрос не обсуждался. Очевидно, что это сообщение, если оно будет просто принято, тем самым будет утверждено. По-моему, нужно выделить этот вопрос, поставить его отдельным пунктом, что ли, но так или иначе его нужно обсудить, ибо он имеет колоссальное значение. Во всяком случае, дело идет по существу о подготовке государственной продажи водки. Хотя товарищ Сокольников сказал, что это не имеет ничего общего с вопросом о водочной монополии, что это лишь повышение градуса наливки с 20° до 30°, но так как водка имела 40°, то эти наливки в 30° стоят посередине между той наливкой, которая была до сих пор, и той монопольной водкой, о которой давно уже идет речь, и, по-моему, вопрос необходимо обсудить. Конечно, этот вопрос можно выделить из общих прений… мимо этого вопроса пройти нельзя. Я хотел сделать лишь несколько замечаний. Вопрос решался, мне кажется, не обычным порядком. Вопрос, который врезается в жизнь широких масс, этот вопрос в партийном порядке до сих пор не обсуждался. Правда, он поднимался несколько раз, но оставался без разрешения, в то время, как в советском порядке он постепенно все дальше продвигается вперед. Я думаю, что такой порядок неправилен, так как, независимо от того, как члены ЦК к этому относятся, самый поворот назад представляет теперь затруднения, если бы ЦК решился повернуть назад. Создается положение, когда мы оказываемся перед совершившимся фактом. И ясно, что разделение вопроса о наливках в 30° и вопроса о водке неправильно и несерьезно. Ясно, что здесь мы имеем метод постепенного, незаметного внедрения государственной водки без единовременного решения этого вопроса. Опять-таки этот метод и с точки зрения хозяйственной наиболее вредный, потому что, если решиться на эту меру (которую я считаю опасной и вредной), если решиться на нее, то провести ее надо имея перед глазами всю карту Союза, сообразуясь с тем, где и как из этой вреднейшей меры извлечь, с одной стороны, фискальную выгоду, а с другой стороны, постараться свести к минимуму вредные ее тенденции и результаты. Так, в частном разговоре с условными сторонниками этой вредной

[1] Изв. 1924. 11 октября.

и недопустимой, по-моему, меры, мне пришлось слышать, что можно будет проводить эту меру в крестьянских районах, например, в Сибири, а что в городах проводить не будем. Я возражал против этого с той точки зрения, что если мы это сделаем в маленьком масштабе, как на Дальнем Востоке, то это не даст серьезной выгоды, а если мы это сделаем в большом масштабе, то, так как крестьянские районы у нас доминируют, водка зальет неизбежно и городские районы. Во всяком случае эту меру возможно было бы обсуждать только как плановую меру широкого масштаба. А сейчас мы имеем кустарный подход (Голос с места: "Надо лимиты установить"). Даже лимиты на хлеб представляют некоторые затруднения, как здесь указывали товарищи. Я не знаю, имеются ли реальные лимиты на наливку. Во всяком случае мы стоим сегодня перед таким положением, когда у нас деревня пьет самогон. Наливка, говорят нам, это средство борьбы с самогоном. Насколько средство это реально? (Голос с места: "Реально"). Насколько оно реально, в это я совершенно не верю. Одно из двух, либо мы захотим иметь серьезный доход, т. е. производя дорого, захотим еще дороже продавать, – тогда крестьянин предпочтет самогон; а если захотим конкурировать с самогоном, тогда побудительный фискальный мотив у нас будет отсутствовать. В период, когда мы ведем очень острую, очень ответственную кампанию за поднятие производительности труда, не имея возможности предварительно поднять заработную плату, в это время легализировать наливку, равную водке, значит врезаться в заработную плату рабочего. Конечно, можно будет представить себе, что через три-четыре-пять лет, если продукция расширится, себестоимость понизится, аппарат борьбы с самогоном улучшится, тогда мы завоевание в деревне алкогольного рынка сможем совершить, т. е. государство будет продавать этих наливок, скажем, на 50 % всего потребления алкоголя. Но ведь эта мера особенно важна для нас не через пять лет, а в нынешний острый период. Между тем в этот период фискальные результаты от этой меры ничтожны, и прежде всего результаты эти будут за счет заработной платы рабочего. Вопрос этот ни в печати, ни партийным путем не был обсужден. В печати этот вопрос был одно время поставлен, но обсуждение было прервано, и вопрос этот на обсуждение Политбюро не передавался, не поступал. Я, по крайней мере, в таком обсуждении совершенно не участвовал. Я считаю постановление Совета народных комиссаров абсолютно неправильным. Я думаю, что надо эту меру приостановить и обсудить в партийном порядке; ведь партии придется выносить эту меру на своих плечах, если мы эту

меру введем. Обсуждение этой меры в партийном порядке, на партконференции, является абсолютно необходимым»[1].

28 августа 1925 г. Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров издали Постановление «О введении в действие положения о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими», которое гласило: 1) утвердить Положение о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими и ввести его в действие с 1 октября 1925 г.; 2) не распространять действия указанного в ст. 1 Положения на территорию Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики; 3) поручить Высшему Совету народного хозяйства по соглашению с Народным комиссариатом финансов издать инструкцию по применению Положения; 4) поручить Высшему Совету народного хозяйства и Народному комиссариату финансов внести в Совет народных комиссаров перечень узаконений, утрачивающих силу с введением в действие Положения; 5) предложить центральным исполнительным комитетам союзных республик ко времени введения в действие Положения согласовать с ним законодательство[2].

Положение «О производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими» содержало следующие правила: 1) производство (выкурка) сырого спирта, из каких бы продуктов он не производился, допускается на всех винокуренных, дрожжево-винокуренных, фруктово-виноградно-водочных и коньячных заводах, как государственных, так и кооперативных и частных. Ректификация спирта допускается на тех винокуренных заводах, на которых имеются соответствующие приспособления. Все указанные заводы должны быть зарегистрированы в порядке, устанавливаемом инструкцией Высшего Совета народного хозяйства и Народного комиссариата финансов СССР; 2) весь выкуренный и ректификованный на заводах, указанных в ст. 1, спирт, за исключением фруктово-виноградного и коньячного, подлежит сдаче Центральному правлению государственной спиртовой монополии (Центроспирт) (ст. 10); 3) ректификация спирта, за исключением фруктово-виноградного и коньячного, производится на ректификационных заводах Центрального правления государственной спиртовой монополии, а равно в ректификационных отделениях винокуренных заводов (ст. 1); 4) изготовление хлебного вина

[1] Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР… Т. 1. С. 81–82, 108–109.

[2] СССР. Законы. Систематическое собрание действующих законов Союза Советских Социалистических Республик. М., 1926–1927. Т. 2. Хозяйственный строй: по законодательству на 1 марта 1926 г. С. 131.

(водки) составляет исключительное право государства, осуществляемое Центральным правлением государственной спиртовой монополии; 5) изготовление хлебного вина (водки) и водочных изделий допускается исключительно из ректификованного спирта. Хлебное вино (водка) должно изготовляться крепостью в 40 градусов по Траллесу; 6) изготовление водочных изделий допускается как на государственных, так и на кооперативных и частных водочных заводах. Наливки и настойки могут изготовляться крепостью до 40 градусов, а коньяки и ликеры – до 60 градусов по Траллесу. Порядок производства указанных напитков регулируется законодательством союзных республик; 7) спирт крепостью свыше 40 градусов по Траллесу как в сыром, так и в ректификованном виде, отпускается лишь для техническо-производственных, медико-санитарных и научно-учебных надобностей; 8) торговля на внутреннем рынке хлебным вином (водкой), водочными изделиями и коньяком может производиться с соблюдением действующих законоположений и правил как государственными, так и кооперативными и частными предприятиями; 9) производство денатурированного спирта и продажа его населению для хозяйственных и технических надобностей регулируется особым постановлением Совета народных комиссаров; 10) в ведении Высшего Совета народного хозяйства учреждается Центральное правление государственной спиртовой монополии (Центроспирт), действующее на началах коммерческого расчета, согласно уставу, утвержденному Советом труда и обороны; 11) на Центральное правление государственной спиртовой монополии возлагается: а) разработка общего для всего СССР плана винокурения и учет выкурки спирта; б) разработка контингентов внутреннего потребления спирта и вывоза его за границу; в) приобретение и ректификация выкуриваемого на территории СССР спирта (ст. 3); г) отпуск спирта крепостью свыше 40 градусов на указанные в ст. 7 надобности; д) изготовление хлебного вина (водки) и отпуск его торгующим организациям; е) реализация спирта на внешних рынках (действие настоящей статьи не распространяется на фруктово-виноградный и коньячный спирт. Планы и контингенты, упомянутые в пунктах а) и б) настоящей статьи, представляются Высшим Советом народного хозяйства через Государственную плановую комиссию на утверждение Совета труда и обороны); 12) в ведение Центрального правления государственной спиртовой монополии передаются все ректификационные заводы и помещения бывших казенных винных складов по особому списку, вырабатываемому Высшим Советом народного хозяйства и утверж-

даемому Советом труда и обороны (Ректификационные отделения при винокуренных заводах передаче Центроспирту не подлежат); 13) право выкурки спирта Центральному правлению государственной спиртовой монополии не принадлежит[1].

На первом Всесоюзном учительском съезде (январь 1925 г.), отвечая на вопрос, чем вызвана водочная торговля, председатель СНК СССР А.И. Рыков сказал: «Главным мотивом, который побудил нас выпустить водку, является наличие самогона. Когда мы издавали закон, допускающий продажу "горькой", то здесь играли роль не столько доходные соображения, сколько невозможность при настоящих условиях побороть самогонщика исключительно одними административными мерами». Решение вопроса борьбы с самогоноварением, информировал А.И. Рыков, усматривается также в принятии экономических мер воздействия для создания условий, при которых выкурка самогона потеряла бы свою прибыльность, и в понятии культуры и улучшении материального положения населения. В отношении полного искоренения алкоголя указывалось, что в условиях крайне низкого культурного уровня населения, даже в смысле элементарной грамотности, такая задача является нереальной. Однако сама возможность достижения этой цели допускалась в перспективном будущем в результате борьбы с потреблением водки, в связи с культурным строительством и реконструкцией народного хозяйства в целом. Определенный аналогичный опыт имелся при ликвидации безграмотности, когда взимался на это особый сбор с патентов на право продажи вина, пива и табачных изделий[2].

Н.П. Окунев отметил существенные изменения, которые произошли в повседневной жизни России после введения НЭПа: «*14 ноября 1921 г.* Передо мной театральный справочник, выходящий два раза в неделю, типа дореволюционных "Новостей сезона", продававшихся за пятачок. Теперь цена такого справочника, т. е. "Театральной Москвы", ни много ни мало 3 000 руб. за нумер. И вот читаю в нем уже такие публикации: 1) В субботу 12 ноября открывается кафе-ресторан "Ампир", Петровские линии. Во время обедов от 5 до 7 и ужинов от 8 до 11 играет струнный оркестр под управлением Ф.Ф. Кришь. Метрдотель И.И. Тестов. Кухня под наблюдением И.А. Фомичева. 2) Вниманию посетителей

[1] СССР. Законы. Систематическое собрание действующих законов Союза Советских Социалистических Республик... С. 131.

[2] Цит. по: Кирющенко А.Г., Петрова Ф.Н. Антиалкогольная правовая политика и антиалкогольное законодательство советского государства: уроки истории и пути совершенствования. СПб., 1998. С. 91.

"княжна". Все по молчаливому уговору стараются не заметить, что граф продает последнюю трость с золотым набалдашником, а княжна является прямо из Смоленского рынка в стоптанных веревочных туфлях на босую ногу и в кольцах, надетых бриллиантами внутрь, к ладони, чтоб не привлечь внимания кого не следует, что баронесса "готова на все" за флакон заграничных духов»[1].

К 10-летней годовщине введения «сухого закона» советское государство решилось разрешить продажу водки. Интересные воспоминания об этом сохранились в тогдашних газетах: «В первый день выпуска сорокаградусной люди на улицах... плакали, целовались, обнимались. Продавать ее начали в 11 часов утра, а уже в 4 часа все магазины были пустые». Культ нуждается в фольклоре – в народе появилась своя градация водочной посуды: «Если кому нужно купить сотку, то просят – дайте пионера, полбутылки – комсомольца и бутылку – партийца». В Москве продажа советской водки началась 4 октября 1925 г., в воскресенье. У магазинов, торговавших спиртным, выстроились очереди. В среднем продавали по 2 000 бутылок в день. Появление водки в продаже обухом ударило по промышленности, на работу не вышло много рабочих, а многие из тех, кто все же решился на трудовой подвиг, к обеду «доходили до кондиции».

В связи с выпуском в продажу 40° водки Агитпроп ЦК ВКП(б) опубликовал тезисы, в которых следующим образом объяснялись причины такого решения советского правительства: «Угрожающий рост самогонокурения и распространения его на все более и более широкие слои населения поставил вопрос о продаже водки как одного из средств, ослабляющих дальнейший рост самогонокурения... В то же время доходы, получаемые государством от вина, дают государству возможность увеличить расходы на цели восстановления крупной промышленности, развития просвещения и т. п.»[2].

В 1924 г. М. Булгаков записал в своем дневнике: «В Москве событие – выпустили 30° водку, которую публика с полным основанием назвала "рыковкой". Отличается она от царской водки тем, что на десять градусов она слабее, хуже на вкус и в четыре раза ее дороже». «Водку называют "Рыковка" и "Полурыковка". "Полурыковка" потому, что она в 30°, а сам Рыков (горький пьяница) пьет в 60°». В дневнике М. Булгакова 1925 г. есть анекдоты на водочную тему: «Если бы к "Рыковке" добавить "Семашковки" (народный комиссар здравоохранения Н. Се-

[1] Окунев Н.П. Дневник москвича... С. 581–582.

[2] Цит. по: Дейчман Э.И. Алкоголизм и борьба с ним. С. 139

машко), то получилась бы хорошая "Совнаркомовка". «Рыков напился по смерти Ленина по двум причинам: во-первых, с горя, а во-вторых, от радости». А. Рыков после смерти В.И. Ленина возглавлял советское правительство, и решение, по отмене сухого закона, под которым он поставил подпись, всколыхнуло общество.

Известный писатель В.Т. Шаламов вспоминал: «Эта водка "рыковка"..., которой внезапно стало торговать государство, выпуск ее наделал немало шума и в Москве. Ведь в России с 1914 г., с войны, был сухой закон, а в революцию даже самая мысль, что государство может торговать водкой, отвергалась. После гражданской Россия знала только самогонку, и немало славных страниц вписано тогдашней милицией в борьбу с самогоноварением. Торговля водкой в "казенке", водочные откупы считались смертным грехом царского правительства. А Рыков, ставший после смерти Ленина председателем Совнаркома, подписал... Я сам помню, своими глазами видел разбиваемый водочный магазин на Тверской пьяной толпой. На Пушкинской площади толпа окружила милиционера, велела ему плясать, и милиционер плясал. В кругах партийных, чтобы несколько снизить то сильное впечатление, которое произвела во всей стране продажа водки, был распространен и усиленно муссировался слух, что Рыков ввел продажу водки от горя. Плакал после смерти Ленина и пил, пил без конца. Так народная легенда дала объяснение "рыковке" – ... новой водке»[1].

Русский публицист, философ, экономист Н. Валентинов (Н.В. Вольский), эмигрировавший в 1928 г. во Францию, полагал, что «принудительное, до НЭПа, воздержание от спиртных напитков исчезло, появилась в продаже водка, вместе с нею пьянство, массовые невыходы на работу после получения заработка и праздничных дней. В Москве в рабочем районе – на Пресне – можно было постоянно видеть десятки совершенно пьяных рабочих. Борьба за увеличение производительности труда встречала сопротивление со всех сторон. Профессиональные союзы старались от нее уклониться, а так называемая, рабочая оппозиция, с которой солидаризировалась и троцкистская оппозиция, находила принципиальные возражения против увеличения производительности труда»[2].

Н. Тяпугин описывал сложившееся положение так: «Когда умолкли грозы Гражданской войны, ушли лишения голодного и холодного

[1] Шаламов В.Т. Собрание сочинений. М.: Вагриус, 1998. Т. 4. С. 31.

[2] Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания / сост. С.С. Волк. М.: Современник, 1991. С. 91.

существования, народ вздохнул легче, и он опять потянулся к тому соблазнительному дурману, с которым он сжился на протяжении долгих лет и который он не успел забыть. Возвратились в СССР южные винодельческие районы, которые были отторгнуты, появились хлебные излишки на самогон, снят запрет, были допущены в продажу виноградные вина, слабые наливки и пиво, появился НЭП... И алкоголь – льстивый, коварный – стал опять забирать народ в свой плен. Под знакомыми всем желто-зелеными вывесками гостеприимно открыли свои двери рестораны, трактиры, пивные... В окнах магазинов заиграли разноцветными красками стройные ряды бутылок с "слабыми" напитками. На улицах появились пьяные – шатающиеся, с мутным взглядом, с бессвязной речью... Дети вначале смотрели на них с изумлением и спрашивали взрослых: "Что с ними?" Потому что дети, выросшие среди лишений войны и в обстановке революционного подвига народа, дети, не видавшие в своей жизни пьяных, не знали, что такое пьяный. Теперь дети это узнали. В винных магазинах стали устанавливаться очереди за получением спиртных напитков. Особенно "отличилась" Москва в пасхальные дни 1925 г., когда было продано здесь около 2 млн бутылок разных спиртных напитков. На улицах появилось много пьяных. Милиция штрафовала за появление в нетрезвом виде на улице и для протрезвления увозила пьяных в милицейские участки. За воскресный и понедельничный дни во всех отделениях милиции перебывало около 3 000 пьяных. Наложено штрафов на несколько тысяч рублей за дебош, пьянство и хулиганство. Милиция зарегистрировала несколько десятков пьяных избиений, драк, несколько отравлений алкоголем. Несколько детей, оставшись без присмотра родителей, сильно пострадали от падения из окон, с лестниц. Более 20 человек умерло от злоупотребления спиртными напитками. Зарегистрировано несколько десятков случаев острых желудочных заболеваний. В дни получек пивные и трактиры стали заполняться трудящимися. В газетах описывались и описываются бытовые сценки, где плачут женщины, поджидающие из пивных своих мужей, нередко оставляющих там всю свою получку. Визжит гармоника, хлопают пробки. Пьянка идет целыми цехами. В одном углу гуляет "котельная", в другом – "мартеновский". Шум, драки. А на улице – две очереди. Одна – мужская – ждет освобождения столиков, другая женская – ждет выхода пьяных мужей»[1].

[1] Тяпугин Н. Народные заблуждения и научная правда об алкоголе. М.: Изд-во Наркомздрава, 1926. С. 11.

Водка сначала продавалась по низкой цене. Затем цены были увеличены, но в связи с малым спросом на дорогую водку в деревне до 1929 г. наблюдалось постепенное их снижение. Это привело к росту потребления водки. В среднем по РСФСР, УССР и БССР потребление водки и самогона на душу населения было 6,25 л., что составляло около 72 % от уровня душевого потребления алкоголя в 1913 г. Однако «выпуск водки не только не вытеснил самогона в деревне, но сопровождался даже более быстрым нарастанием алкоголизма в деревне, чем это происходило в городе... В 1924 г., когда водки еще не было, все потребление самогона городе составляло менее 35 % по отношению к довоенному потреблению водки; все потребление самогона в деревне составляло в 1924 г. около 50 % по отношению к довоенному потреблению там водки. А за последний отчетный 1927–1928 г., когда есть и самогон, и водка, общее потребление их: в городе, вместо 35 % мы имеем 75 %, а в деревне – вместо 50 % мы имеем 150 % довоенной нормы»[1].

В 1920-е гг. облеченные властью партийцы также много пили, несмотря на строгие окрики сверху. Можно сказать, что употребление спиртного было неотъемлемой частью образа жизни ответственных работников того времени. Пьянство было столь распространенным, что контрольные комиссии, которые следили за соблюдением партийной этики, разработали особую классификацию для его градации. Если ответственные работники собирались, чтобы выпить пару литров пива, то это мероприятие характеризовалось как «пьянка» или «выпивка». Если пили много и до бесчувствия, то это уже была «попойка» или даже «попойка, доходящая до невменяемости». В партийной печати еще встречался термин «вакханалия», но его применяли реже и для особо масштабных безобразий, связанных с нарушением закона[2].

В политическом отчете Центрального Комитета от 18 декабря 1925 г. И.В. Сталин сказал о винной монополии следующее: «Кстати, два слова об одном из источников резерва – о водке. Есть люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках. Это – грубейшая ошибка, товарищи. Ежели у нас нет займов, ежели мы бедны капиталами и если, кроме того, мы не можем пойти в кабалу к западноевропейским капиталистам, не можем принять тех кабальных условий, которые они нам предлагают и которые мы отвергли, – то остается

[1] Воронов Д.Н. Алкоголь в современном быту… С. 64–65.

[2] Шабалин В.В. Пьянка, выпивка, попойка (фоновые практики районной номенклатуры) / Алкоголь в России. Иваново: Филиал РГГУ в г. Иваново, 2012. С. 21.

одно: искать источников в других областях. Это все–таки лучше, чем закабаление. Тут надо выбирать между кабалой и водкой, и люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках, жестоко ошибаются»[1].

В письме Шинкевичу И.В. Сталин объяснил введение винной монополии так: «Вы ссылаетесь на слова Ленина… против водки. Слова Ленина, конечно, известны Центральному Комитету. Если ЦК партии тем не менее согласился на введение водки, то это потому, что он имел на то согласие Ленина, данное в 1922 г. Ленин не считал исключенным, что мы сможем при известных жертвах с нашей стороны урегулировать свои расчеты по долгам с буржуазными государствами и получить крупный заем или крупные долгосрочные кредиты. Так думал он в период конференции в Генуе. При такой комбинации нам, конечно, не пришлось бы вводить водку. Но так как эта комбинация не осуществилась, а денег для промышленности у нас не было, между тем как без известного минимума денежных средств мы не могли рассчитывать на сколько-нибудь сносное развитие нашей промышленности, от которого зависит судьба всего нашего народного хозяйства, – то мы вместе с Лениным пришли к тому, что придется ввести водку. Что лучше: кабала заграничного капитала или введение водки, – так стоял вопрос перед нами. Ясно, что мы остановились на водке, ибо считали и продолжаем считать, что, если нам ради победы пролетариата и крестьянства предстоит чуточку выпачкаться в грязи, – мы пойдем и на это крайнее средство ради интересов нашего дела. Вопрос этот стоял у нас на обсуждении ЦК нашей партии в октябре 1924 г. Некоторые члены ЦК возражали против введения водки, не указывая, однако, никаких источников, откуда бы можно было черпать средства для промышленности. В ответ на это 7 членов ЦК, в том числе я, внесли в пленум ЦК следующее заявление: "Товарищ Ленин летом 1922 г. и осенью того же года (сентябрь) несколько раз заявлял каждому из нас, что ввиду безнадежности получения займа за границей (провал Генуи) необходимо будет ввести водочную монополию, что это особенно необходимо для создания минимального фонда для поддержания валюты и поддержания промышленности. Обо всем этом считаем своим долгом заявить ввиду того, что некоторые товарищи ссылаются на более ранние заявления Ленина по этому вопросу". Пленум ЦК нашей партии принял решение о введении водочной монополии»[2].

[1] Сталин И.В. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1946. Т. 7. С. 134.
[2] Там же. Т. 9. С. 81.

6 ноября 1927 г. И.В. Сталин беседовал с представителями иностранных рабочих делегаций. На ней присутствовало 80 делегатов от Германии, Франции, Австрии, Чехословакии, Южной Америки, Китая, Бельгии, Финляндии, Дании и Эстонии. Беседа длилась 6 часов. Представитель французской делегации задал следующий вопрос: «Как увязываются водочная монополия и борьба с алкоголизмом?». На что И.В. Сталин ответил: «Я думаю, что их трудно вообще увязать. Здесь есть несомненное противоречие. Партия знает об этом противоречии, и она пошла на это сознательно, зная, что в данный момент допущение такого противоречия является наименьшим злом. Когда мы вводили водочную монополию, перед нами стояла альтернатива: либо пойти в кабалу к капиталистам, сдав им целый ряд важнейших заводов и фабрик, и получить за это известные средства, необходимые для того, чтобы обернуться; либо ввести водочную монополию для того, чтобы заполучить необходимые оборотные средства для развития нашей индустрии своими собственными силами и избежать, таким образом, иностранную кабалу. Члены ЦК, в том числе и я, имели тогда беседу с Лениным, который признал, что в случае неполучения необходимых займов извне придется пойти открыто и прямо на водочную монополию, как на временное средство необычного свойства. Вот как стоял перед нами вопрос, когда мы вводили водочную монополию. Конечно, вообще говоря, без водки было бы лучше, ибо водка есть зло. Но тогда пришлось бы пойти временно в кабалу к капиталистам, что является еще большим злом. Поэтому мы предпочли меньшее зло. Сейчас водка дает более 500 млн руб. дохода. Отказаться сейчас от водки, значит, отказаться от этого дохода, причем нет никаких оснований утверждать, что алкоголизма будет меньше, так как крестьянин начнет производить свою собственную водку, отравляя себя самогоном. Здесь играют, очевидно, известную роль серьезные недостатки по части культурного развития деревни. Я уже не говорю о том, что немедленный отказ от водочной монополии лишил бы нашу промышленность более чем ½ миллиарда рублей, которые неоткуда было бы возместить. Значит ли это, что водочная монополия должна остаться у нас и в будущем? Нет, не значит. Водочную монополию ввели мы как временную меру. Поэтому она должна быть уничтожена, как только найдутся в нашем народном хозяйстве новые источники для новых доходов на предмет дальнейшего развития нашей промышленности. А что такие источники найдутся, в этом не может быть никакого сомнения. Правильно ли поступили мы, отдав дело выпуска водки в руки государства? Я думаю, что правильно. Если бы водка

была передана в частные руки, то это привело бы: во-первых, к усилению частного капитала, во-вторых, правительство лишилось бы возможности должным образом регулировать производство и потребление водки, и, в-третьих, оно затруднило бы себе отмену производства и потребления водки в будущем. Сейчас наша политика состоит в том, чтобы постепенно свертывать производство водки. Я думаю, что в будущем нам удастся отменить вовсе водочную монополию, сократить производство спирта до минимума, необходимого для технических целей, и затем ликвидировать вовсе продажу водки. Я думаю, что нам не пришлось бы, пожалуй, иметь дело ни с водкой, ни со многими другими неприятными вещами, если бы западноевропейские пролетарии взяли власть в свои руки и оказали нам необходимую помощь. Но что делать? Наши западноевропейские братья не хотят брать пока что власти, и мы вынуждены оборачиваться своими собственными средствами. Но это уже не вина наша. Это – судьба. Как видите, некоторая доля ответственности за водочную монополию падает и на наших западноевропейских друзей (Смех, аплодисменты)»[1].

Таким образом, по мнению И.В. Сталина, выпуск и продажа водки носила временный характер, с целью восстановления промышленности, так как добиться кредитов на Западе СССР под приемлемые условия было невозможно. Эту же мысль он подчеркнул на политическом докладе Центрального Комитета 3 декабря 1927 г.: «Я думаю, что можно было бы начать постепенное свертывание выпуска водки, вводя в дело, вместо водки, такие источники дохода, как радио и кино. В самом деле, отчего бы не взять в руки эти важнейшие средства и не поставить на этом деле ударных людей из настоящих большевиков, которые могли бы с успехом раздуть дело и дать, наконец, возможность свернуть дело выпуска водки?»[2]. Однако после этого мысль о временном характере казенной винной монополии и вообще о водке из выступлений И.В. Сталина исчезают. В 1924 г. было выпущено 11,3 млн л спирта, а доход от его продажи составил 2 % поступлений в бюджет, в 1927 г. было уже произведено 550 млн л, что обеспечило 12 % государственных доходов, т. е. временная мера превратилась в постоянную. Таким образом, Постановлением 28 августа 1925 г. «сухой закон» был окончательно похоронен. Продержался он практически десять лет, несмотря на Первую мировую и гражданские войны. Правда, следует отметить, что ни при Николае II, ни при В.И. Ленине «сухой закон» не был полным, скорее

[1] Сталин И.В. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1946. Т. 10. С. 96–97.
[2] Там же. С. 129.

это были ограничения в продаже определенных алкогольных напитков (в основном крепких). Слабоалкогольные же в основном под запрет не попадали. Также не запрещалось употреблять спиртосодержащие жидкости. В конце концов идея «сухого закона» провалилась полностью. Плохо организованные попытки части «старых» большевиков удержать хотя бы его видимость закончились крахом. Символ пьянства – 40° водка вернулась на прилавки магазинов, а в государственный бюджет – доходы от продажи алкоголя.

И.В. Сталин оказался человеком, который «не боялся грязи» и отменил «сухой закон». Формально претензий к нему особых нет, так как запрет на продажу алкоголя в 1914 г. вводился на период до окончания войны. Война закончилась, причем сразу две – Первая мировая и Гражданская, наступил мир, и можно было отменить «сухой закон», тем более, что закон о полном запрещении продажи алкоголя в России Государственная дума так и не приняла. Возможно, потому что просто не хотела. Она и к «сухому закону» во время первой мировой войны относилась неоднозначно. В принципе «сухой закон» в России можно было и не отменять. Значительная часть населения уже привыкла жить без водки, пьяный на улице был редкостью. Конечно, были и побочные явления: самогоноварение, употребление суррогатов спирта и т. д. Но в принципе со временем с этим можно было справиться, не до конца конечно, а в целом. Стоило только бы захотеть. Постепенно выросло бы несколько трезвых поколений и о водке бы забыли, а старые, которые ее помнили, ушли бы. Запамятовали же о спиртном во время монголо-татарского нашествия (пожалуй, единственный положительный момент этого периода). Однако опять появились следующие доводы: страну нужно поднимать, ей нужны доходы, без этого придется идти в рабство к капиталистам. А во время интервенции, когда с этими капиталистами воевали, доходы, значит, были не нужды. Без водки и выиграли войну, и армию практически с нуля создали в 5,5 млн человек. Просто государство опять пошло по наиболее легкому пути – производство и продажа водки, минимум затрат и максимум прибыли. Не нужно думать, не нужно перестраивать экономику, гони спирт как какая-нибудь бабка-самогонщица и продавай. Самое обидное, что за «сухой закон» Россией была заплачена огромная цена – проигрыш в мировой войне (мы ведь действительно могли захватить Константинополь и черноморские проливы) и распад государства, так как он вводился не вовремя и неправильно. А потом его просто взяли и отменили, как будто ничего не было, и все пошло по-прежнему.

Научное издание

Сафронов Сергей Алексеевич

«ПЬЯНЫЙ ВОПРОС» В РОССИИ И «СУХОЙ ЗАКОН» 1914–1925 годов

Монография

В двух томах

Том 2. ОТ КАЗЕННОЙ ВИННОЙ МОНОПОЛИИ С.Ю. ВИТТЕ ДО «СУХОГО ЗАКОНА»

Редактор *И.Н. Байкина*
Компьютерная верстка *О.А. Кравченко*

Подписано в печать 23.10.2017. Печать плоская. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 34,13. Тираж 500 экз. Заказ № 4037

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-67; http://bik.sfu-kras.ru
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru